

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого»

на правах рукописи

Назарова Юлия Владимировна

АКСИОЛОГИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук, профессор
Римский Виктор Павлович

Тула, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Философско-методологическая экспликация и аксиологические основания парламентской культуры	25
1.1. Понятие и концепт «парламентская культура»	25
1.2. Аксиология парламентской культуры в культурно-историческом дискурсе	39
ГЛАВА 2. Аксиологические дилеммы парламентской культуры	71
2.1. Дилеммы прав человека в культурных практиках парламентаризма	71
2.2. Дилеммы политической стратификации в культуре либерального парламентаризма	98
ГЛАВА 3. Аксиологическая модель современной парламентской культуры	121
3.1. Аксиологическая модель современной парламентской культуры в контексте классической теории ценностей	123
3.2. Ценности современной парламентской культуры и «человек публичный»	142
ГЛАВА 4. Аксиологическое содержание и практики представительства современной парламентской культуры	176
4.1. Нормативно-аксиологическое содержание современной парламентской культуры	176
4.2. Практики образования человека в парламентской культуре	211
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	244
БИБЛИОГРАФИЯ	250
ПРИЛОЖЕНИЯ	274
Приложение 1. Ценности этической культуры публичной политики	274
Приложение 2. Модель этической культуры в парламентаризме	281
Приложение 3. Модель этического образования в парламентаризме	287

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Глобальные процессы, происходящие в мировой культуре, фокусируют наше внимание, прежде всего, на расширении экономического, социального, информационного пространства, что способствует изменению организации национальных социумов, заставляя считаться с необходимостью изменения управления в политической сфере, в содержании парламентской культуры различных стран, в том числе и России. Россия в настоящее время переживает масштабные перемены, связанные с качественными трансформациями во всех сферах социальной и человеческой жизни. Эти изменения происходят на фоне антропологического кризиса, влекущего за собой искажение нравственных и духовных ценностей, потерю цивилизационной, этнокультурной и личностной идентичности.

Противоречивость культурного и социально-политического развития российского общества проявляется и в институциональных преобразованиях, которые могут быть действенными тогда, когда система ценностей, закреплённая в социальных институтах, органах власти действительно является ориентиром социокультурной динамики и личностного творчества.

В этом плане возникает острая потребность исследования общечеловеческих оснований парламентской культуры России, которая пока формируется в противоречивых процессах институализации новейшей государственной власти и обусловлена взаимодействием специфического отечественного культурно-цивилизационного и политического традиционализма с общемировым демократическим транзитом конца XX – начала XXI веков.

В России с ростом общественного и гражданского самосознания возрастает интерес к парламентской культуре и этике парламентариев. Это связано с тем, что факты коррупции и неэтичного поведения в сфере публичной политики понижают уровень доверия общества к парламенту, что придает особую актуальность вопросу о предотвращении этих проблем и совершенствовании системы парламентской культуры.

Парламентскую культуру можно охарактеризовать как общечеловеческий социокультурный и аксиологический проект гражданского общества в его культурно-цивилизационных и национальных модификациях. Поэтому актуальными являются не только интерпретации парламентской культуры как философского понятия и концепта, но и понимание трансформаций политико-правовых, антропологических и нравственных ценностей парламентаризма и практик представительства в современном цивилизационном пространстве.

Парламентская культура во многом основывается на механизмах аксиологического регулирования, которое определяется как правовыми регламентами, так и ценностными установками и практиками, связанными с национальной спецификой различных государств. В этой связи комплексное рассмотрение парламентской культуры имеет значение с той точки зрения, что она является выражением становления и развития гражданского общества в его национально-культурных версиях.

Развитие парламентаризма в странах Западной Европы, США и Канады показало, что границы института парламентаризма значительно расширились: область парламентской культуры вбирает в себя не только историческую аксиологию и личностную культуру парламентария, но и ценностно-экзистенциальные смыслы политических коммуникаций в контексте дилемм и стратификаций, генерирующих различные политические конфликты, войны, революции, что невозможно решить вне парламентских регуляций и представительского нормотворчества¹. В этом плане и сама институциональная система парламента с ее законотворческой и нравственной миссией также должна быть готова к определенной корректировке.

Комплексное рассмотрение парламентской культуры имеет значение еще и с той точки зрения, что она является выражением становления и развития гражданского общества.

¹ См.: Официальный сайт «Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией». (Электронный ресурс). URL:<http://www.gopacnetwork.org>. (дата обращения: 14.08.2013).

Если парламентская аксиология как вид профессионально-корпоративной культуры в западных странах является достаточно изученной, то в России данная проблема остается открытой. В нашей стране ценностные параметры регулирования публичной политики находятся в процессе формирования. Это и предполагает кросскультурное рассмотрение различных аксиологических моделей и практик как в странах парламентского майнстрима, так и в России (в том числе и до революции).

Некоторые элементы культурно-этического регулирования публичной политики существовали еще в парламенте 1906-1917 годов. В современной Государственной Думе РФ существует комиссия по вопросам депутатской этики; этический кодекс парламентария; Комиссия ГД по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами ГД; Комитет ГД по безопасности и противодействию коррупции; Комитет ГД по Регламенту и организации работы Государственной Думы; Комиссия Аппарата ГД ФС РФ по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов². Все перечисленные комитеты и комиссии занимаются проблемами, которые мировой парламентский опыт относит к этической и правовой культуре парламентаризма. Основной задачей этического регулирования в парламентаризме, по мнению Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией, является предотвращение этических коллизий парламентаризма, объединенное в некую систему, которая схвачена понятием «этическая культура парламента». Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией отмечает, что основным недостатком современного парламентаризма является как раз отсутствие взаимосвязанной аксиологической инфраструктуры в парламенте, что снижает эффективность мер этической профилактики, регулирования и контроля, и эта проблема присуща большинству современных парламентов.

² См.: Официальный сайт Государственной Думы РФ (Электронный ресурс). URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 14.08.2013).

На данный момент остро насущной становится реконструкция культурно-цивилизационных оснований и содержания аксиологической культуры парламентаризма. Разработка в рамках нашего исследования основных параметров культурно-аксиологической модели парламентаризма, обеспечивающей нормативность и соотношение различных ценностей, кодификацию этих ценностей как условия регуляции и эффективной работы российского парламента, представляется достаточно актуальной научно-теоретической проблемой, имеющей важное практическое значение и исторический смысл.

Степень разработанности проблемы. В этом разделе мы уделим внимание трем факторам: парламентской культуре в контексте философской аксиологии и философии культуры; вопросам понимания парламентской культуры в истории философии и современной социально-гуманитарной науке; вопросу о понимании концепта «парламентская культура».

В истории философии наиболее крупные исследования, в которых была проведена категоризация и систематизация ценностей, представлены неокантианцами (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), работами М. Шелера «Формализм в этике и материальная этика ценностей», Н. Гартмана «Этика», Д. Гильдебранда «Этика» и др. У М. Шелера система ценностей строится согласно их иерархии, построенной на понятии *Vorzugsevidenz* (предпочтение) – априорном предпочтении той или иной ценности, и основывается на ряде признаков, таких, как долговечность, неделимость, степень обусловленности другими ценностями, степень удовлетворенности ценностями и их относительность. Ценности определяются как качества идеальных подобий вещей, «блага». В философской аксиологии Н. Гартмана иерархическая система ценностей строится на синтезе различных ценностей, причем в верхних ценностных рядах этой системы, характеризующих идеальное начало, находится группа основных ценностей, центральной из которых является категория блага. Представляя антропологические характеристики ценностей, Гильдебранд выделяет такие ценностные ряды, как интеллектуальные, эстетические, нравственные.

Современная аксиология приобретает качественно иной характер, определяющийся приложением ценностей к отдельным сферам человеческой деятельности, плюрализмом ценностей и отсутствием системности. В современной западной науке исследуются ценности «публичной политики», имеющие не только этический характер, но обусловленные также и правом, политикой, сферой профессиональной политической или административной деятельности (Van Wart, Montgomery. *Changing Public Sector Values*; Rohr, John A. *Constitutional and administrative ethics. A comparative study of Canada, France, the United Kingdom and the United States*; Tait, John. *A Strong Foundation: Report of the Task force on Public Service Values and Ethics*; Kernaghan, K. *Integrating values into public service: the values statement as centerpiece*). Таким образом, сфера современной парламентской культуры может быть представлена не только общими этическими ценностями, но и правовыми, профессиональными, моральными, культурными и т.д.

Тем не менее, многие западные исследователи отмечают отсутствие системности, иерархичности в определении ценностей, и, тем самым их неэффективность при построении этико-нормативных моделей регулирования в сфере публичной политики (Gawthrop Louis C. *Foundation of Public Administration / Public Service, Ethics and Democracy*; Gow J.I. *A Practical Basis for Public Service Ethics*; Dwivedi O.P. et Gow J.I. *From Bureaucracy to Public Management. The Administrative Culture*; Harmon, Michael. *Responsibility as Paradox. A Critique of Rational Discourse on Government*).

Исходя из данного контекста, феномен парламентской культуры рассматривается в нашем исследовании как целостность ценностных формообразований (экономических, правовых, политических, мировоззренческих, религиозных, экзистенциальных, нравственных, теоретических, философских, художественных и др.), институционально закреплённых в декларациях, документах, кодексах, конституционных и правовых уложениях, в аксиологических моделях парламентских институтов, в политических, коммуникативных и этических практиках представительства, определяемых

деятельностью и культурой граждан и профессиональных политиков в сфере публичной политики. Аксиология парламентской культуры понимается нами как система ценностей парламентаризма в его институциональном и неинституциональном сегментах.

Анализ теоретической и концептной модели парламентской культуры в историческом, философском и теоретическом дискурсах обнаруживает её генезис в трудах Платона и Аристотеля, А.Ф. Дони и А. Бручоли, утопических системах Н. Макиавелли, Т. Мора и Ф. Бэкона, в теоретических идеях Ф. Гвиччардини, Т.Гоббса, Д. Локка, И. Бентама, Дж. С. Милля, Г. Спенсера, Б. Мандевиля, Ж.Ж. Руссо, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, которые и разработали «традиционную парадигму» классической парламентской культуры: философско-теоретические основания, ценностные характеристики и модели общественного договора. Современные западные философские теории в нашей работе представлены трудами К. Поппера, Дж.Ролза, Г. Сиджвика, Ф.А. Хайека, Р. Хардина и др.

Современные отечественные исследования парламентской культуры ведутся в основном в рамках политологических исследований, связываются с более широким понятием «политическая культура» в качестве её «символической провинции» (А.И. Щербинин). Данные работы концентрируются в соответствующих проблемных блоках.

Во-первых, исследования, в которых парламентская культура рассматривается как *понятие*: в этом блоке парламентская культура раскрывается исключительно как *политические отношения* (В.А. Ачкасов, Н.А. Комлева, В.А. Носков и др.)³; как *составная часть политических отношений*,

³ Ачкасов В.А. Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.: СПбГУ, 1997; Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России. Вып. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 173-191; Дука А. Политическая культура – поиск теоретических оснований // Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. Т. 1: Политическая культура и политические процессы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С.103-115; Носков В.А. Политико-культурная детерминанта развития общества: герменевтика российской реальности. Белгород: БелГУ, 2005; Комлева Н.А. К вопросу об определении понятия «культура властвования» / Деп. в ИНИОН АН СССР. 11.12.80. № 664680; Комлева Н.А. К вопросу об определении понятия «культура властвования» / Деп. в ИНИОН АН СССР. 11.12.80. № 664680; Воробьев И.В. Становление института парламентаризма в современной России: взаимодействие депутатского корпуса и аппарата Государственной Думы: Автореф. дис... к. соц. н. М.: РАГС при Президенте РФ, 2004; Константинова Л.А., Лаврикова А.А. Ценностные ориентации как фактор социальной стратификации современного российского

корпоративная и профессиональная культура⁴, институциональная и неинституциональная сфера, в основе которых лежат личностные ценности, мотивации субъектов⁵.

Во-вторых, можно выделить исследования, в которых парламентская культура определяется как *система ценностных установок и мотиваций*, содержательно раскрываются как идейные и социально-политические установки и мера ответственности перед обществом (работы Л.Н. Ковбенко, Е.Л. Сысолятина, М.Р. Романова, Ш.В. Жамалдаева, И.Н. Тарасова, А.И. Соловьева и др.). При этом некоторые авторы подчеркивают необходимость включения *нормативно-ценностных* составляющих (Е.Л. Сысолятина), таких как общественные и личностные приоритеты, господство закона, принцип верховенства права и т.д.; демократизм и политико-правовая культура (М.Р. Романов). Считается, что роль парламента определяет *контуры* развития парламентской культуры (Ш.В. Жамалдаев, И.Н. Тарасов)⁶, подчеркивается необходимость *синтеза институционально-правового и нормативно-ценностного подходов*, что дает возможность рассмотрения парламентской культуры как системного политического феномена.

общества. (Электронный ресурс). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-kak-faktor-sotsialnoy-stratifikatsii-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva#ixzz2XUKA7vdt>. (дата обращения: 12.08.2013).

⁴ Комлева Н.А. К вопросу об определении понятия «культура властвования» / Деп. в ИНИОН АН СССР. 11.12.80. № 664680; Елисеев С.М. Легитимность власти: источники, структура и динамика развития в посткоммунистическом обществе: Автореф. дис... д. полит. н. СПб., 1997; Гаман-Голутвина О.В. Развитие категории «Политическая культура» в общественно-политической мысли // Политэкс. 2005. №5; Герасимов В.М., Деркач А.А., Косопкин В.С., Надеева Т.И. Психология парламента // Международная академия акмеологических наук. М.: Статус-кво, 1999; Лысенко В.И. Десять лет современного российского парламентаризма. Доклад к заседанию круглого стола на тему: «Десять лет современного российского парламентаризма: итоги и перспективы». М., Институт современной политики, 2000; Романов Р.М. Парламентаризм: теория, история и современность. М., 2002. Павличенко Н.М. Парламентская этика: зарубежный опыт и его применение законодательными (представительными) органами Российской Федерации // Государство, право и управление. М., 2002. С. 71-85.

⁵ Воробьев И.В. Становление института парламентаризма в современной России: взаимодействие депутатского корпуса и аппарата Государственной Думы: Автореф. дис... к. социол. н. М.: РАГС при Президенте РФ, 2004; Константинова Л.А.; Лаврикова А.А. Ценностные ориентации как фактор социальной стратификации современного российского общества. (Электронный ресурс). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-kak-faktor-sotsialnoy-stratifikatsii-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva#ixzz2XUKA7vdt>. (дата обращения: 12.08.2013).

⁶ Они пишут: ««Парламенту принадлежит значимая роль на всех этапах демократического транзита – либерализации автократии, демократизации и консолидации демократии». См.: Жамалдаев Ш.В., Тарасов И.Н. Роль парламента в демократизации политической системы // Власть. 2006. № 3. С. 51-56.

Одновременно парламентская культура представляется как единство институтов и функций, как «живой политический организм» (А.И. Соловьев)⁷. Парламентская культура, отождествляется с *ценностным содержанием* гражданского общества, верховенства права, приоритета прав и свобод личности в отношениях с государством (Е.В. Сазонникова)⁸. Практики парламентской культуры в данном проблемном поле связаны с реализацией этих ценностей через представительную функцию в деятельности политических партий и избирательной системы. Социокультурные ценности оказывают влияние на практику парламента, репрезентируются в общественном сознании через оценку его деятельности.

Можно выделить и работы, связанные с *институциональными особенностями* парламентской культуры. В системе собственно парламентской культуры обозначены внутренняя (организационная) культура парламента как учреждения и внешняя культура по отношению к самому парламента (Л.Я. Полуян, И.Ф. Фасеев)⁹. В ряде работ парламентскую культуру отделяют от политической культуры, рассматривая ее как институциональное образование, имеющее собственную организационную культуру (Р.М. Романов, Е.Л. Сысолятина, Е.Д. Богатырева, О.Н. Булакова)¹⁰, организационные формы и ценности, которой состоят из структур, правил взаимодействия, а также, из живого сознания депутатов и работников парламента. Социокультурные факторы во многом определяют культуру парламента как института (к этому выводу

⁷ Соловьев А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития // Власть. 2006. № 3. С. 20.

⁸ Сазонникова Е.В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики: Автореферат дисс... д. ю. н. /12.00.02. М., 2012.

⁹ Полуян Л.Я., Фасеев И.Ф. Организационная культура представительных собраний (парламентская культура – что это такое?) Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1996. №7 (14). (Электронный ресурс). URL: http://www.niiss.ru/mag_index.ru.shtm (дата обращения: 1.08.2013).

¹⁰ Романов Р.М. Российский парламентаризм: генезис и организационное оформление» // Полис: Политические исследования. 1998. № 5. С. 131; Сысолятина Е.Л. Нормативно-ценностный потенциал парламентаризма // Новые смыслы культуры. №1(11). 2009; Богатырева Е.Д. Конституционные основы парламентаризма // Власть. 2006. № 2. С. 12-16; Булакова О.Н. Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика»: теория, мировой опыт, российская практика / Под общ. ред. Булакова О.Н. М.: Изд-во Эксмо, 2005.

приходят Е.Л. Сысолятина, А.И. Щербинин, ряд авторов Института социологических исследований РАН, и др.)¹¹.

В отечественных исследованиях рассматривается возможность соединения научно-понятийного знания с определенным концептом и его активным существованием в культурно-смысловых и коммуникационных полях, выдвигается ряд аргументов в связи с целесообразностью использования теории конституционного права в контексте категоризации *концепта парламентаризма* как специфической культурно-аксиологической модели, что связано с необходимостью расширения контента значений и теоретических положений конституционно-правовых и политологических исследований.

Пониманию парламентской культуры как *концепта* в нашем диссертационном исследовании способствовало: а) определение концепта как лингвокультурологического термина; б) определение культурного концепта как микромоделей культуры¹²; в) понимание концепта как специфического конструкта¹³. Мы исходим из того, что такие формы идеально-мыслительной деятельности человека как *понятие* и *концепт* различаются и в познании, и в культурной реальности. В зарубежной и отечественной философии и культурологии существует устойчивая традиция отличия понятийного, рационально-логического мышления от «концептного», образно-смыслового, метафорического¹⁴. Понятие неизменно и статично, в то время как концепт

¹¹ См.: Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад Института Социологии РАН, 2007. С. 93-104; Сысолятина Е.Л. Парламентаризм как средоточие социокультурных факторов //Альманах Дискурс-Пи (Электронный ресурс). URL: <http://www.madpi.ru/index.php?option=com.content&view=full&itemid=57>; Парламентаризм в России: исторический опыт, проблемы и перспективы: учеб. пособие / под ред. Н.В. Поправко, К.Н. Широко. Томск, 2007; Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Парламентская культура: коммуникативный аспект // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №5 (25). С. 68-70.

¹² Степанов Ю.С. Концепт. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997; Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: Коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. Белгород: ИД «Белгород», 2012; Когнитивная лингвистика. (Электронный ресурс). URL: <http://zinki.ru/book/kog> (дата обращения: 30.07.2013) Коровина А.Ю. Образно-перцептивные характеристики лингвокультурного концепта «superiority» // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 59-61; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004; Филенко Л. П. Русский космизм: социокультурный проект и рациональный конструкт. Автореферат дисс... к. филос. н. Белгород, 2012. С. 16-19.

¹³ Швырев В.С. Конструкт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010.

¹⁴ См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009. С. 6, 16; Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2010. С. 306-307; Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. М., 2011. С. 198-199; Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 16 (71). Вып. 10. Белгород, 2009. С. 24-36;

находится в процессе постоянных изменений; понятие существует объективно, само по себе, вычленяет отдельную часть явления, в то время как концепт может рассматривать явление в многообразии, синтезе, совокупности его проявлений.

Поэтому понятие парламентской культуры может рассматриваться через отдельные проявления – как институты, депутатские практики, этический режим, и т.д., что не может выразить все смыслы этого явления. Концепт парламентской культуры представляет собой синтез, совокупность элементов и характеристик как институциональной сферы парламентаризма, так и неинституциональных проявлений, выраженных в текстах, языке, динамике развития принципов и идей парламентаризма, в живой деятельности, практиках парламентариев и граждан.

Феномен парламентской культуры рассматривается в нашем исследовании как целостность ценностных формообразований (экономических, правовых, политических, мировоззренческих, религиозных, экзистенциальных, нравственных, теоретических, философских, художественных и др.), институционально закрепленных в декларациях, документах, кодексах, конституционных и правовых уложениях, в аксиологических моделях парламентских институтов, в политических, коммуникативных и этических практиках представительства, определяемых деятельностью и культурой граждан и профессиональных политиков в сфере публичной политики. Аксиология парламентской культуры понимается нами как система ценностей парламентаризма в его институциональном и неинституциональном сегментах.

В целом исследователи парламентской культуры солидаризируются в вопросе о концептуальной незавершенности и фрагментарности научных разработок по указанной тематике. В научных разработках по парламентской культуре слабо представлен системный, комплексный и междисциплинарный подход, который синтезировал бы философские, политические, социологические,

Римский В.П., Трошихин В.В., Филенко Л.П. Русский космизм между культурно-идеологическим конструированием и философско-теоретической реконструкцией // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №14 (133). Вып. 21. Белгород, 2012. С.16-31; Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: коллективная монография / под ред. В.П. Римского. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2012; Степанов Ю.С. Концепт. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997; и др.

лингвокультурологические аспекты изучения парламентской культуры и выработки соответствующих концептов и понятий.

Все выше сказанное и определило проблемное поле нашего диссертационного исследования.

Объект исследования – феномен парламентской культуры.

Предмет исследования – ценностные основания, этические и культурные практики современного парламентаризма.

Цель исследования – философско-культурологическая интерпретация современной парламентской культуры как аксиологической целостности и практики представительства.

В соответствии с объектом, предметом и целью определены и соответствующие **задачи диссертационного исследования**:

- провести философско-методологическую разработку теоретико-понятийных значений и концептуальных смыслов парламентской культуры;
- осуществить историко-философскую и культурно-историческую экспликацию парламентской культуры в целостности ее институциональных и неинституциональных элементов, в единстве аксиологических моделей и этико-антропологических практик парламентского представительства;
- выявить аксиологические дилеммы прав человека в культурных практиках парламентаризма;
- вычленить дилеммы политической стратификации в культуре либерального парламентаризма;
- на основе интерпретации англо-американской версии парламентаризма определить основные принципы аксиологической модели современной парламентской культуры и её роли в жизнедеятельности «человека публичного»;
- обосновать аксиологическую модель современной парламентской культуры в контексте классической теории ценностей;
- провести философско-теоретическую реконструкцию нормативно-аксиологического содержания современной парламентской культуры в институциональном контексте;

– рассмотреть практики и аксиологические модели парламентаризма в контексте этического образования современного парламентария как «человека публичного».

Новизна научного направления, реализованного в диссертации, заключена в комплексном решении крупной научно-теоретической задачи философско-культурологического исследования, интерпретации и понимания феномена парламентской культуры как целостности институциональных и неинституциональных элементов, аксиологических норм, культурных и этических практик человека в сфере современной публичной политики и представительства.

Научная новизна исследования конкретизируется в следующих результатах:

1. Эксплицирован концепт «парламентская культура» и определены его теоретико-понятийные значения и коннотации, позволяющие уточнить в современном научном контенте все многообразие и множественность смыслов данного феномена и исследовать его как специфическую культурно-аксиологическую модель.

2. Историко-философская интерпретация текстов в культурно-историческом контексте европейской цивилизации позволила сделать вывод о том, что становление концепта парламентской культуры определяется конструированием новых смыслов и значений, определяющих её содержание и культурно-философские основания современных моделей парламентаризма, сформированные в философской аксиологии Т. Гоббса, Д. Локка, И. Бентама, Дж. Милля, Г. Спенсера, И. Канта, Г. Гегеля.

3. Выявлено, что значения концепта парламентской культуры и проявление его смыслов в различных философских, теоретических, документальных дискурсах и культурных практиках способствуют *синтезу смыслового и практического* элементов парламентаризма, единству его феноменологических проявлений (институционального и неинституционального сегментов, политических и социальных стратификаций и дилемм, текстовых, документальных способов и методов выражения аксиологических норм и

закрепления этико-антропологических стратегий представительства), что связано с продуктивным проецированием деятельности парламента.

4. Анализ концепта парламентской культуры позволил определить ее феноменологические черты в социокультурной и исторической ретроспективе, установить культурно-исторические особенности деятельности институтов парламентаризма в различных странах, выявить систему ценностей представительства с учетом национальных и культурно-цивилизационных характеристик.

5. Установлено соотношение между институциональными и неинституциональными сегментами парламентской культуры, определены существенные *закономерности* в развитии этого феномена, выявлены факторы влияния политических систем, аксиология которых определяется принципами либерализма (равенства, свободы, собственности) на различные уровни политической стратификации, в результате чего выделены соответствующие дилеммы (политического равенства, политической свободы и справедливости, мира).

6. Определена содержательная аксиологическая составляющая парламентской культуры, в результате чего был сделан вывод о том, что современная культура представительства в сфере публичной политики функционирует в синтезе двух парадигмальных ценностных экспликаций: с одной стороны – это система *традиционных ценностей культуры*, с другой – ценности, включенные в парадигму *неклассической культуры*.

7. На основе критического восприятия идей западных исследователей парламентаризма развёрнуты понятия «этическая культура парламентаризма» и «этическое образование в парламентаризме», которые позволили интерпретировать сложную феноменологию современной парламентской культуры как систему этико-антропологических стратегий делегирования и практик представительства.

8. Установлена взаимосвязь между правовыми и моральными регуляциями в сфере политической жизни и аксиологическими моделями парламентаризма в

контексте этико-правового образования и самообразования парламентария как «человека публичного пространства» и формирования *этики публичной политики*.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение парламентской культуры не только как понятия, но и как концепта, позволяет представить её как культурную модель, синтезирующую в себе *ценности, стратегии и практики* парламентского делегирования и представительства. Выявление многообразных смыслов концепта «парламентская культура» определяет логику производства новых понятий в исследовании данного феномена, что дает возможность проектирования ценностных моделей в систему парламентских стратегий, отношений и практик.

2. Историко-философские, философско-теоретические и культурные основания концепта парламентской культуры восходят к античности и связаны с *концепцией справедливости, равенства, блага и законности* (Платон, Аристотель); коррелируются с *аксиологическими основаниями либеральных прав человека* («общественный договор» Т. Гоббса и Дж. Локка, идея «всеобщей воли» Ж.-Ж. Руссо), с *консервативно-либеральной философией права и политики* И. Канта и Г. Гегеля, *аксиологическим обоснованием либерализма с позиций рационализма* (Л. фон Мизес) и *либерализма как светского гуманизма, личной автономии и общественной полезности* (С. Бенн, Д. Бьюкенен, Э. Гутман, Д. Дворкин, Э. Джилл, Д. Дьюи, К. Поппер, Д. Рац, Р. Рорти, М. Сэнделл, Г. Таллок, Б. Хэмптон, С. Уолл, Р. Янг и др.).

3. Парламентская культура понимается как социокультурная *целостность*, проявляющаяся в единстве ценностных моделей и культурных практик, выраженных в многообразии коммуникативных связей, документально зафиксированных в языке, в разнообразии социальных и политических дилемм, определяющих институциональные особенности и неинституциональные проявления феномена парламентской культуры. Феномен парламентской культуры определяется не только *социальными*, но и *культурно-историческими факторами*, что отражается в системе *ценностных* парадигм, дрейфующих от религиозно-моральных норм к правовым. Современные аксиологические

нормативы парламентаризма западных стран (англо-американская версия) сконцентрированы в таких основополагающих ценностях как *служение общественному интересу*, выступающее критерием политической культуры, и ценности *всеобщего блага как высшего идеала демократии*. В процессе развития парламентаризма устанавливается и документально утверждается *понятие субъекта и функций публичной политики*, выделяются стандарты и механизмы правовой и этической регуляции деятельности парламентариев.

4. Парламентская культура содержит институциональный и неинституциональный сегменты, которые основываются на определенных ценностях и имеют соответствующие регулятивные механизмы. В результате анализа деятельности институционального сегмента парламентской культуры определены различные аксиологические модели (бюрократическая и демократическая), установлены ценностные доминанты, нормативы и механизмы регуляций, факторы, влияющие на существование и развитие *уровней политической стратификации* различных стран, которые определяются их культурными, национальными, политическими и религиозными традициями. Факты показывают несоответствие принципов либерализма с реальными структурами политической стратификации, а также с практической реализацией прав человека, что рождает определенные *противоречия (дилеммы)* между целями либерального политического устройства и реальной действительностью, несоответствия аксиологических моделей парламентской культуры и практик делегирования и представительства, что часто приводит к их фетишизации.

5. Парламентская культура содержательно определяется системой ценностей, формирующих *аксиологическую модель публичной политики*, которая основывается на базовых этических ценностях, проектируемых системой принципов: а) *соотношения властных ценностей и оппозиционных ценностей*; б) *измерения силы ценностей* (исходя из ценностного ответа на практические вызовы); в) *расположения оппозиционных ценностей по степени регулирования, согласно степени наказания*. Данная аксиологическая модель не является универсальной, так как парламентская деятельность неоднозначна и *ситуативна*,

но может быть использована как *теоретический ориентир* в различных вариативных поведенческих практиках.

6. Концепт парламентской культуры проявляется в аксиологических моделях, содержание которых включает в себя различные формы коммуникативности и экзистенциальные смыслы. В результате парламентские практики порождают ценности, которые имеют непосредственную связь с идеями либерализма. Такие слагаемые парламентских практик, как политическая стратификация в ее соотношении с концепцией прав человека, являются основной ценностной идеей либерализма. Институциональный сегмент парламентской культуры представлен понятиями «этический режим» (правила, процедуры, кодификация, этические кодексы) и «этическое образование».

7. В институциональном сегменте парламентской культуры практики делегирования и представительства проявляются как *основные элементы конкретизации нормативности* (этический режим как совокупность принципов, норм парламентской деятельности и механизмов их осуществления и регулирования; этическое образование как система программ, мониторингов, тренингов и мероприятий, направленных на повышение уровня профессиональной этики) в качестве *способа проецирования* нормативности в парламентскую деятельность, что эксплицируется на примере работы парламентов ряда западных стран в их национально-культурном и политическом своеобразии. Выявлены общие характеристики в формировании *стадий (ступеней) становления этики парламентской культуры*: а) создание коалиции для изменений внутри парламента и формирование понимания эффективности этической системы; б) достижение соглашения по поводу этических принципов; в) установление системы регулирования и этического образования членов парламента; г) определение этической кодификации парламента.

8. Анализ парламентских документов, содержащих международный опыт различных стран, позволил выделить понятия, характерные для парламентской практики: *этическая культура* как особая парламентская система, включающая в себя *этический режим* и систему *этического образования*. В рамках анализа

институтов парламентаризма выделены *этика парламентской культуры* в контексте *этического режима*. Представлена модель *нравственного обучения* в системе парламентской этики, указаны способы разрешения моральных дилемм (дилеммы выгодных связей и служебного информирования в конкретных ситуациях конфликта интересов) в рамках профессиональной парламентской деятельности как средства коллективного аксиологического творчества и инструмента в системе обучения парламентариев. Определена аксиологическая составляющая *этического кодифицирования*.

Научно-теоретическое значение исследования определяется тем, что в нем эксплицирован концепт парламентской культуры, позволяющий рассматривать данный феномен системно – в аксиологической и практической феноменологии. Данный подход обусловил возможность развернутого понимания парламентской культуры в ее исторической ретроспективе и современном состоянии, что определило получение новых знаний о данном феномене, разработку комплексной социокультурной модели парламентаризма как синтеза содержательных аксиологических смыслов и значений, основанных на идеях, теориях и практиках либерального парламентаризма. Концептуальная модель парламентской культуры дала возможность обобщения различных культурных практик представительства, связанных с деятельностью парламентариев, определения закономерностей развития современного парламентаризма, его аксиологических составляющих, национального своеобразия и социокультурных особенностей, что является инновационным результатом диссертационного исследования и решением крупной философско-теоретической проблемы.

Методология исследования. Методология диссертационного исследования основывалось на использовании *совокупности методов*, позволивших провести целостную реконструкцию феномена аксиологической культуры и практик современного парламентаризма.

Применение *диалектического метода* в анализе дилемм прав человека и дилемм политической стратификации в рамках концептов либерализма и прав человека дало возможность: а) установить ценностное содержание парламентской

культуры; б) сущностное содержание *дилемм либерализма*, связанных с процессом институализации гражданских и политических прав; в) определить *взаимосвязь* между принципами либерализма, правами человека, правовыми и моральными регуляциями в сфере политической жизни и в системе этики публичной политики; г) выделить *ценностное содержание дилемм* через диалектику различий и тождества, показать уровни их зависимости от общего содержания культуры, тем самым определить *взаимосвязь теории и практики* в культуре парламентаризма.

Метод дескриптивного анализа дал возможность описать систему принципов либерализма; прав человека; определить черты политической стратификации в их культурно-историческом проявлении; установить содержание ценностей публичной политики; этического режима; принципов этического образования в парламентаризме.

Метод культурно-лингвистического анализа использовался при определении понятия и концепта «политическая культура», понятий «этика публичной политики», «этический режим» и др.

Метод сравнительно-исторического и кросскультурного анализа явился основополагающим при исследовании культурно-исторических форм прав человека, их ценностного содержания, методологии ценностной составляющей культуры парламентаризма различных стран, публичной политики, при выделении основных черт парламентского режима.

Метод ситуационного анализа позволил выявить практическое значение этического образования как части системы парламентской культуры.

Метод системного анализа дал возможность установить *системный характер дилемм*; явился важным фактором при реконструкции ценностей, выявлении структуры этического образования и аксиологической специфики парламентских практик.

При исследовании парламентской культуры был использован следующий круг **источников**:

1. *Классические историко-философские источники* позволили исследовать философско-аксиологические основания парламентской культуры: философия Античности – труды Платона («Государство») и Аристотеля («Политика», «Никомахова этика»); философия Средневековья – комментарии Альберта Великого к «Политике» Аристотеля, работы У. Оккама «Краткая беседа о могуществе папы», «Компендиум заблуждений папы Иоанна XXII», «О могуществе императоров и епископов», Дж. Уиклифа «О власти папы» и «О долге государя»; Данте Алигьери «О монархии»; политическая философия Эпох Возрождения и Реформации – работы Ж. Бодена, А. Бручоли, Ф. Бэкона, Ф. Гвиччардини, А.Ф. Дони, Н. Макьявелли, Т. Мора. Политическая философия Нового времени: работы, наиболее полно обосновавшие философию утилитаризма, лежащую в основе либерализма – И. Бентам «Введение в принципы нравственности и законодательства», Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре»; И. Кант «Критика практического разума»; «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», Г.В.Ф. Гегель «Философия права». Либеральная философия эпохи развития капитализма представлена книгой Людвиг фон Мизеса «Либерализм»; мы опирались на философскую аксиологию, развитую в работах Н. Гартмана «Этика», М. Шелера «Формализм в этике и материальная этика ценностей» и «Ресентимент в структуре моралей», Д. Гильдебранда «Этика».

2. *Источники по неклассической и современной философии ценностей:* работы иностранных авторов (Канада и США), не переводившиеся на русский язык, используемые для построения методологии неклассических ценностей парламентской культуры: Van Wart, Montgomery «Changing Public Sector Values»; Rohr, John A. «Constitutional and administrative ethics. A comparative study of Canada, France, the United Kingdom and the United States »; Tait, John. «A Strong Foundation: Report of the Task force on Public Service Values and Ethics»; Kernaghan, K. «Integrating values into public service: the values statement as centerpiece», и др.). Исследования, посвященные вопросу формирования культуры публичной политики и общественного служения: (Gawthroppe Louis C. «Foundation of Public

Administration / Public Service, Ethics and Democracy»; J.I.Gow «A Practical Basis for Public Service Ethics»; Dwivedi O.P.et Gow J.I. «From Bureaucracy to Public Management. The Administrative Culture»; Harmon, Michael. «Responsibility as Paradox. A Critique of Rational Discourse on Government»; McSwite, O.C «Legitimacy in Public Administration»; Paquet, Gilles. «Governance Through Social Learning»).

3. *Документальные источники о практиках парламентаризма*: материалы официального сайта «Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией»; материалы официального сайта Государственной Думы РФ (Электронный ресурс); «Всеобщая Декларация прав человека (Преамбула)» (Электронный ресурс); «Всеобщая декларация прав человека и гражданина, 1789» (Электронный ресурс); «Парламентская этика в России. Сборник материалов Комиссии государственной Думы Федерального Собрания РФ по этике», 2002; «Парламентская этика: сравнительный анализ», 2000.

4. *Источники по проблемам этического образования*: работа Л. Кольберга «The development of children's orientations toward a moral order» (для реконструкции модели этического образования как практики формирования парламентской культуры).

Теоретическая и практическая значимость работы. Проблема парламентской культуры является актуальной как в образовательной сфере, так и для деятельности современного российского парламента. Материалы исследования могут быть использованы в преподавании гуманитарных дисциплин (философии, истории, политологии, социологии, конфликтологии, культурологии, лингвокультурологии и др.) в высшей школе, а также в учебных курсах повышения квалификации депутатского корпуса ГД, в реальной парламентской практике (при определении аксиологического проектирования в работе над этическим кодифицированием, при формировании кодексов профессионального поведения парламентариев и направлений этического образования депутатского корпуса).

Результаты исследования способствуют развитию различных междисциплинарных проблем в отечественной философии: антропологии, культурологии, политологии, дополняют общую картину функционирования современной философии. Практическая значимость исследования заключается и в том, что его результаты реализованы в рамках грантовых проектов, исследующих перспективы развития регионального сектора публичной политики.

Личный вклад автора состоит в инновационных разработках концепта парламентской культуры, в определении методологии, принципов, целей и задач исследования, в обозначении и формулировке новизны и гипотезы исследования. Личный вклад автора определяется также тем, что в диссертационной работе использовались ранее непереведенные статьи и источники иностранных авторов, многие понятия впервые использованы и эксплицированы в контексте отечественной науки и философии. Впервые дана философская и междисциплинарная инновационная разработка концепта «парламентская культура», что позволило на основе интерпретации современной англо-американской версии парламентаризма как «нормативной» и «классической» в институциональном контексте, концептуализировать аксиологические дилеммы прав человека в культурных практиках парламентаризма, представить парламентскую культуру как аксиологическую модель и целостность этико-антропологических практик парламентского представительства в контексте этического образования современного парламентария как «человека публичного».

Апробация диссертации. Основные результаты исследования получили грантовую поддержку РГНФ с 2008 года по 2009 год («Социологический портрет региона: Тульская область», проект № 08-03-71301 а/Ц); поддержаны грантом РГНФ с 2010 по 2011 год («Социокультурный потенциал развития Тульской области в условиях социально-экономического кризиса», проект № 10-03-71313 а/Ц)., отражены в авторских публикациях.

В 2010-2011 годах автором был разработан курс лекций «Парламентская этика» для студентов ТГПУ им. Л.Н. Толстого. В 2011 году автор получила диплом второй степени за успешную научную работу в рамках конкурса молодых

ученых ТГПУ им. Л.Н. Толстого. В 2011 году была опубликована монография «Парламентская этика: история и современность», удостоенная диплома XIX Минской международной книжной выставки ярмарки (8-12 февраля 2012 года). В апреле 2013 года монография «Парламентская этика в России: история и современность» стала лауреатом конкурса Российского исторического общества, посвященного 20-летию Федерального Собрания РФ и Конституции РФ, и награждена почетным знаком премии Российского исторического общества и дипломом третьей степени.

Автор принимал участие в конференциях различного уровня, в том числе: «Социокультурные портреты регионов России: опыт комплексной реализации»: IV Всероссийская научная конференция» (г. Чебоксары, 18-22 сентября 2008 г.); «Социокультурные основания стратегии развития регионов в России: V Всероссийская научно-практическая конференция» (г. Смоленск, 2009 г.); «Образование в современном мире. Международная научно-практическая конференция» (г. Тула, 2009 г.); «Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса. 6 Всероссийская научно-практическая конференция (г. Ульяновск, 2010 г.); «Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» (г. Белгород, 2011 г.); «Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: 7 Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Казань, 2011 г.); «V Всероссийская научно-практическая конференция» (г. Казань, 2012 г.); «Вторая заочная международная научно-практическая конференция» (г. Пермь, 2013 г.).

По теме диссертации опубликовано 40 научных работ, в том числе 3 авторские монографии и 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Диссертационная работа обсуждена на кафедре философии и культурологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого и рекомендована к защите.

Структура работы: работа состоит из введения, четырех глав, восьми параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Глава 1. Философско-методологическая экспликация и аксиологические основания парламентской культуры

В данной главе нами будут определены методологические, философско-теоретические и социокультурные основания парламентской культуры. Предполагается, что анализ методологических оснований парламентской культуры будет осуществляться через понимание парламентской культуры как *концепта* в контексте социокультурного и философского дискурса. Кроме того, будет рассмотрен процесс становления и развития парламентской культуры; философско-теоретические основания парламентской культуры; содержание институциональных и неинституциональных сегментов парламентской культуры; анализ ее методологических оснований, в культурно-историческом контексте.

1.1. Понятие и концепт «парламентская культура»

Целью данного параграфа является анализ методологических оснований парламентской культуры, определение ее становления и развития в контексте социокультурного и теоретического дискурса, посредством анализа современных исследований парламентской культуры; рассмотрение понятия концепт в современных лингвокультурологических и философских исследованиях.

Парламентская культура в отечественной литературе рассматривается в основном в политологическом дискурсе, что, безусловно, недостаточно¹⁵. Парламентская культура в современных исследованиях определяется как *понятие*. Это социально-политический феномен, связанный с политическими отношениями¹⁶, составная часть политических отношений, корпоративная и

¹⁵ До настоящего времени парламентская культура как политологическая проблема остается мало изученной и требует проведения системных исследований всех основных ее сторон: общественно-политического и организационного статуса субъектов парламентской деятельности, ментальных оснований современного российского социума, регионально-электоральных групп, определяющих профессиональную готовность и подготовленность к осуществлению парламентской деятельности. (См.: Ковбенко Л.Н. Парламентская культура в современном российском политическом процессе: условия и факторы развития. СПб., 2009. С.4).

¹⁶ Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.: СПбГУ, 1997; Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России. Вып. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 173-191; Дука А. Политическая культура – поиск теоретических оснований // Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии: в

профессиональная культура¹⁷, институциональная и неинституциональная сфера, в основе которых личностные ценности, мотивации субъектов¹⁸. Парламентская культура в данных исследованиях представлена как система ценностных установок и мотиваций, которые обуславливают эффективность деятельности парламента как представительной власти: «доминирующие в обществе идейные и социально-политические *установки* относительно роли и значения представительной власти, её *ответственности* перед обществом, условиях формирования и общественной эффективности (курсив мой – Ю.Н.)».¹⁹

В целом парламентская культура представлена в исследованиях в контексте общих политологических проблем²⁰, в разработках по парламентской культуре отсутствует системный, комплексный характер исследований, который объединил философские, политические, социологические, лингвокультурологические подходы к изучению парламентской культуры²¹.

2 т. Т. 1: Политическая культура и политические процессы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. С. 103-115; Носков В.А. Политико-культурная детерминанта развития общества: герменевтика российской реальности. Белгород: Белгород, гос. ун-т, 2005. Комлева Н.А. К вопросу об определении понятия «культура властвования» / Деп. в ИНИОН АН СССР. 11.12.80. № 664680. Комлева Н.А. К вопросу об определении понятия «культура властвования» / Деп. в ИНИОН АН СССР. 11.12.80. № 664680.

¹⁷ Елисеев С.М. Легитимность власти: источники, структура и динамика развития в посткоммунистическом обществе: Автореф. дис. д-ра полит. наук. С-Пб., 1997; Гаман-Голутвина О.В. Развитие категории «Политическая культура» в общественно-политической мысли // Политэкс. 2005. №5; Герасимов В.М., Деркач А.А., Косопкин В.С., Надеева Т.И. Психология парламента // Международная академия акмеологических наук. М., Статус-кво, 1999; Лысенко В.И. Десять лет современного российского парламентаризма. Доклад к заседанию круглого стола на тему: "Десять лет современного российского парламентаризма: итоги и перспективы". М., Институт современной политики, 2000; Романов Р.М. Парламентаризм: теория, история и современность. М., 2002. Павличенко Н.М. Парламентская этика: зарубежный опыт и его применение законодательными (представительными) органами Российской Федерации // Государство, право и управление. М., 2002. С. 71-85.

¹⁸ Воробьев И.В. Становление института парламентаризма в современной России: взаимодействие депутатского корпуса и аппарата Государственной Думы: Автореф. дис. канд. социол. наук. - М.: Рос.акад. гос. службы при Президенте РФ, 2004. Константинова Л.А. Лаврикова А.А. Ценностные ориентации как фактор социальной стратификации современного российского общества. (Электронный ресурс) URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-kak-faktor-sotsialnoy-stratifikatsii-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva#ixzz2XUKA7vdt>. (дата обращения: 20.06.2013).

¹⁹ См.: Ковбенко Л.Н. Парламентская культура в современном российском политическом процессе: условия и факторы развития. СПб., 2009. (Электронный ресурс) URL: <http://www.dissercat.com/content/parlamentskaya-kultura-v-sovremennom-rossiiskom-politicheskom-protssesse-usloviya-i-factory-r#ixzz2XVI9WweX> (дата обращения: 20.06.2013).

²⁰ Подчеркивается «фрагментарность отечественной политической теории парламентской культуры, незавершенность познания и определения закономерностей личностной и нормативной регуляции профессионального поведения, механизмов интеграции норм в структуру парламентских отношений, а также потребность совершенствования существующего комплекса средств и условий формирования парламентской культуры на личностном, корпоративном и общесоциальном уровнях, как в тактическом, так и в стратегическом значении» // Там же. (дата обращения: 20.06.2013)

²¹ Парламентская этика: сравнительный анализ. М.: Национально-демократический институт международных отношений, 2000; Парламентская этика в России: Сборник материалов Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по этике. М.: Издание Государственной Думы, 2002; Наумова Е.А. Культурная детерминация властных отношений: Автореф. дис. к. полит. наук: Саратов: 2003; Петрова С.В.

Таким образом, констатируя различные подходы в *понимании смысла* парламентской культуры, можно сказать, что парламентская культура – социокультурный феномен, который, являясь существенным элементом *гражданского общества* в различных исторических и культурных дискурсах, включает в свой содержательный ареал *политические отношения*, выражающие *интересы* различных социальных групп, их ценностные экономические, мировоззренческие, нравственные установки и мотивации, уровень политической культуры, формирующие отношение к представительской власти. Эти черты характеризуют *неинституциональный (объективный) элемент парламентской культуры*. С другой стороны, парламентская культура включает *институциональные характеристики*, такие как институт парламента как институт власти, политический режим, политическое управление, публичная политика, этика публичной политики, этическая культура, политическая система и т.д.

Парламентская культура как система института власти содержит элементы собственной культуры, такие как этическая культура²², этический режим²³, этическая кодификация и регламентация, которые являются механизмами регуляции деятельности парламента. В системе собственно парламентской культуры выделяют «внутреннюю (организационную) культуру самого парламента как учреждения и общественную культуру внешнюю по отношению к самому парламенту, то есть культуру среды, в которой представительное собрание существует»²⁴. Внешняя культура парламентаризма зависит от сложившихся традиций общества, его ценностей, традиций, обычаев,

Гражданская культура: теоретическая модель и практическая реализация в процессе демократических реформ в России: Автореф. дис. канд. полит.наук: - Ростов н/Д: 2004; Петухов В.В. Демократия участия в современной России // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С.73-90.

²² Термин «этическая культура» (Ethics Culture) представлен на сайте организации GOPAC <http://www.gopacnetwork.org>. (Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией). Понятие «этическая культура» включает в себя совокупность ценностей, принципов и норм, а также систему образования правовой и этической направленности в парламенте.

²³ Этический режим (*Ethics and conduct regime*) – это совокупность принципов, норм парламентской деятельности, и механизмов их осуществления и регулирования (См.: Парламентская этика: сравнительный анализ. – Национальный демократический институт международных отношений, 2000).

²⁴ Л.Я.Полуян, И.Ф.Фасеев Организационная культура представительных собраний (парламентская культура — что это такое?) Представительная власть: мониторинг, анализ, информация . 1996. №-7 (14) (Электронный ресурс) URL: http://www.niiss.ru/mag_index.ru.shtml (дата обращения: 27.07.2013).

религиозных и нравственных представлений, всего наследия национальной истории.

Следовательно, парламентская культура охватывает широкий спектр социальных, культурных, правовых отношений, более того, парламентская культура *воспроизводит* через законотворчество правовой порядок и, в определенной степени, *корректирует* социальные отношения, регламентируя их в правовом и в политическом поле. В этой связи можно утверждать, что парламентская культура, выступая *конструктом*, в значительной степени *изменяет* социум, влияет на общественное развитие, способствуя становлению и укреплению *гражданского общества*. Одновременно развитие парламента как института в значительной степени зависит от *социокультурных факторов*. Данное утверждение подтверждается практикой: «демократия зависит не только от структур и институтов, она основывается на ценностях. Признание этого факта соотносится с тем, что даже одинаковые по структуре парламенты в разных странах будут действовать по-разному. К такому выводу, более ста лет назад пришел французский психолог Г. Лебон (в своей работе «Психология народов и масс»), сравнивая политические режимы США и стран Латинской Америки, которые копировали американскую политическую систему. То, что Латинская Америка не достигла североамериканского процветания и уровня демократии, не в последнюю очередь связано с политической культурой»²⁵ граждан.

В то же самое время фиксируется влияние парламентских институтов на формирование политической культуры граждан, как в положительном, так и в отрицательном смысле. Например, в социологических исследованиях, проведенных в России, отмечается «низкий уровень эффективности демократической модели, сложившейся в России, прежде всего, ее институциональной составляющей, призванной защищать и выражать интересы граждан, так как россияне менее всего склонны доверять политическим партиям, судебной системе, профсоюзам, Государственной Думе и Совету Федерации,

²⁵ См.: Щербинин А. И. Парламентская культура (Электронный ресурс) // URL: <http://duma.toms.ru> (дата обращения: 12.07.2013).

прессе и социальным службам», наибольшей степенью доверия пользуются структуры исполнительной власти Российской Федерации. По мнению экспертов, низкий уровень поддержки институтов гражданского общества обусловлен недовольством россиян их деятельностью». Эти факторы «свидетельствуют о том, что позитивное отношение россиян к ценностям демократии сочетается со скепсисом по отношению к ее инструментальной составляющей. Подобные тенденции приводят к тому, что демократические ценности не преобразуются в социальные поведенческие установки»²⁶. Тем не менее, в общественном сознании существует устоявшееся мнение о ценности демократического устройства, поэтому «модель демократии по-прежнему служит эталоном общественного развития, в качестве важнейших составляющих которого выступают такие ценности, как права человека и социально-экономические права»²⁷.

Таким образом, *бытие парламентской культуры образует единое поле*, в котором существуют и действуют различные общественные силы, фокусируясь в институциональных структурах, в ценностных установках общественного сознания, коммуникативных практиках. Бытие парламентской культуры проявляется через сущее, событийность, формируя, *конструируя* и конституируя ценностные инварианты. Парламентская культура в этом смысле представляется как *единое социальное поле*, которое проецируется через *ценностные смыслы гуманистических либеральных идей*, в рамках *общекультурного социального проекта глобального демократического социума*, проявляющиеся в культурно-коммуникативных антропологических практиках.

Парламентская культура имеет достаточно подвижный, характер, она находится в состоянии перманентного изменения и становления. *Становление* парламентской культуры связано с *конструированием новых смыслов*, которые проявляются через культурные тексты, теории, документы. Теоретические

²⁶ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад Института Социологии РАН, 2007. С. 93-104.

²⁷ Сысолятина Е.Л. Парламентаризм как средоточие социокультурных факторов // Альманах Дискурс-Пи (Электронный ресурс) // URL: http://www.madpi.ru/index/php?option=com.content&view=itemid_57(дата обращения: 20.07.2013).

основания конструкта²⁸ парламентской культуры, в известной степени, обусловлены философскими, художественными проектами, в которых сфокусировались идейно-теоретические, ментальные, образные, языковые смыслы.

Историческое развитие ценностных оснований парламентаризма дает возможность рассматривать феномен парламентской культуры как явление, имеющее *исторический и культурный смысл*, то есть *концепт*²⁹, который проявляется, во-первых, как *институт власти*, основывающийся на ценностях демократии и представляющий собой *механизм* регулирования общественных процессов, во-вторых, парламентская культура – это сложное политическое образование, в котором происходит процесс постоянного движения и обмена: от общественных и политических событий, происходящих в социуме, до диалогов общества с институтом парламента, обсуждения и принятия законов и законодательных актов. В этом смысле парламентская культура обладает способностью *законотворчества* как своеобразного самовыражения интересов общества и парламента. Наконец, парламентская культура – это ценностный ареал, который включает в себя идеалы и ценности гражданского общества, сформированные в процессе культурного и исторического развития, которые основаны на демократизме и правах человека.

В-третьих, парламентская культура, ее ценности и принципы, как сущностное отражение потребностей и целей политических и общественных отношений и запросов, выражены в языке, в текстах и документах правового и

²⁸ «Конструкт – понятие современной методологии науки, подчеркивающее активность, конструктивность работы научного сознания при введении в состав концептуальных структур научного знания специфически научных понятий и соответствующих терминов в язык науки... В связи с этим достаточно остро встал вопрос об отношении конструктов к реальности...» Швырев В.С. Конструкт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 2. С. 291-292. Термин конструкт: «Концептуальные структуры (в научном знании) – понятие, обобщающее различные виды структур научного знания. Развитие научно-познавательной деятельности приводит к появлению все более сложных и внутренне дифференцированных концептуальных структур, наиболее высокоорганизованным видом которых являются теоретические системы... Свою внутреннюю структуру имеют уже первичные концептуальные объяснительные схемы (выделено нами – авт.), которые в качестве объясняющего фактора определенной ситуации используют некий понятийный конструкт». Швырев В.С. Концептуальные структуры // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / РАН, Ин-т философии, Нац. общ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Степин [и др.]. М., 2010. Т. 2. С. 308.

²⁹ Как показала в своих работах С.С. Неретина, понятие концепта от лат. *conceptus* – собрание, восприятие, зачатие) – акт «схватывания» смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания. Термин «концепт» введен в философию Абеяром в связи с анализом проблемы универсалий, потребовавшим расщепления языка и речи.

политического характера. В-четвертых, парламентская культура включает в свой контент *понятия*: политические отношения, правовые отношения, закон, законодательные акты, демократические институты и ценности, парламент как институт, парламентскую этику, профессиональную и политическую культуру парламентария, этическое кодифицирование, этическое и правовое обучение и т.д. В-пятых, парламентская культура является существенной характеристикой гражданского общества: развитие парламентской культуры, ее институциональные особенности и структура, в конечном итоге, определяют содержание и развитие гражданского общества в целом.

Концепт определяется в современной науке как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», с одной стороны, с другой, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее», что позволяет рассматривать его как *основную ячейку культуры в ментальном мире человека*³⁰. Поэтому культурный концепт, всегда представляет собой часть целого, несущую на себе отпечаток системы в целом. Концепт – *микромодель культуры*, а культура – макромодель концепта³¹. Концепт отличается от понятия в том, что «в отличие от формы «схватывания» в понятии (*intellectus*), которое связано с формами рассудка, есть производное возвышенного духа (ума), который способен творчески воспроизводить, или собирать (*conspicere*) смыслы и помыслы как универсальное, представляющее собой связь вещей и речей, и который включает в себя рассудок как свою часть. Концепт как высказывающая речь, т.о., не тождествен понятию»³². Однако концепт включает в себя понятие, представляя собой «зонтичный термин, объединяющий разные виды ментальных явлений, функцией

³⁰ См.: Степанов Ю.С. Концепт. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40.

³¹ См. подробнее: Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: Коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. – Белгород: ИД «Белгород», 2012.

³² Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983 (Электронный ресурс) URL: [http:// dic academic contents. nst/ enc_ philosophy](http://dic.academic.com/contents.nst/enc_philosophy/)(дата обращения: 21.07.2013)

которых является структуризация знаний в сознании человека»³³. В современных культурологических исследованиях концепт выделяют как «многомерную ментальную единицу с доминирующим ценностным элементом». Концепт группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентуированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы». Таким образом, «лингвокультурные концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются ценности как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного общества в целом»³⁴.

Концепт парламентской культуры представляет собой *синтез* понятийных характеристик и ценностных экзистенциальных элементов, антропологических практик, проявляющихся в различных дискурсах³⁵. Концепт парламентской культуры выстраивается не только в текстах, документах декларациях, кодификациях, но и обусловлен коммуникативными речевыми и психологическими практиками, однако, ценностный аспект является *центральным*.

Для того чтобы наиболее четко выявить ценностную составляющую парламентской культуры необходимо определить дефиницию и характеристики как *понятия*, таким образом, обозначив тезаурус терминов и понятий парламентской культуры³⁶. Выше мы показывали различные подходы в

³³ Когнитивная лингвистика. (Электронный ресурс) URL: <http://zinki.ru/book/kog> (дата обращения: 24.07.2013).

³⁴ Коровина А.Ю. Образно-перцептивные характеристики лингвокультурного концепта «superiority» [Текст] / А. Ю. Коровина // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 59-61.

³⁵ «Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отражённых в нашей памяти, это реле-вантные признаки нашего знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его... дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов... Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить». См.: Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 109.

³⁶ Тезаурус (от греч. Θησαυρός – сокровище), в общем смысле – специальная терминология, более строго и предметно – словарь, собрание сведений, корпус или свод, полномерно охватывающие понятия, определения и термины специальной области знаний или сферы деятельности, что должно способствовать правильной лексической, корпоративной коммуникации (проще говоря – пониманию в общении и взаимодействии лиц, связанных одной дисциплиной или профессией); в современной лингвистике – особая разновидность словарей общей или специальной лексики, в которых указаны семантические отношения (синонимы, антонимы, паронимы, гипонимы, гиперонимы и т.п.) между лексическими единицами. См.: Тезаурус (Электронный ресурс) URL:// <http://ru.wikipedia.org/wiki>. (дата обращения: 20.06.2013). Тезаурус объединяет различные термины, обозначая тем самым наличие знания и социокодов: «для всей этой совокупности массива знания и непосредственно связанных с ним институтов и механизмов различного назначения мы будем употреблять термин социокод, понимая под ним основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различении

определении понятия парламентской культуры. В целом парламентскую культуру отделяют от политической культуры³⁷, рассматривая парламентскую культуру как *институциональное образование, имеющее собственную организационную культуру*, организационные формы и ценности, как: «организации, состоящей, с одной стороны, из структур, правил взаимодействия, а, с другой, из живого сознания людей, входящих в депутатский корпус и обслуживающий его аппарат»³⁸.

Некоторые авторы признают необходимость включения в систему парламентской культуры, помимо институциональной сферы, такие компоненты как *нормативно-ценностные* (Е.Л. Сысолятина), так как они конкретизируют понятие сущности парламентаризма; расширяют его понимание; такие элементы как общественные и личностные приоритеты; господство закона, принцип верховенства права; наличие гражданского общества, характеризующегося демократизмом и высокой степенью политико-правовой культуры» (М.Р. Романов); роль парламента определяет *контуры* развития парламентской культуры «парламенту принадлежит значимая роль на всех этапах демократического транзита – либерализации автократии, демократизации и консолидации демократии»: (Ш.В. Жамалдаев, И.Н. Тарасов: транзитологическая концепция)³⁹. В то же самое время авторы признают, что «применение нормативно-ценностного метода становится особенно оправданным, когда представительные учреждения действуют в *культурной среде, значительно*

фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающие институты общения». Социокод предполагает в самом истоке фиксацию знания в термине и концепте, любой концепт предполагает первичное рождение и закрепление в термине, изначально несущем различные, однозначные и неоднозначные смыслы, что затем находит продолжение в рационализации концептуальной, понятийной и, наконец, теоретической. См.: Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д, 1992; Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996; Петров, М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М., 2004; Петров М.К. Язык, знак, культура. Изд. 2-е. М., 2004; Филенко Л. П. Русский космизм: социокультурный проект и рациональный конструкт. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.филос. н. Белгород, 2012. С.16-19.

³⁷ См.: Парламентское право России. / Под редакцией И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. М.: Юрист, 1999. С. 5.

³⁸ См.: Романов Р.М. Российский парламентаризм: генезис и организационное оформление // Полис: Политические исследования. 1998. №5. С. 131; Сысолятина Е.Л. Нормативно-ценностный потенциал парламентаризма // Новые смыслы культуры №1(11), 2009. Е.Д. Богатырева «Конституционные основы парламентаризма» // Власть. 2006. №2. С. 12-16; О.Н. Булакова «Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика»: теория, мировой опыт, российская практика / Под общ. ред. Булакова О.Н. М.: Изд-во Эксмо, 2005

³⁹ Жамалдаев Ш.В., Тарасов И.Н. Роль парламента в демократизации политической системы // Власть. 2006. №3. С. 51-56.

отличающейся от той, в которой зародилась сама идея парламентаризма (курсив – мой Ю.Н.)), а «совмещение институционально-правового подхода с элементами нормативно-ценностного метода, – считают эти авторы, – способствует более полноценному взгляду на сущность и форму современного парламентаризма». С их точки зрения, благодаря синтезу вышеуказанных подходов, можно рассматривать парламентаризм в качестве «комплексной структуры законодательной власти, многофункциональной подсистемы и составной части разветвленной политической системы»⁴⁰. Более того, в контексте нормативно-ценностного подхода парламентская культура представляется как «живой политический организм, динамично развивающаяся институция, отвечающая на вызовы времени и формирующая свою архитектуру и функции без чрезмерной нормативной заданности».⁴¹ В целом парламентская культура, по мнению авторов, отождествляется с *ценностным содержанием политической культуры*: «гражданским обществом, верховенством права, приоритетом прав и свобод личности в отношениях с государством»⁴².

Практики парламентской культуры связаны с *реализацией* этих ценностей «посредством представительной функции, реализуемой в деятельности политических партий и практике избирательной системы». Одновременно и социокультурные ценности, в свою очередь, оказывают влияние на практику парламента, это находит «свое отражение в сознании и поведении граждан», что, в конечном, итоге, репрезентируется в общественном сознании через оценку деятельности парламента.⁴³ В то же самое время в отечественной науке существует мнение о необходимости соединения научного знания с определенным концептом. Так, например, в диссертационном исследовании Сазонниковой Е. В «Наука конституционного права России и концепт «культура»:

⁴⁰ Сысолятина Е.Л. Нормативно-ценностный потенциал парламентаризма // Новые смыслы культуры №1(11). С.73.

⁴¹ Соловьев А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития // Власть. 2006. №3. С. 20.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

вопросы теории и практики»⁴⁴ выдвигается ряд аргументов в связи с целесообразностью использования науки конституционного права в контексте концепта культуры. Смысл аргументаций автора сводится к общему положению о необходимости *расширения* контента значений и «теоретических положений об особенностях конституционно-правовых исследований, объединяемых концептом «культура», и месте их результатов в системе науки конституционного права России»⁴⁵. Становление концепта парламентской культуры понимается нами как развитие философско-теоретических положений, изложенных в историко-философском корпусе философских сочинений и практике парламентаризма.

Таким образом, можно констатировать, что в современных исследованиях по проблеме парламентской культуры существуют следующие подходы: а) парламентская культура рассматривается исключительно как *понятие*, что определяет объективность, системность, качественность характеристик; б) основной качественной характеристикой парламентской культуры признается система ценностей парламентаризма; в) парламентская культура *ограничена* рамками *парламентских практик*, функционирования данного института. В то же самое время признается взаимодействие социокультурных ценностей и ценностей парламентской культуры, транзита демократических ценностей и новаций в социокультурное пространство.

Такое понимание парламентаризма, на наш взгляд, не может дать полной всеобъемлющей научной рецепции парламентской культуры, которая является не только институцией, но и энергией исторических событий, в которых войны, революции определяли человеческие судьбы, а личности способствовали движению и развитию живой истории. История воплощалась в текстах, документах, живом слове парламентариев, в диспутах и знаменитых выступлениях и дискуссиях. То есть парламентская культура, на наш взгляд, безусловно, включая понятийный элемент, определяется, тем не менее, *ценностями*, которые создаются людьми, с их чувствами, энергией политических

⁴⁴ См.: Сазонникова Е. В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики» автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / 12.00.02 - конституционное право ; муниципальное право. М., 2012.

⁴⁵ Там же. С. 3-4.

эмоций и разумной логики, волюнтаризмом и строгой подчиненности партийной дисциплины и долгу. Вся эта синергетика политической борьбы в горниле исторических событий, преломляясь в философских трактатах, политических документах, в живом слове и составляет *экзистенциальный смысл* парламентской культуры как концепта, «вынуждают» к необходимости обозначения этого смысла в человеческой практике и культуре. А смысл предполагает *целостность*, которая проявляется в системе *парламентских институтов, ценностей и механизмов*, коммуникативных и творческих практик, аксиологических моделей, определяющих наличное бытие парламентаризма как такового в его экзистенциальном и символическом проявлении.

В широком общемировом смысле парламентская культура включается в развернутый во времени *общемировой гуманитарный и социальный проект построения глобального демократического общества*, основанный на идеалах равенства, справедливости и гуманизма и определяющийся различными экономическими, нравственными, правовыми интересами и оценками. Парламентская культура в рамках этого проекта имеет культурно-исторические и национальные *дискурсы*, исходящие из единого идейного, ценностного начала.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие **выводы**:

1. Парламентская культура – это социокультурный феномен, являющийся существенным элементом *гражданского общества* в различных исторических и культурных дискурсах. Парламентская культура включает в себя как неинституциональные, так и институциональные элементы. *Неинституциональный (объективный) элемент парламентской культуры* включает в свой содержательный ареал *политические отношения*, выражающие *интересы* различных социальных групп, их ценностные экономические, мировоззренческие, нравственные установки и мотивации, уровень политической культуры, формирующие отношение к представительской власти.

Институциональный элемент находит свое выражение в институте парламента как институте власти, политическом режиме, политическом

управлении, публичной политике, этики публичной политики, этической культуре, политической системе и т.д.

2. Таким образом, и парламентская культура охватывает широкий спектр социальных, культурных, правовых отношений, *воспроизводя* правовой порядок через законотворчество и *корректируя* социальные отношения, в правовом и в политическом поле, выступает *конструктом*, *изменяя* социум и влияет на общественное развитие, в контексте становления и укрепления *гражданского общества*.

3. Парламентская культура представляется как *единое социальное поле*, которое проецируется через *ценностные смыслы гуманистических либеральных идей*, в рамках *общекультурного социального проекта глобального демократического социума*, проявляющиеся в культурно-коммуникативных антропологических практиках

4. Парламентская культура может быть рассмотрена как *концепт* по следующим причинам: феномен парламентской культуры имеет исторический и культурный смысл, кроме того, оно связано и с конструированием новых смыслов, проявляющихся через культурные тексты, теории, документы.

5. *Концепт парламентской культуры* представляет собой *синтез* понятийных характеристик и ценностных экзистенциальных элементов, антропологических практик, проявляющихся в различных дискурсах, обусловленный коммуникативными речевыми и психологическими практиками, смысловой центр которых притягивает ценностный аспект.

В данном параграфе представлена *комплексная характеристика* парламентской культуры. Парламентская культура в единстве ее институциональных и неинституциональных сегментов представляет собой институт власти и синтез антропологических практик и институционального творчества как сложное политическое образование, в котором происходит процесс постоянного движения и взаимообмена: от общественных и политических событий, происходящих в социуме, до диалогов общества с институтом парламента, обсуждения и принятия законов и законодательных актов

(в этом смысле парламентская культура и обладает способностью законотворчества).

Парламентская культура включает *ценностный ареал*: идеалы и ценности гражданского общества, сформированные в процессе культурного и исторического развития, основанные на демократизме и правах человека; теоретический и документальный контент парламентской культуры как *символическое и словесное обозначение* ценностных идеалов и принципов, что является выражением сущностных потребностей и целей; *антропологические практики* в политических и общественных отношениях, которые проявляются посредством символики и слов в текстах и документах правового и политического характера.

В смысловое поле понятия «политическая культура» входят политические и правовые отношения, закон, законодательные акты, демократические институты и ценности, парламент как институт, ценности парламентской культуры, парламентская этика, профессиональная и политическая культура парламентария, этическое кодифицирование, этическое и правовое обучение и т.д. В этом аспекте парламентская культура является существенной характеристикой гражданского общества: развитие парламентской деятельности, ее институциональные особенности и структура, в конечном итоге, определяют содержание и развитие гражданского общества в целом.

Следовательно, *концепт парламентской культуры* – синтез понятийных определений и ценностных экзистенциальных элементов, антропологических коммуникативных практик, проявляющихся в различных дискурсах, находящийся в процессе культурного становления, изменения и развития.

Становление концепта парламентской культуры может быть рассмотрено и проанализировано в культурно-историческом дискурсе, о чем пойдет речь в следующем параграфе диссертации.

1.2. Аксиология парламентской культуры в культурно-историческом дискурсе

В данном параграфе будет проанализировано развитие ценностных смыслов парламентской культуры в ее теоретическом, историко-философском дискурсе, с целью определения концепта парламентской культуры, его становления и развития. Эта цель предполагает рассмотрение аксиологических оснований и антропологических практик парламентской культуры через аналитическое рассмотрение философии Античности, Возрождения, Реформации и Нового времени; анализ философских концепций либерализма, являющихся идеологическим основанием парламентской культуры; выделение аксиологических принципов либерализма, повлиявших на развитие парламентской культуры; анализ ценностей парламентской культуры в дискурсе современных либеральных концепций.

Античность. В античности политика встроена в общий контекст социальной жизни, а политический дискурс – в философско-этический. Политика занимала свое место в иерархии космического мироустройства, что обуславливало социальный и государственный порядок, поддерживало общественное мироустройство, центре которого – человек, как гражданин полиса. Исходя из идеи космического и социального порядка Аристотель в своем определении человека выделяет как его неотъемлимое качество способность к политической жизни, что проявляется через действие ($\pi\rho\alpha\zeta\iota\varsigma$) и речь ($\lambda\epsilon\gamma\iota\varsigma$). Поэтому каждый гражданин, участвует в своей личной (собственной ($\text{id}\acute{\iota}\omicron\nu$)), и общей ($\kappa\omicron\text{ινόν}$), т.е проживает свой $\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma\ \text{πολιτικός}$. Согласно Аристотелю человек есть $\zeta\omicron\nu\ \lambda\acute{o}\gamma\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\chi\omicron\nu$, живое существо, обладающее логосом», что отличает в полисе граждан от неграждан. Логос как закон и политическое право был разделительной чертой для античного полиса⁴⁶. Область политики совпадала с государством и его управлением, а учение о политике строилось на основе

⁴⁶ Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: Коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. Белгород:ИД «Белгород», 2012. С. 179.

этических принципов справедливости, блага, долженствования. Наиболее значительные учения о политике в античности развиты Платоном и Аристотелем.

Согласно Аристотелю, политика в широком смысле охватывает этику и учение о государстве, в узком смысле – искусство и науку государственного управления⁴⁷. Его труд «Политика» включает в себя исследование наилучшего образа правления, теорию полиса, реальных типов государств, причин их крушения и способов упрочения, описание идеального государства, основанного на справедливости и подлинном благе⁴⁸. Государственное управление рассматривается как форма политической власти, отличающейся от отношений власти в экономике, или домохозяйстве, а функции управления состоят в обеспечении очередности занятий государственных должностей, стремления к равенству и уничтожения всех различий.

Таким образом, в античности *политическое действие и политические отношения отождествлялись с социальными действиями и отношениями*. Политическое действие ориентировано на *общее благо*, которое представлено в государстве как совокупности традиций, обычаев, моральных и правовых норм. Правовые законы распадаются на две части, одна из них регулирует гражданские действия, другая – систему государственной власти, выборность государственных лиц и т.д. Основание этих законов – в *справедливости*. Тем самым *практика государственного управления* укореняется в моральности не только потому, что касается моральных качеств правителей, но и потому, что соотносится со *справедливостью актов* управления. Этот принцип связан с классическим понятием *справедливости* в этике, которая осуществляется при помощи закона. Он был представлен еще и в «Государстве» Платона⁴⁹.

Аристотель рассматривал справедливость в узком (частном) и широком (общем) смысле; эта концепция справедливости и по сей день является основной в философии. Под *общей справедливостью* Аристотель понимал законность и разумность жизни государства, общий нравственный принцип, определяющий

⁴⁷ Аристотель. Никомахова этика: 1181a 26-28b, 1130b 28, 1141a 20-29, 1145a 10, 1152b 18, 1153a // Аристотель. Соч. в 4 т. Т.4. М.: Мысль, 1984 (цитируется далее по этому изданию).

⁴⁸ Аристотель. Никомахова этика, 1155-1169.

⁴⁹ Платон. Государство // Платон. Соч. в 3 т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1972.

отношения между людьми в государстве⁵⁰. Справедливость у Аристотеля понималась также и как распределение благ и тягот, привилегий и обязанностей, с учетом достоинства и заслуг, с учетом степени вклада в общее дело. Аристотелем выделялась и уравнивающая справедливость – когда блага или тяготы распределяются поровну, без учета достоинств или недостатков лиц – этот вид справедливости связан с понятием беспристрастности. Такие виды справедливости назывались справедливостью распределения и уравнивания⁵¹. У Аристотеля справедливость выступала, с одной стороны, как общая справедливость, выражающаяся в разумности и законности жизни государства, и, с другой стороны, частная справедливость – справедливость в распределении привилегий и тягот среди граждан государства⁵².

В Средние века проводится линия, связанная с поисками секуляристской легитимации власти с помощью идеи светского авторитета, справедливости, договора, переноса суверенитета. Это проявляется в текстах, например, в комментариях Альберта Великого к «Политике» Аристотеля. У.Оккам в ряде своих работ – «Краткая беседа о могуществе папы» (*Breviloquium de potestate papae*), «Компендиум заблуждений папы Иоанна XXII» (*Compendium errorum papae Joannis XXII*, 1335-38), «О могуществе императоров и епископов» (*Dialogus ... de imperatorum et pontificum potestate* 3 V., 1343-39) проводил мысль о двух началах и истоках власти: папская власть ограничена, власть принадлежит церкви как общине верующих и авторитет ее обусловлен чистотой веры, светская же власть не нуждается в санкционировании папской властью и император не является вассалом папы. Эта линия, находит, также, свое выражение в работах Дж.Уиклифа «О власти папы» и «О долге государя», Данте «О монархии». Ж. Бодена «О государстве», который обозначал государство как сообщество семей, усматривал в авторитете и разуме принципы государственного управления, а в абсолютной монархии лучшую форму государственной власти⁵³.

⁵⁰ Этика. Энциклопедический словарь // Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 455-459.

⁵¹ Аристотель. Никомахова этика. Кн. V.

⁵² Там же.

⁵³ Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 310-312.

В эпоху Возрождения и Реформации происходит трансформация понятия человек: из понятия «человека политического» (*ζῷον πολιτικόν*) в определение социальное животное (*animal sociale*), что понималось следующим образом: человек по своей природе есть существо *общественное*. Это означало, что человек мог образовывать и вступать с другими людьми в *союзы* для определенной целенаправленной деятельности; затем, в языке появляется выражение (*societas generis humani*, общество рода человеческого), поэтому «именно с этого момента можно говорить, что к природе человека принадлежит «социальность», жизнь в обществе»⁵⁴.

В дальнейшем в развитии, в эпоху Возрождения, в политическом дискурсе определились следующие направления: социально-политические утопии о наилучшем государстве в концепции А.Ф. Дони, А. Бручоли и завершаемая Т. Мором и Ф. Бэконом, и утопические системы Н. Макьявелли, Ф. Гвиччардини.

Эпоха Возрождения и Реформации в целом представляется как формы «социокультурного перехода», где эпоха Возрождения «сложно пересекается с Реформацией», трансформируясь «в индустриальную цивилизацию Нового времени. Идеи и тексты эпохи Возрождения *спровоцировали* Реформацию, вызвав специфический диалог великих культурных эпох. В этом плане культуру Возрождения, как и Великие географические открытия, можно рассматривать в качестве культурно-исторического, *мирового контекста* реформационного религиозно-теологического дискурса и ментальности»⁵⁵. Возрождение подготовила в культурные основания для эпохи Реформации, которая «подвела критический итог средневековой догматике, ортодоксальной схоластике, возрожденческому гуманизму и натурализму, до конца переинтерпретировала, отредактировала и перекодировала античное и святоотеческое культурное наследие, приведя все предшествующие тексты и контексты в удивительное

⁵⁴ Л.А. Будянская, В.П. Римский: У истоков дискурса толерантности: социокультурные контексты Возрождения и Реформации // Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: Коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. Белгород: ИД «Белгород», 2012. С. 179.

⁵⁵ Л.А. Будянская, В.П. Римский: У истоков дискурса: социокультурные контексты Возрождения и Реформации // Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: Коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. Белгород: ИД «Белгород», 2012. С. 130.

эkleктическое системное единство, создав, в конечном итоге, предпосылки новой либеральной мифологии, которая не только легла в основание идеологии, науки и философии Нового времени, но и задала основные горизонты и конфигурации цивилизации Модерна»⁵⁶.

Эпоха Реформации считается переходной эпохой. Именно к этому времени (XV-XVII вв.) относятся не только достижения в области наук и открытий (великие географические открытия, научные революции), но первые буржуазные революции, войны, и, и прежде всего, смена *религиозных парадигм* сознания, причины которой «следует искать в кризисе традиционного христианства (аналогичные процессы, происходившие на почве восточно-христианской цивилизации, в России и Восточной Европе, практически не исследованы), в кризисе католической церкви»⁵⁷. Смысл религиозной реформации заключался в том, что на смену католицизму приходит протестантизм, который, подвергая критике традиционные религиозные ценности, привнес в ареал социальной жизни отрицание религиозного культа, утверждение государства, понимание власти как коллективного договора, выборность, утверждение материального богатства как прерогативы каждого члена общества, накопительство, частную собственность как высшую ценность, утверждаемую правом, провозгласив равенство сословий и права человека, аскетизм и моральное совершенствование. Таким образом, по сути дела, протестантизм – это, «в конечном счете, *либеральное* (курсив – мой Ю.Н.) прочтение христианства»⁵⁸. Эпоха Возрождения и Реформации подготовили идейную платформу для новаций Нового Времени.

Эпоха Нового времени характеризуется началом процесса автономизации политической власти, отделения государства от церковной власти и поиском новых оснований легитимации государственного управления и политики. Новое время выявляет тенденции: «соблюдать справедливость, чтить договоры, уважать чужую свободу – в этом стали видеть безусловные, как бы надвременные требования, которые противостоят нравственным предписаниям враждующих

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 133.

⁵⁸ Там же. С. 135.

вероисповеданий и вменяются в обязанность всем без исключения властям, не исключая и небесного господина»⁵⁹. Констатируя изложенное, можно сказать, что «в Новое время политическое и общественное становятся неразличимы, поскольку политика становится функцией общества». В результате «трансформация концептов «политического» и «социального» обусловила постановку вопросов о свободе, равенстве, справедливости, гражданском обществе в философии Нового времени»⁶⁰.

Основы ценностей парламентской культуры формируются в рамках идеи гражданского общества в философских и политических текстах, прежде всего, таких философов как Гоббс и Локк, с их фундаментальной идеей общественного договора. Для Гоббса, жившего в период революций и социальных потрясений, «войны всех против всех», проект общественного договора о создании государства, изложенного им в фундаментальном труде «Левиафан», был гарантом утверждения диктатуры власти и закона как способа установления социального порядка⁶¹. Гоббс понимает смысл государства как *власть*, сосредоточенную «в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан *в единую волю* установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями»⁶². Государство, сосредоточившее в себе огромные силы власти должно внушать священный *страх*, который «делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к миру внутри и к взаимной помощи против

⁵⁹ Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.181.

⁶⁰ Т.В. Носова, В.П. Римский, А.В. Тихомиров Смыслы концепта «гражданское общество» в английской философии Нового времени// Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: Коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. Белгород: ИД «Белгород», 2012. С. 180.

⁶¹ Поэтому «Гоббс, стоявший у истоков формирования либерального концепта гражданского общества, наделяет последнее смыслами самоорганизации граждан в государство, под которым он понимает или диктатуру, основанную на полномочиях, дан-ных парламентом, или королевскую власть как конституционную монархию, опять же ограниченную парламентом во властных функциях». См. Носова Т.В., Римский В.П., Тихомиров А.В. Смыслы концепта «гражданское общество» в английской философии Нового времени // Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: Коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. Белгород: ИД «Белгород», 2012. С. 187.

⁶² Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского.// Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 138.

внешнего врага»⁶³, что означает рождение государства или, по образному выражению Гоббса, «рождение того великого Левиафана, или, вернее... того смертного бога, которому мы под владычеством бессмертного бога обязаны своим миром и своей защитой»⁶⁴.

Для этого, чтобы избавиться от состояния войны всех против всех» как естественного состояния человека требуется отказаться от своих естественных прав в пользу государства, так как она «на основании соглашения многих людей должна считаться волею их всех, с тем, чтобы оно имело возможность использовать силы и способности каждого для защиты общего мира»⁶⁵. Гоббс отрицает, таким образом, ценность *равенства*, считая, что люди от природы равны, однако, отсутствие равных возможностей, не дает им реализовать эти способности, равенство людей возможно только как соглашение общественный договор о создании государства. Кроме того, различие целей и потребностей рождает недоверие и, как следствие, борьбу, «войну всех против всех». Естественное право ориентирует человека иметь право на все, что диктуют ему его интересы и потребности. Поэтому он имеет право даже на человеческую жизнь. В то же самое время естественный закон направляет человеческий разум на поиски мирного сосуществования: «Всякий человек должен добиваться мира, поскольку у него есть надежда достигнуть его, если же он не может его достигнуть, то он может использовать всякие средства, дающие преимущество на войне»⁶⁶. Таким образом, Гоббс выдвигает идею государственного устройства, основанного на определенных ценностях. В идее государственного устройства Гоббса можно выделить следующие черты: а) государственное устройство в конституционно-монархической форме ограничено парламентом; б) свобода понимается как свобода государства, а свобода граждан ограничена законом,

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 331.

⁶⁶ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. // Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С.118.

обусловлена равенством граждан перед государством⁶⁷. Однако, идеи Гоббса остались практически невостребованными в исторической практике.

В это же самое время на историю английского парламентаризма оказала прямое влияние теория общественного договора Д. Локка (1632-1704). Его заслуга в становлении концепта парламентской культуры состоит в том, что он сумел *соединить идеи*, которые явились ценностными основаниями не только теории либерализма, но и осуществить на *практике* функционирование этих идей в парламентских институциях. В своем произведении «Два трактата о правлении» Локк утверждает необходимость демократичности парламентского управления, критикуя идею о необходимости диктатуры верховной власти в форме конституционно-монархического правления. Он, таким образом, мотивирует свое утверждение: «люди, благодаря небрежности и простодушной непредусмотрительности, передали верховную власть какому-то одному добродетельному и превосходному человеку. Однако его преемники были уже не такими, и народ нашел, что его собственность не находится в безопасности при том правлении, какое было (в то время как правление не имеет иной цели, кроме сохранения собственности), и что он не мог пользоваться ни безопасностью, ни покоем, ни считать, что живет в гражданском обществе, до тех пор пока законодательная власть не была отдана в руки коллективного органа, который можно назвать сенатом, парламентом или как угодно».

Законодательная власть, по мнению мыслителя, является более *предпочтительным вариантом управления*, так как, во-первых, предоставляет возможности равенства перед законами, а не перед людьми, во-вторых, посягать на законы или отказываться от законов, поскольку, законодательной властью эти законы и были установлены. «Точно так же, - подчеркивает Локк, - «никто не мог по своей собственной власти избежать силы закона после того, как этот закон был создан». Далее, по его мнению, «не мог никто также под предлогом

⁶⁷ Концепт гражданского общества носит явно консервативно-либеральный характер, с его приоритетом государства (пусть и парламентского типа) в соблюдении принципа естественного равенства над правами и свободами граждан. См.: Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: Коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. Белгород: ИД «Белгород», 2012. С. 188.

превосходства просить об исключении для собственных нарушений или для нарушений, совершенных кем-либо из его близких. Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключений из законов этого общества»⁶⁸. Более того, Локк участвовал в реализации этого проекта. В результате «славной революции»⁶⁹ и подписания документа «Декларации прав» был установлен компромисс между монархией и парламентом и с этого времени начинается отсчет нового правового общества.

Характерным является и тот факт, что «до Локка в парламенте не видели средства для формирования гражданского общества (т. е. общества, управляемого универсальными, едиными для всех законами) уже хотя бы потому, что законы, которые издавал или утверждал парламент, являлись по сути не законами, а ратификациями (например, утверждение указа короля о сборе новых налогов)»⁷⁰. Парламент становится представительским институтом власти, который консолидирует законотворчество, выступая институтом народовластия, в котором профессиональный законодатель «учился рассматривать свои интересы как потенциальный законодатель, а законодатель-профессионал учился воспринимать свою деятельность не как руководство обществом со стороны, а как помощь в выявлении новых форм социального бытия»⁷¹. Таким образом, английский парламент, является институтом, который соединил теоретические идеи с механизмами институциональной регуляции и законотворчества.

В философской концепции общественного договора, возникшей в период философии Нового времени, лежащей в основании либерализма, справедливость

⁶⁸ Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. в 3-х т. М., 1988. Т. 3. С. 316-317.

⁶⁹ Обстановка в Англии при Карле II не оправдала надежд тех, кто поверил, что реставрация королевской власти Стюартов принесет стране мир и согласие. Еще тяжелее стала ситуация при брате умершего короля - Якове II (1685-1688). В Англии то и дело вспыхивали и жестоко подавлялись восстания, многие англичане, спасаясь от преследований, бежали в Новый Свет и Нидерланды. Вакханалию этого произвола удалось прекратить только в 1688 г., когда Вильгельм Оранский - штатгальтер Нидерландов и зять Якова II - высадился с 15-тысячной армией в Англии. Поддерживаемый достаточно широкой и влиятельной группировкой дворян и буржуазии и встречаемый народным ликованием Вильгельм почти без сопротивления продвигался к Лондону. Яков II бежал в Париж, а в столице был созван учредительный парламент, который в 1689 г. передал английский престол Вильгельму (под именем Вильгельма III). См.: Коренева Ю.С. Становление парламентаризма Нового времени в странах Западной Европы. Сибирский Юридический Вестник. 2001. № 1. (Электронный ресурс) URL: <http://www.lawinstitut.ru/ru/science/vestnik/20011/koreneva.html> (дата обращения: 26.07.2013).

⁷⁰ Коренева, Ю. С. Становление парламентаризма Нового времени в странах Западной Европы. Сибирский Юридический Вестник. 2001. № 1. (Электронный ресурс) URL: <http://www.lawinstitut.ru/ru/science/vestnik/20011/koreneva.html> (дата обращения: 27.07.2013)

⁷¹ Там же.

государства измеряется благополучием его граждан. Цель справедливости, в этом случае – «наибольшее счастье наибольшего количества людей» (И. Бентам)⁷². Таким образом, справедливость понимается как ряд нормативных требований, соблюдение или несоблюдение которых ведет к поощрению или наказанию, т.е. справедливость предстает как некий нравственный минимум, регулирующий поведение участников общественного договора. В рамках такой концепции, справедливость, как индивидуальная добродетель, уступает место и проигрывает в важности общественной справедливости. Это справедливость взаимного участия и общественного договора – коммуникативная справедливость.

В специальном (узком) смысле, справедливость совпадает с правом, и является объектом внимания социальных наук, в то время, как общая справедливость рассматривается, главным образом, в философии. В узком смысле, справедливость – это соразмерность в распределении благ, потерь и выгод, уравнивания конфликтов и интересов между людьми, живущими в одном государстве, обществе – справедливость законности.

Философия Просвещения была сконцентрирована на идеях *антропоцентризма и свободы*. Либерализм в это время формировался, как доктрина, призванная развивать и поддерживать интересы простого человека, обывателя: в сфере экономике это выразилось в идее «свободного рынка», направление которого определяет потребительский спрос; в сфере политики – в идее представительной власти, парламентаризма. Политико-экономические идеи либерализма наиболее полно были изложены А. Смитом, философия же либерализма изначально была обоснована Дж. Локком, а также, И. Бентамом, Дж. С. Миллем и Г. Спенсером.

Западноевропейская философская мысль эпохи Просвещения раскрывается в различных моральных обоснованиях эгоизма (желания блага себе). Цель этики того времени – достижение индивидуального счастья или всеобщего блага. Счастье и благо рассматривались как достижение удовольствий; удовольствие, в свою очередь, ассоциируется с пользой (удовольствия, полезные и для себя, для

⁷² Бентам И. Введение в принципы нравственности и законодательства. М.: Росспэн, 1998.

других). Так формируется этическая концепция утилитаризма, которая имеет следующие отличительные черты:

1. Моральное оправдания получения удовольствий. В противовес аскетизму – подчеркивается необходимость умножать удовольствия, а не избегать их.
2. Рациональность удовольствий – при получении удовольствий необходимо руководствоваться рассудком и соображениями их полезности, а не чувствами.
3. Этическое обоснование политики: утилитаризм выступает против единоличного правления и деспотизма правящих классов⁷³.

Истоки либерализма коренились в *утилитаристских концепциях*, представители которых стремились сформулировать *моральные* обоснования политики. Со времен Аристотеля целью политики считалось достижение «всеобщего блага»⁷⁴. Однако, суть концепции утилитаризма заключалась в обосновании эгоизма, в убеждении, что действия каждого человека подчинены только его собственным, но не всеобщим интересам. Отталкиваясь от этой идеи, обоснованной еще Т. Гоббсом в его теории «войны всех против всех»⁷⁵, утилитаристы пытались найти некое *моральное соглашение* между индивидуальными и всеобщими интересами – когда интересы индивидуума и общества совпадают в своих конечных целях. Согласно некоторым концепциям, причины совпадения индивидуальных и всеобщих интересов могут быть естественными, поскольку эгоистические интересы отдельных индивидов вынуждены вступать во взаимодействие друг с другом, так как развитие общественных отношений невозможно без наличия некоего всеобщего интереса. Подобную идею выдвинул, например, Б. Мандевиль в «Басне о пчелах»⁷⁶.

С другой стороны, интересы могут совпасть только принудительно, искусственно, так как в этом заинтересовано само государство, в лице правителей

⁷³ Этика. Энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 508-509.

⁷⁴ Аристотель. Большая Этика // Аристотель. Соч. 84 Т. Т 4. М.: Мысль, 1984. С. 296-374.

⁷⁵ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.

⁷⁶ Мандевиль Б. Басня о пчелах. М.: Мысль, 1974.

и законодателей, поэтому сведение индивидуальных и общественных интересов ради достижения всеобщего блага является целью политиков. Такой точки зрения придерживались, например, Юм⁷⁷ и Бентам⁷⁸. Философская идеология английского либерализма явилась основной *идеологической предпосылкой для возникновения европейского института парламентаризма*, а также заложила основы современной либеральной доктрины.

Дж. Локк считал, что политическая власть должна осуществляться только над тем, что считается общественно необходимым. При этом власть должна заботиться о том, что чтобы естественное состояние было надежным и безопасным. Согласно концепции Локка, власть должна быть беспристрастной и справедливой, и должна действовать в рамках общественного договора, в интересах мира, безопасности, общественного блага, в соответствии с провозглашенным народом законами. В концепции Локка говорится о необходимости *ограничения власти государства* в пользу власти народа, при этом политическое общество должно не уничтожать, а только *ограничивать* индивидуальные свободы и права на собственность.

Именно эти тезисы и легли в основание самой идеи либерализма и парламентаризма. В концепции Локка говорится о необходимости ограничения власти государства в пользу власти народа, при этом политическое общество должно не уничтожать, а только ограничивать индивидуальные свободы и права на собственность.

Социальное учение Ж.Ж. Руссо отходит от философии Локка и Гоббса, в понимании индивида и его естественного состояния. В трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755), Руссо рассматривает естественного человека, вне влияния цивилизации и истории, как одинокое существо, находящееся в постоянных попытках обезопасить себя и сохранить свою жизнь, беззащитное от влияния внешних обстоятельств; тем не менее, это существо – еще не человек, но оно способно, совершенствуя себя, стать

⁷⁷ Юм Д. Трактат о человеческой природе. М.: Канон, 1995.

⁷⁸ Бентам И. Введение в принципы нравственности и законодательства. М.: Росспэн, 1998.

человеком⁷⁹. Руссо, тем самым, опровергает идею естественной социальности, и, при этом, основным качеством естественного человека, его отличительной чертой, считает способность к самосовершенствованию. Склонность к самосовершенствованию, в результате, выводит человека из естественного состояния в социальное, превращая его в человека «искусственного». Таким образом, формируется социальная жизнь, которая предполагает *неравенство*: «Из свободного и независимого, каким был человек прежде, он стал, таким образом, в результате появления множества потребностей, подвластен всей природе, и, в особенности, себе подобным он становится, в некотором смысле, их рабом, даже становясь их господином»⁸⁰. Однако, теория общественного договора у Руссо схожа и с концепцией Локка: – в какой-то момент развития естественного состояния люди нуждаются в защите своих благ, и в высшей власти, которая может оказать им защиту и покровительство. Так возникает общество, которое ограничивает естественную свободу индивида, давая свободу более сильному, и отнимая ее у слабого. Человек счастлив в своем естественном состоянии, являясь единым в своей естественности; и несчастлив в *состоянии общественном*, являясь частью общественного целого.

Для того чтобы обеспечить новое состояние индивида, сделав его *целым в общественном*, нераздельной частью целого, общество должно руководствоваться *общим интересом*. Общий интерес объединяет общество, делает его целым, обладающим собственной *общей волей*. Общая воля, по Руссо, отлична как от воли индивида, который может преследовать свои частные интересы, так и от воли всех, которая является суммой изъявлений воли частных лиц⁸¹. Общая воля опирается на общие интересы, и, согласно Руссо, имеет абсолютистский характер: «...если кто-то откажется подчиниться общей воле, то он будет принужден к этому всем Организмом, а это означает ни что иное, как то, что его силою принудят быть свободным»⁸².

⁷⁹ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. М., 1998.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998.

⁸² Там же, гл. 1 кн. 7.

Таким образом, аксиологическая модель политической философии Руссо строилась на следующих составляющих. Основной ценностью в политико-философской концепции Ж.Ж. Руссо было *понятие общей воли*, исходившее из понимания *общего интереса*. Общая воля, или воля народа, рассматривалась у Руссо как единая и неделимая. Она связана с идеей *народного представительства или народного правления*, как выражения *всеобщей воли*. Согласно такой логике, законодателем может выступать только сам народ. Однако, Руссо представляет *законодателя* как некую личность, которая проводит общую волю народа. При этом роль Законодателя отлична от роли правителя или монарха, он несет функцию проводника всеобщей воли, являясь воспитателем и наставником народа.

И. Кант переосмыслил антропологические основы политико-правовой теории, опираясь в своей философии на философско-антропологические идеи эпохи Просвещения. Как и Руссо, И. Кант отрицал естественную социальность человека. С одной стороны, человек стремится общаться с себе подобными, но с другой имеет стремление к уединению, благодаря эгоистическому характеру своей естественной природы⁸³. Основываясь на таком понимании естественного состояния, Кант выводит основную проблему политики, которая заключается в формировании *всеобщего правового гражданского общества*⁸⁴. Решение политической проблемы, по мысли Канта, связано с решением антропологической проблемы.

Основное измерение человека не самосовершенствование, а *свобода*, потому что именно свобода характеризует человеческую природу, в отличие от природы иных живых существ. Естественное свободное состояние человека имеет эгоистическую окраску. Но человек вынужден подчинять свою свободу внешним влияниям, для того, чтобы мирно сосуществовать с другими людьми, что является основным условием его выживания. Однако мирное сосуществование людей требует укрощения эгоизма и управления эгоистическими порывами человека,

⁸³ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Соч. в 6 томах. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965.

⁸⁴ Там же, Положения 4,5.

что предполагает ограничения свободного состояния человека со стороны власти. Для того чтобы человек не нуждался во внешнем ограничении, необходимо, чтобы он дал закон самому себе, самостоятельно ограничивая свою эгоистическую природу. Этого можно добиться только благодаря моральной автономии личности, обеспечив ее посредством разума. Таким образом, в основании права и государства, согласно Канту, лежит принцип *свободы воли*. Гражданское общество представляет собой среду для реализации *долга*. Так Кант различает *моральное обязательство* (внутренне принуждение) и *юридическое обязательство* (внешнее принуждение), объединяя, таким образом, мораль и политику.

Основной ценностью в политической философии Канта является ценность *справедливости*, которая выражена в двух общезначимых планах – моральном и правовом.

Первичным долгом власти является следование справедливости: «Основной смысл строго-правового императива Канта состоит в нормировании внешней принудительной власти, поскольку эта последняя осуществляется людьми, а вовсе не в дополнительном (рядом с моралью существующем) нормировании поведения самих людей как «частных индивидов...Принуждающая власть имеет все основания надеяться, что соблюдение ею справедливости объективно послужит средством для осуществления экономического, социального и культурного прогресса, однако она никогда не должна рассматривать и практиковать справедливость лишь в качестве средства для достижения этих целей»⁸⁵. При этом, справедливость, по Канту, не должна быть подчинена общественному благу, поскольку последнее может истолковываться субъективно.

Г.В. Ф. Гегель относит политические и правовые институты к сфере *объективного духа*, в которой находят свое выражение такие ценности, как *свободная и разумная воля*. В отличие от И. Канта или Ж.Ж. Руссо, Гегель рассматривает свободу как идею, а не как идеал, и связывает *идею свободы с правом*: «Право есть нечто святое вообще уже потому, что оно есть наличное

⁸⁵ Философия Канта и современность. Под общ. ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1974. С. 218.

бытие абсолютного понятия самосознательной свободы»⁸⁶. В плане социальной реальности свобода реализовывает себя в рамках нравственности. В семье и в гражданском обществе нравственная Идея не может быть реализована настолько полно, насколько она реализовывается в рамках государства. Семья не может быть постоянной общностью; семьи разделяются на множество семей, и образуют народ, формируя гражданское общество. В гражданском обществе индивиды реализуют свои частные интересы, потому что каждый из индивидов гражданского общества является *homo economicus*. Синтезом семьи и гражданского общества является государство. В государстве общественный интерес может одержать верх над частным интересом; в государстве человек осуществляет свое высшее предназначение, государство рационально и может возвысить самосознание индивида до уровня всеобщности. Идея свободы у Гегеля связана с равенством, которое определяется Гегелем как развитие личности каждого гражданина в соответствии с его способностями. В государстве каждый гражданин может увидеть в общей воле выражение собственной рациональной воли. Таким образом, согласно теории Гегеля, и индивид, и государство обладают свободой, при следующих условиях: когда индивиды, посредством рациональности освобождаются от естественного состояния эгоизма ради идеи всеобщности, и когда государство способно защитить права, интересы и свободы индивидов, обеспечить развитие личности.

Свобода в государстве, по Гегелю, должна быть рационально организована, что находит свое выражение в законодательстве и конституции. В основании конституции в этом случае, должна лежать идея о том, что государство – продукт рациональной воли, а не всеобщей воли. Рационализация воли может быть осуществлена через взаимодействие групп и корпораций, а разделение властей нарушает всеобщность государства: «Представление о так называемой независимости властей друг от друга заключает в себе ту основную ошибку, что независимые друг от друга власти все же должны согласно этому представлению

⁸⁶ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.

ограничивать друг друга. Но благодаря этой независимости уничтожается единство государства, которого мы больше всего должны требовать»⁸⁷.

Вопрос о рациональности и всеобщности ставится Гегелем в процессе рассмотрения политики управления государством: управление не должно осуществляться всеми, потому что это противоречит рациональности и целостности: «Другая предпосылка, заключающаяся в представлении, что все должны принимать участие в государственных делах, и состоящая в том, что именно все понимают в этих делах, столь же нелепа, сколь часто ее, несмотря на это, приходится слышать. Но в общественном мнении для каждого открыта возможность высказывать и отстаивать также и свое субъективное мнение о всеобщем... Говорят, что все порознь должны участвовать в обсуждении и решении общих государственных дел, потому что все суть члены государства, его дела суть дела всех, и все имеют право оказывать на эти дела влияние своим знанием и своей волей; такое представление, которое хочет ввести в государственный организм демократический элемент без всякой разумной формы, между тем как государство представляет собою государство лишь посредством такой формы, – такое представление потому так соблазнительно, что оно останавливается на абстрактном определении, согласно которому каждый есть член государства, а поверхностное мышление цепляется за абстракции»⁸⁸.

Особая роль, в таком случае, для решения всеобщих дел, отводится *народному представительству* при правительстве – депутатам: «Так как депутаты посылаются для того, чтобы они обсуждали и решали всеобщие дела, то посылка депутатов имеет тот смысл, что облакаются доверием и избираются индивидуумы, которые лучше делегирующих понимают в этих делах, а также и тот смысл, что эти индивидуумы не будут защищать особенный интерес одной какой-нибудь общины или корпорации в отношении всеобщего, а по существу будут выдвигать это последнее. Они поэтому не должны находиться со своими избирателями в отношении уполномоченных, связанных определенными

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

инструкциями, тем более, что встреча этих депутатов имеет своим назначением быть живым, осведомляющим и убеждающим, совещающимся сообщением»⁸⁹.

В рамках гегелевской концепции, можно выделить ценности, относящиеся к *депутатскому представительству*. Основной ценностью является *доверие* избирателей, что предполагает ряд качеств, которыми должен обладать представитель: «Представительство основано на доверии, но доверие есть не что другое, чем подача мною своего голоса в качестве данного лица. Решение по большинству голосов идет также в разрез с принципом, согласно которому я должен быть согласен в качестве данного лица с тем, что меня будет обязывать. Человеку доверяют, когда думают, что он по чистой совести будет рассматривать мое дело как свое собственное. Принцип единичной субъективной воли, таким образом, отпадает, ибо доверие относится к сути, к принципам данного человека, к его поведению, к его действиям, к его конкретному пониманию вообще. Важно поэтому, чтобы тот, кто вступает в сословный элемент, обладал характером, разумением и волей, соответствующими его задаче участвовать в решении всеобщих дел. Имеет значение не то именно, что индивидуум как некое абстрактное единичное получит слово, а то, что его интересы будут защищаться в собрании, где рассматривается всеобщее. Избиратели нуждаются в гарантии, что посланный ими депутат это сделает»⁹⁰.

Представительство нуждается также и в *равенстве*, заключающемся в том, что депутаты должны отстаивать крупные интересы различных сфер общества, а не частные интересы, сосредоточенные в мелких сферах, и не интересы частных лиц: «Само собою ясно, что существует заинтересованность в том, чтобы среди депутатов для каждой особенной крупной отрасли общества, например, для торговли, для фабрик и т.д., находились индивидуумы, основательно знакомые с нею и сами входящие в ее состав; в представлении о неоформленном избирании это важное обстоятельство предоставлено только случайности. Но каждая такая

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

отрасль имеет такое же право, как и другая, быть представленной. Если депутаты рассматриваются как представители, то это имеет органический разумный смысл лишь в том случае, если они – не представители единичных лиц, представители некоторой массы, а представители одной из существенных сфер общества, представители его крупных интересов. Представительство тогда уже не имеет того смысла, что один находится здесь вместо другого, а сам интерес действительно наличен в его представителях, представитель здесь отстаивает свою собственную объективную стихию»⁹¹.

Важную роль в государственном управлении играет *публичность собраний* и *общественное мнение*. Публичность необходима по следующим причинам: благодаря публичности, народ лучше узнает свои истинные интересы; она выполняет образовательную функцию в отношении государственных интересов; обеспечивает более живое отношение народа к государству. Но самым важным является то, что публичность собраний формирует общественное мнение: «Общественное мнение содержит поэтому в себе вечные субстанциальные принципы справедливости, подлинное содержание и результат всего государственного строя, законодательства и вообще общего состояния дел в форме *человеческого здравого смысла* как той нравственной основы, которая проходит через все мнения, принимающие форму предрассудка, а также через истинные потребности и правильные тенденции действительности»⁹². Таким образом, общественное мнение является выражением рациональности, всеобщности и справедливости – это мнение, выработанное сообща, путем рациональных суждений.

Либерализм в эпоху развития капитализма (англо-американская форма либерализма). Политическая экономия А. Смита явилась практическим применением принципов утилитаризма в экономике. Здесь можно выделить характерные черты утилитаристской этики: тождество индивидуальных и всеобщих интересов достигается через разделение труда; польза, принесенная

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

другим людям трудом индивида, в конечном итоге оборачивается пользой и для самого индивида, принося ему удовольствие. Ценность конечного продукта производства определяется мерой вложенного в него труда. В отличие от политики, где требуется вмешательство государства, в экономике данное вмешательство должно быть минимальным, так как тождество корыстных индивидуальных и общих интересов в экономике носит естественный характер. Эта концепция во многом определила основные черты капитализма. Таким образом, произошло «сращивание утилитаризма и политической технологии. На основе этих процессов возникла специфическая англо-американская форма либерализма»⁹³.

Как яркий пример англо-американской формы либерализма, можно рассмотреть обоснование либеральной доктрины, предложенной Л. фон Мизесом. Существует мнение, что как философия, либерализм – «феномен чисто британский, результат и производное от умонастроения, исторически создававшегося и обретавшего свои различные формы и варианты с конца XVIII до почти середины XX века и постепенно становившийся «психологической чертой» не только британского умонастроения, но и британского характера»⁹⁴.

Л. фон Мизес, в своей работе «Либерализм в классической традиции» утверждает, что идеи либерализма явились движущей силой в развитии экономики, политики и науки⁹⁵. Необходимо сразу оговориться, что данная доктрина рассматривает политику как производное от основания экономики. Фон Мизес представляет классическую концепцию либерализма, описывая его цели, задачи и достижения, обосновывая либерализм как идеологическую доктрину капитализма. Подавляющее большинство философских доктрин сходятся на том, что цель политики – достижение всеобщего блага, и разница между ними заключается в различном представлении о средствах достижения этого блага. Основываясь на этом, автор дает определение либерализма с точки зрения

⁹³Шалин В. В. Толерантность (культура, норма и политическая необходимость). Краснодар: Периодика Кубани, 2000.

⁹⁴Пятигорский А.С. Летучие мыши философии. Неприкосновенный запас. №6 (2/2011). Электронный ресурс: <http://www.nlobooks.ru>.

⁹⁵Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции. М.: «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001.

экономики, как «достижения всеобщего блага при помощи частной собственности на средства производства»⁹⁶. Однако либерализм слишком часто критикуют за излишнюю рациональность и за поддержку интересов социально обеспеченных классов. Тем не менее, нельзя не согласиться, что именно идеи либерализма до сих пор определяют институт частной собственности, институт государства и права, являясь фундаментом демократического общества. На либерализме построен парламентаризм, как политическая система; концепция прав человека также имеет в своем основании идею либерализма.

Можно выделить такие основные части классической доктрины либерализма, как свобода, собственность, равенство, справедливость, мир, которые определяют и смысл современных институтов.

Несмотря на то, что современная доктрина капитализма изменилась со времен И. Бентама, Дж. Локка, Т. Гоббса и А. Смита, но ее фундаментальные принципы остались неизменными. В целом, основанием доктрины либерализма, ее основной ценностью, является материальное благополучие людей, что не касается напрямую их духовных, внутренних потребностей. В отличие от теорий, скажем, античной этики, либерализм не обещает душевный покой, гармонию и счастье, он направлен на достижение материального благосостояния. Однако, по мнению Людвиг фон Мизеса, либерализм реалистичен, и он знает, что внутреннее богатство человека невозможно обеспечить внешними средствами. Поэтому либерализм стремится обеспечить хотя бы минимальный уровень потребностей, то есть, внешние предпосылки внутренней жизни. Это стремление отражено в доктрине прав человека, как в современном варианте, так и в ранних декларациях независимости различных государств, особенно в американской и французской доктринах, где основными правами человека изначально выступали мир, свобода и собственность, а также, во французском варианте доктрины прав человека (свобода, собственность, безопасность, сопротивление угнетению). Можно сказать, что материальное благополучие, как конкретизированное «всеобщее благо» определяет современный институт частной собственности.

⁹⁶ Там же. С. 188.

Поскольку право на собственность считается в либерализме неотъемлемым правом человека, частная собственность защищена законом и неприкосновенна, как и сама личность.

Либерализм является политической доктриной капитализма, идеологией той эпохи бурного развития капиталистической системы и ее социально-политических институтов, которая уже миновала на Западе. Однако, идеи либерализма, несомненно, явились основанием для современных политических, экономических и правовых институтов. Либеральные идеи, воплощенные в этих институтах на практике – это, по сути, современная, обновленная концепция свободы в демократической системе политического устройства.

Таким образом, содержание всеобщего блага в либерализме, состоит из ряда основных элементов, в основании понимания которых лежит *принцип рационализма*. Несмотря на разнообразие либеральных доктрин, ряд основных элементов либерализма остается неизменным. Так, в либерализме рационализм конкретизирует принципы свободы, равенства, мира и собственности с точки зрения утилитаризма, из соображений «всеобщей полезности». По словам Мизеса, «суть либерализма заключается в том, чтобы признать права разума в сфере социально-экономической политики, точно также, как они без лишних рассуждений признаются во всех остальных сферах человеческой деятельности»⁹⁷. Таким образом, рациональный подход к понятиям равенства, свободы, мира и собственности в либерализме преобразует политическую и экономическую сферы. Эти принципы перестают быть абстрактными понятиями, находя свое институциональное выражение в экономической и юридической системах, в политических стратегиях, в концепции прав человека. Рассмотрим элементы данной доктрины либерализма подробнее.

Свобода как главное естественное право человека. Несмотря на то, что понятие свободы обосновывалось в европейской философии еще со времен Античности, либералы считают, что только благодаря появлению либерализма

⁹⁷ Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. А.В. Куряева. М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001 С. 11.

свобода была утверждена законодательно, результатом чего стала постепенная отмена рабства как института, в 18-19 веках. Л. фон Мизес обосновывает принцип свободы с позиций утилитаризма. Говоря о всеобщем благе как о частной собственности на средства производства, он утверждает, что система, основанная на свободе, гарантирует наивысшую производительность труда, что, в конечном итоге, и приводит ко всеобщему благу. Соответственно темпы экономического развития напрямую зависят от уровня свободы, и именно свободой Мизес объясняет резкий рост экономики и производства, произошедший в Европе и США в 19 - начале 20 века.

Равенство. В либерализме принцип равенства обозначает, главным образом, равенство каждого перед законом. Ранний либерализм утверждал принцип равенства, основываясь на убеждении, что все люди равны перед Богом, а все различия между ними являются результатом не божественных, но земных причин и условий. Концепция классического либерализма, в лице Мизеса, опровергает это убеждение. Как это не парадоксально, равенство перед законом, по мнению Мизеса, исходит не из того, что все люди равны, а, напротив, из-за того, что каждый человек уникален и не похож на другого. Поэтому обоснование их равенства делается с позиций утилитаризма. С одной стороны, равенство перед законом так же естественно необходимо, как и свобода – потому что только равенство перед законом может окончательно утвердить свободу, что позволяет гарантировать наивысшую производительность труда. С другой стороны, равенство перед законом обеспечивает поддержание социального мира, уничтожая какие-либо классовые привилегии. Таким образом, принципы свободы и равенства обеспечивают всеобщее благо и мирное существование в государстве. Характерно, что Мизес подчеркивает, что либерализм, с его рационализмом и реалистичностью, настаивает на равенстве людей только перед законом (поскольку реально равными людей сделать невозможно, ибо каждый человек уникален), на обретении равных прав, именно с точки зрения утилитаризма, то есть, из соображений полезноститакого равенства для общества.

Мир. Подход к вопросам мира и войны в либерализме также обосновывается с точки зрения рационализма. Возражая фразе Гераклита «борьба – отец всему и всему царь», или «война – мать всех вещей», доктрина либерализма утверждает, что мир – это отец всех вещей. Либерализм призывает не просто отказываться от ведения войны, исходя из гуманистических побуждений, но к рациональному осознанию того, что даже победа является злом, потому что, в любом случае, мир всегда лучше, чем война. Особенно пагубна война для человека как «общественного животного», потому что в обществе, где труд разделен, все зависят друг от друга, и последствия войны приводят к полному разобщению и экономическому упадку. Поэтому, с точки зрения либерализма, государства должны делать все возможное, чтобы гарантировать мир, в противном случае, экономические отношения между народами остановят свое развитие.

Собственность. Л. фон Мизес утверждает, что именно из принципа собственности вытекают другие принципы либерализма, в отличие от либеральных концепций, в которых собственность считалась естественным правом человека, но, тем не менее, уступала первое место принципам свободы и равенства. Это утверждение основывается на ранее упомянутом определении, что всеобщее благо достигается путем частной собственности на средства производства. Таким образом, принципы свободы, мира, равенства являются рационально необходимыми следствиями принципа собственности.

Современные представления о парламентской культуре, в основном, связаны с комментариями политической философии Гоббса, Милля, Бентама⁹⁸, Канта⁹⁹. В целом либерализм – это синтез философских и политических теорий и доктрин. При этом «различие между «всеобъемлющим» и «политическим»

⁹⁸ На идейную связь философии Гоббса, Бентама, Милля указывает Дж.Гаусс. См.: Гаусс Дж. Ф. Многообразие видов всеобъемлющего либерализма. М., 2010. Пер. В.Новикова (Электронный ресурс). URL: /http://www.libertarium.ru/mgrig (дата обращения: 20.07.2013).

⁹⁹ Коммунитаристские и утилитаристские концепции видят себя принципиальными противниками философии Канта. Тем не менее, они развивают свои взгляды в форме критики Канта и современного кантианского либерализма. Характер прежде всего коммунитаристской позиции во многом определяется ее развитием в рамках критического анализа взглядов Канта. См.: Винокуров Е.Ю. Политическая философия И.Канта в современных зарубежных философских дискуссиях о глобальном политическом устройстве. Автореф. на соискание уч. ст. д.филос. н. М., 2001. С. 6.

либерализмом,... стало центральным для современной политической теории»¹⁰⁰. Таким образом, концептуально либерализм объединяет такие разделы философии как метафизику, эпистемологию, теорию морали и политики.

Все это различие концентрируется в понимании либерализма как *светской философии* и доктрины *светского гуманизма*¹⁰¹. Либерализм, в его современном представлении – светская философия, которая основана на *принципах рационализма*, здравого смысла, который отвергает суеверия, обычаи и т.д. В определенном смысле либерализм есть «воинствующий рационализм»¹⁰², признающий рациональное управление природой и жизнью. Понимание рационализма в либеральных теориях *прагматического рационализма* Р. Рорти, Дж. Дьюи, заключается в том, что истина не отражает объективную действительность¹⁰³. Поэтому истина рассматривается как совокупность умозаключений отдельных индивидов, которое подтверждается авторитетом некоего сообщества, которое приходит к таким же умозаключениям. Прагматический либерализм склонен рассматривать демократию в ее либеральном варианте как осуществление сознательного контроля экономического планирования индивидуальной и общественной (коллективной) жизни, что позволяет отнести данное направление к доктрине конвергенции как способу рациональной организации общества.

К. Поппер, Ф.А. Хайек полагают, что индивид, общество не в состоянии контролировать сложные общественные и экономические процессы, пессимистично относятся к возможностям человеческого разума¹⁰⁴. Они исходят из того, что в истории развития человеческого общества не существует обозначения пределов знания, что дает основание признать невежество основополагающим состоянием человека. Это обстоятельство предполагает

¹⁰⁰ Гаусс Дж.Ф. Многообразие видов всеобъемлющего либерализма /<http://www.libertarium.ru/mgrig>.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Либерализм как «тип воинствующего, уверенного рационализма также связывается с величайшей верой в способность людей понимать природу и управлять своей общественной жизнью»: Гаусс Дж. Ф. «Многообразие видов всеобъемлющего либерализма (Электронный ресурс). URL: //<http://www.libertarium.ru/mgrig> (дата обращения: 20.07.2013).

¹⁰³ См.: Dewey, John. *Liberalism and Social Action*. New York: Putnam's Sons, 1980; Rorty, Richard. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979.

¹⁰⁴ См.: Поппер К. *Открытое общество и его враги*. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992; Хайек Ф. *Право, законодательство и свобода*. М.: ИРИСЭН, 2006.

необходимость введения свода общественных правил, что открывает возможности социального экспериментирования; в экономическом плане способом преодоления человеческого невежества является рынок, а не государственное планирование.

Метафизика современного либерализм основывается на следующих подходах: а) индивидуалистический (Дж. Милль, И. Бентам, Г. Спенсер, К.Поппер, Д.Бьюкенен и Г. Таллок¹⁰⁵); б) коммунитарный (Э. Гутман¹⁰⁶, М. Сэндел¹⁰⁷). Индивидуалистическое направление в лице Милля, Бентама, Спенсера обосновывало приоритет *индивидуального* начала в человеке, понимая общество как совокупность человеческих индивидуальностей.

К. Поппер считал коллективистские теории (Г.В.Ф. Гегель, К.Маркс) не состоятельными с точки зрения понимания индивидуальной природы человека, тем самым положив начало «бескомпромиссному методологическому индивидуализму» (Дж. Гаусс)¹⁰⁸. В конце XX века такое понимание индивидуализма, усиленное идеями Джеймса Бьюкенена и Г. Таллока, говорило о невозможности осуществления каких-либо решений и выбора с позиций коллективного начала. В конце XX века обнаруживаются тенденции в усилении индивидуалистической метафизики, что было связано «с возведением в пантеон либерального мыслителя Гоббса. Последовательно индивидуалистические взгляды Гоббса на общество, а также его подход к состоянию природы способствовали разработке теоретико-игрового моделирования, привели к культивированию крайне индивидуалистического, формального подхода к либеральному государству и либеральной этике»¹⁰⁹. Круг проблем, рассматриваемый сторонниками теории индивидуализма, в целом, сводился к проблеме о всеобщности принципа либерализма. Поэтому возникли дискуссии вокруг вопросов о соотношении коллективного и индивидуального (автономии) в

¹⁰⁵ См: Buchanan, James M. and Gordon Tullock . The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1965.

¹⁰⁶ См.: Gutmann, Amy. Communitarian critics of liberalism // Philosophy & Public Affairs, 14: 308–22, 1985.

¹⁰⁷ Sandel, Michael. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

¹⁰⁸ Гаусс Дж. Ф. Многообразие видов всеобъемлющего либерализма. М., 2010. Пер. В.Новикова (Электронный ресурс). URL: /http://www. libertarium.ru/mgrig (дата обращения: 20.07.2013).

¹⁰⁹ Гаусс Дж. Ф. Многообразие видов всеобъемлющего либерализма (Электронный ресурс). URL: // http://www. libertarium.ru/mgrig (дата обращения: 20.07.2013).

ситуации *выбора* решений, в частности, политических (насколько они могут быть оправданы с точки зрения индивидуальной автономии), и о том, как возможна *свобода* в условиях автономного выбора для людей с их принадлежностью к различным культурам и образу жизни.

Коммунитарные (коллективистские) теории (Э. Гутман, М. Сэндел) подвергли критике индивидуалистические теории, считая, что авторы данных теорий опираются на «абстрактные концепции индивидов», хотя выбор этих абстрагированных личностей не может быть их исключительной принадлежностью в силу общественной природе ценностей. Эта основная идея пронизывает многочисленные дискуссии «либералов с коммунитариями», которые концентрировались исключительно на проблемах оснований общества, вопросах прав и обязанностей, что было связано с социологическими, морально-нравственными и политическими вопросами¹¹⁰.

Теории личностной автономии в современном либерализме (Д. Рац, Р. Дворкин, С. Уолл, С. Бенн, Р. Янг¹¹¹). Современные либеральные теории ассоциируются с самоутверждающими личностями, которые развивают и совершенствуют себя, не ориентированы на традиции и обычаи, не склонны к конформизму. Однако, как это отмечают многие, подобные черты не свойственны всем индивидам, они могут быть присущи только определенным индивидам. Подобная точка зрения трансформируется в теорию элиты. Основные идеи подобных по духу теорий сфокусированы в теории личностной автономии (Д. Рац, Р. Дворкин, Э. Джилл, С. Уолл, С. Бенн, Р. Янг). Главное понятие в этой теории – идеал самоорганизации: он служит фактором самоорганизации собственной автономии посредством самодостаточности выбора. Личная автономия понимается как: реализация намерений (так как автономность

¹¹⁰ Так в понимании Сэндела, критикующего Ролза, была его абстрактная теория личности: «тот в итоге верит в осмысленность отождествления людей с чистой способностью выбора, а также в то, что такие чистые субъекты выбора могут отклонить некоторые или все свои привязанности и ценности и все еще быть тождественными самим себе». См.: Гаусс Дж. Ф. «Многообразие видов всеобъемлющего либерализма».

¹¹¹ См.: Raz, Joseph. *The Morality of Freedom*. Oxford: Clarendon. 1986; Dworkin, Ronald. *Liberalism // Public and Private Morality*, ed. Stuart Hampshire. Cambridge: Cambridge University Press, 115-43. 1978; Dworkin, Ronald. *Sovereign Equality: The Theory and Practice of Equality*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000; Wall, Steven. *Liberalism, Perfectionism and Restraint*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Benn, Stanley I. *A Theory of Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; Young, Robert. *Personal Autonomy: Beyond Negative and Positive Freedom*. London: Croom-Helm, 1986.

способствует самостоятельности выбора), независимости, придает жизни смысл, утверждает ценность жизни, дает возможность критического осмысления традиционных ценностей, таким образом, мотивирует к готовности к оценке, что является одним из проявлений свободы. В то же самое время теория личностной автономии (С. Бенн), рассматривая личностную автономию как идеал, считает, что автономия не может быть основанием для либерального понимания справедливости.

Теория утилитарных прав. Институциональный утилитаризм (Р. Хардин, Л. У. Самнер, Г. Сиджвик, Р. Э. Гудин¹¹²). Утилитаризм как философское учение, в основании которого лежит идея полезности, в современных теориях либерализма исходит из дилеммы полезности и прав, в связи с чем предлагается «институциональная защита прав», что означает ограничение максимализации собственной деятельности, направленной к определенной цели, правилами и оценками, которые определяют наиболее эффективный выбор необходимого действия при ограничении целей и признании прав других (Р. Хардин). Исходя из этого, была предложена теория морального обоснования и теория морального принятия решений, что связывается с моралью здравого смысла и всеобщего счастья как цели (Г. Сиджвик). Р. Гудин предложил идею государственного утилитаризма как политическую философию государственных деятелей, как руководство к действию политиков.

Итак, в культурно-историческом смысле, основания парламентской культуры формировались с эпохи Нового времени, и философия либерализма явилась идеологическим обоснованием идеи парламентаризма. Философия либерализма, имея в своем основании утилитаристские ценности, конкретизировала основные либеральные принципы, такие, как свобода, равенство, справедливость и мир с позиций рационализма, начиная со времен

¹¹² Hardin, Russell. *Morality within the Limits of Reason*. Chicago: University of Chicago Press, 1988; Hardin, Russell. *Economics of knowledge and utilitarian morality* // Brad Hooker, ed., *Rationality, Rules and Utility*. Boulder, CO: Westview, 1993; Sumner, L. W. *The Moral Foundations of Rights*. Oxford: Oxford University Press, 1987; Sidgwick, Henry. *The Methods of Ethics*, 7th edn. Chicago: University of Chicago Press, 1962; Goodin, Robert E. *Political Theory and Public Policy*. Chicago: University of Chicago Press, 1982; Goodin, Robert E. *Utilitarianism as a Public Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; Goodin, Robert E.. *The Theory of Institutional Design*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

философии «общественного договора». Однако, идея всеобщего блага, концепции справедливости и законности, а также система политических добродетелей формируется еще во времена Античности. В антропологическом смысле, ценностные основания парламентской культуры находятся под влиянием представлений о человеке: как о существе политическом, или существе общественном, или человеке экономическом – максимизаторе и генераторе полезности, связей и средств. Это позволяет сделать вывод, что становление и развитие концепта парламентской культуры можно рассматривать с нескольких позиций.

Аксиологических оснований политики, повлиявших на формирование парламентской культуры и остающиеся неизменными со времен Античности – концепции справедливости и законности; представление о политических добродетелях. В Античности формируются аксиологические представления о «человеке политическом»; политическое действие и политические отношения отождествляются с социальными действиями и отношениями; формируется представление о законе, как об основании и инструменте осуществления справедливости; практика государственного управления соотносится со справедливостью закона, а не только с индивидуальной моралью правителей.

Аксиологических оснований классического либерализма («общественный договор» Дж. Локка; понимание мира Т. Гоббсом; идея «всеобщей воли» Ж.Ж. Руссо), сформировавших центральные либеральные принципы – свобода, справедливость, равенство, мир, лежащие у истоков идеологии парламентаризма. Истоки либерализма коренились в утилитаристских концепциях, представители которых стремились сформулировать моральные и ценностные обоснования политики. Дж. Локк соединил идеи, которые явились ценностными основаниями теории либерализма, его философия явилась идеологической основой английского парламентаризма. Законодательная власть, согласно концепции Локка, является более предпочтительным вариантом управления, парламент становится представительским институтом власти, который консолидирует законотворчество. Идея народного представительства у Ж.Ж. Руссо связана с

понятием *всеобщей воли*, исходявшего из понимания *общего интереса*. Согласно такой логике, законодателем может выступать только сам народ. Однако Руссо представляет *законодателя* как некую личность, которая проводит общую волю народа.

Аксиологических обоснований либерального рационализма, как идеологии капитализма. Содержание всеобщего блага в либеральных концепциях эпохи развития капитализма, состоит из ряда основных элементов (мир, свобода, равенство, собственность), в основании понимания которых лежит *принцип рационализма*. Рационализм конкретизирует принципы свободы, равенства, мира и собственности с точки зрения утилитаризма, из соображений «всеобщей полезности».

Консервативно-либеральной философии И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Она повлияла на развитие современных представлений о парламентаризме и культуру публичной политики. И. Кант переосмыслил антропологические основы политико-правовой теории: основываясь на понимании естественного состояния как эгоистического, Кант выводит основную проблему политики, которая заключается в формировании всеобщего правового гражданского общества. Решение политической проблемы, по мысли Канта, связано с решением антропологической проблемы. В основании права и государства, согласно Канту, лежит принцип свободы воли. Гражданское общество представляет собой среду для реализации долга. Так Кант различает моральное обязательство (внутренне принуждение) и юридическое обязательство (внешнее принуждение), объединяя мораль и политику. Основной ценностью в политической философии Канта является ценность справедливости, которая выражена в двух общезначимых планах – моральном и правовом. В рамках гегелевской концепции, можно выделить ценности, относящиеся непосредственно к депутатскому представительству. Основной ценностью является доверие избирателей, что предполагает ряд качеств, которыми должен обладать представитель. Представительство нуждается также и в равенстве, заключающемся в том, что депутаты должны отстаивать крупные интересы различных сфер общества, а не

частные интересы. Важную роль в государственном управлении играет публичность собраний и общественное мнение.

Современных либеральных теорий, в которых ценности парламентской культуры обосновываются через принцип рационализма и здравого смысла: а) с позиций теорий личностной автономии, центральными ценностями в которых считаются самоутверждение, саморазвитие и самосовершенствование личности (Д.Рац, Дж. Дворкин, Э.Джилл, С.Уолл, С. Бенн, Р. Янг); б) с позиций теорий морального обоснования и морального принятия решений, что связывается с моралью здравого смысла и всеобщего счастья как цели (Г. Сиджвик); в) с позиций государственного утилитаризма, как политической философии государственных деятелей (Р. Гудин).

Таким образом, в первой главе исследования можно сделать следующие выводы.

1. В диссертационном исследовании парламентская культура представлена как важный фактор *социального проекта глобального гражданского общества*, основанного на ценностях *демократизма и прав человека*. В этом смысле парламентская культура выступает как *концепт*, синтезирующий в себе *ценности и практики* парламентаризма.

2. Нами проанализировано *значение* концепта парламентской культуры, проявление его смыслов в различных философских, теоретических, документальных дискурсах и культурных практиках, в результате чего выявлен *синтез* смыслового и практического элементов концепта парламентской культуры, раскрыто различие смыслов концепта в различные исторические и культурные эпохи.

3. Установлено *понятие* парламентской культуры, его смысловые характеристики и значения в современных исследованиях. Определено, что использование понятия «парламентская культура» в научном контенте, недостаточно для выявления всего многообразия, «множественности» смыслов данного феномена. Показано, что включение концепта как *методологической основы* исследования расширяет научное поле, посредством введения новых

понятий и смыслов исследуемого объекта, что дает возможность *проектирования* ценностных моделей и практик в систему парламентских отношений.

4. Установлено, в результате анализа историко-философских текстов, что *становление* концепта парламентской культуры связано с конструированием *новых смыслов*, которые транслируются в контент парламентской культуры.

5. Становление и развитие концепта парламентской культуры рассмотрено со следующих позиций: а) через *аксиологические основания политики, повлиявшие на формирование парламентской культуры и остающиеся неизменными со времен Античности* – концепции справедливости и законности; представление о политических добродетелях; б) через *аксиологические основания либерализма* («общественный договор» Дж. Локка; понимание мира Т. Гоббсом; идея «всеобщей воли Ж.Ж. Руссо; в) через *философско-аксиологические концепции политики И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, которые повлияли на развитие современных представлений о парламентаризме и культуру публичной политики*; г) через *аксиологическое обоснование философии либерализма с позиций рационализма, как идеологии капитализма (Л. фон Мизес)*; д) через *понимание либерализма, как современной светской философии, которая обосновывает ценности парламентской культуры с позиций рационализма и здравого смысла*.

В следующей главе мы рассмотрим, как концепт парламентской культуры, проанализированный в данной главе с ценностных позиций, проявляется через практики либерализма.

ГЛАВА 2. Аксиологические дилеммы парламентской культуры

Принципы философии либерализма, являющиеся идеологической базой культуры парламентаризма, в практике парламентской деятельности оказываются достаточно противоречивыми. Эта противоречивость концентрируется в различных дилеммах, что диктует неоднозначность поведенческой линии, подчеркивая абстрактность требований, выраженных в принципах.

С одной стороны, дилеммы парламентаризма рассматриваются нами в контексте концепции прав человека в силу того, что документ «Всеобщая декларация прав человека», концентрирующий в себе положения о правах человека, является основным нормативным документом, в котором воплотились принципы либерализма. С другой – дилеммы парламентаризма проявляются посредством политической стратификации и противоречат принципам либерализма. В этой связи целесообразно провести анализ дилемм парламентаризма, через этическое содержание концепции прав человека, рассмотрев ее нормативные аспекты, и выделив основные дилеммы Всеобщей декларации прав человека; рассмотреть понятие политической стратификации и обосновать ее неизбежность, а также, определить основные дилеммы политической стратификации в контексте принципов либерализма.

2.1. Дилеммы прав человека в культурных практиках парламентаризма

Концепт парламентской культуры проявляется в *антропологических практиках*, которые понимаются как совокупность политических эмоций, мотиваций, ценностных приоритетов, обуславливающих общее направление политических действий, деятельности социальных групп и политических институтов (парламента). Одним из факторов политических антропологических практик социальных групп является социальное неравенство, проявляющееся эмоционально-мотивированно на несправедливость в отношении таких факторов как распределение, равенство, свободоизъявление. Антропологические практики,

обусловленные подобной мотивацией на отсутствие сущностных ценностных факторов, являются *выражением политической стратификации*. Существование либерализма как политической идеи, выраженной в теории, в документах и направленных на преодоление социального неравенства и несправедливости, и политической и социальной стратификации в контексте антропологических практик парламентской культуры, представляет собой *противоречие* между теорией и социальной практикой. Это противоречие представляет собой *постоянную величину*, которая проявляется в разные временные периоды, и, в силу этого, очерчивает смысловые контуры концепта парламентской культуры. Исходя из этого, в данном параграфе будет рассматриваться различные *характеристики* антропологических практик концепта, такие как политическая стратификация, политическая толерантность в их соотношении с концепцией прав человека, являющейся основной ценностной идеей либерализма.

Одним из наиболее ярких примеров институализации принципов либерализма, являются *права человека*. Однако, на практике, это порождает ряд аксиологических дилемм и коллизий, ставя вопросы, как о *границах толерантности*, так и о *границах законности*. В данном параграфе необходимо проанализировать основные дилеммы парламентаризма, проследив историю формирования прав человека, а также влияние философии утилитаризма и либерализма на становление прав человека; обосновать целесообразность аксиологического подхода к рассмотрению прав человека.

Принципы философии либерализма, являющиеся идеологической базой культуры парламентаризма, в практике парламентской деятельности оказываются достаточно противоречивыми. Эта противоречивость концентрируется в различных дилеммах, что диктует неоднозначность поведенческой линии, подчеркивая абстрактность требований, выраженных в принципах.

С одной стороны, дилеммы парламентаризма рассматриваются нами в контексте концепции прав человека в силу того, что документ «Всеобщая декларация прав человека», концентрирующий в себе положения о правах

человека, является основным нормативным документом, в котором воплотились принципы либерализма. С другой – дилеммы парламентаризма проявляются посредством политической стратификации, что противоречит принципам либерализма. В этой связи целесообразно провести анализ дилемм парламентаризма, фокусируя внимание на этическом содержании концепции прав человека, рассмотрев нормативные аспекты, и выделив основные дилеммы Всеобщей декларации прав человека; рассмотреть понятие политической стратификации, а также, определить основные дилеммы политической стратификации в контексте принципов либерализма.

Концепция прав человека формируется в Новое время, являясь следствием возникновения и развития либерализма. Историческим документом концепции прав человека является «Билль о правах» (1689), задуманный как компромисс между сторонниками монархизма и партией Кромвеля, а затем ставший правовой основой конституционной монархии. После «Билля о правах», декларации прав человека являлись закономерным следствием революций и войн (ср.: Великая французская революции (1789 г.), США война 1941-1945 гг.). Поэтому считается, что появление документа такого как «Декларация прав человека» в разные отрезки исторического времени свидетельствует о возникновении новой политической эпохи. «Билль о правах», как первая подобная попытка, имел в своем идеологическом основании философские концепции Т. Гоббса и Дж. Локка. С политической точки зрения, в своей теории личной безопасности и общественного договора, Гоббс выражал позицию либерал - монархистов. Локк конкретизировал эту теорию, изменив ее в соответствии с общественным мнением, поэтому его формула «жизнь, свобода, собственность», активно поддержана в буржуазных кругах, и, впоследствии, стала стержневым требованием в «Билле о правах».

Основной этической идеей данных концепций было признание врожденного себялюбия, природного эгоизма, являющегося «главной латентной идеей старой философии прав человека», выразившей «эгоистическую форму мотивации, низменную, с точки зрения высоких нравственных требований, обращенных к

человеку». Эта идея «санкционирована в разных сферах жизни, и в самых широких рамках» в том числе и в сфере нравственности. Поэтому *«концепция прав человека является разновидностью этического эгоизма (курсив мой – Ю.Н.)»*¹¹³. Этот вывод еще раз подтверждает мысль о том, что и основанием прав человека, так же, как и либерализма, с философской точки зрения, являлся утилитаризм, как одна из разновидностей этики эгоизма.

В аспекте социальной философии, права человека являются одной из форм общественного договора, построенного на признании принципа себялюбия. Таким образом, идеи свободы, равенства, справедливости, мира, представленные в правах человека, (о чем подробнее речь пойдет ниже), приобретают особый смысл и мотивацию, если рассматривать их через призму философии утилитаризма. Для создания полной картины формирования современной концепции прав человека, обратимся к истории развития основных прав. Естественные (то есть, неотъемлемые, данные от природы) права человека – это право на жизнь, право на свободу, право на труд, на участие в политической жизни, на собственность и т. д.

Однако в концепциях идеологов прав человека и в первых декларациях все было не так однозначно, и список естественных прав никогда не был статичным. Так, для английской философии характерно отделение политических прав от естественных. Например, Г. Спенсер, считал, что политические права бессмысленны, если соблюдены права на жизнь, свободу и безопасность. Дж. С. Милль, являвшийся последователем либерализма, также, скептически относился к особому значению политических прав. Необходимо заметить, что и в нормативных документах того периода (декларациях прав человека) политическим правам не уделяется особенного внимания. Так, требования во французской декларации прав человека и гражданина были обобщены следующей фразой: «Цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые – свобода, собственность, безопасность и

¹¹³ Дубко Е.Л. Этическое содержание концепции прав человека. Этика прав человека. Материалы международной конференции. Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула, 1994. С. 12.

сопротивление угнетению»¹¹⁴. Похожая формулировка прав была и в американской Декларации независимости: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»¹¹⁵.

Проанализировав французскую декларацию, можно придти и к еще одному неоднозначному выводу – принцип равенства и свободы всех людей, безусловно, признается, но он подчинен принципу всеобщей пользы: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе»¹¹⁶. Кроме того, нормативно оформленное правило, закон, отныне, считается законом всеобщим, основанным, опять-таки, на соображениях общественной полезности, и отменяет все другие (моральные, религиозные) законы: «закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом»¹¹⁷.

Характерно и то, что право на собственность также часто отделялось от естественных прав, хотя признавалось и уважалось. Так, Т. Джефферсон, автор американской Декларации независимости, не считал право на собственность естественным правом человека, так как, по его убеждению, земля принадлежит всем людям лишь прижизненно и для необходимых нужд, но не после смерти и не для наживы, поэтому не может передаваться по наследству или быть продана. М. Робеспьер считал, что целью общества является свободное развитие каждой личности, а не обогащение, поэтому идея свободы во французской Декларации доминировала над идеей собственности. И. Кант развивает эту идею, считая, что все права на вещи являются не естественными, а приобретенными, он признавал

¹¹⁴ Всеобщая декларация прав человека и гражданина, 1789 (Электронный ресурс) URL: <http://www.agitclub.ru/spezhran/spezdeclaracia1789.htm> (дата обращения: 10.04.2013).

¹¹⁵ Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Под ред. О.А.Жидкова. Перевод О.А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993. Декларация независимости США (Электронный ресурс), 4 июля 1776. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm> (дата обращения: 10.04.2013).

¹¹⁶ Всеобщая декларация прав человека и гражданина, 1789. (Электронный ресурс) URL: <http://www.agitclub.ru/spezhran/spezdeclaracia1789.htm> (дата обращения: 10.04.2013).

¹¹⁷ Там же.

естественным правом только *право на свободу*. Идея собственности у Канта подчиняется идее справедливости: собственность требует справедливого распределения.

Таким образом, с точки зрения истории прав человека, можно выделить три группы прав:

Естественные права человека, к которым относятся право на жизнь, право на свободу, право на безопасность. Современная Декларация прав человека значительно расширила эти формулировки, добавив значительное количество свобод. Право на безопасность стало одним из составляющих права на жизнь.

Политические права человека, которые исторически не признавались естественными, а, стало быть, необходимыми и обязательными. В современной декларации прав человека ООН политические права выделены следующим образом: избирательное право; легальное право на оппозицию; гражданские свободы; право собраний и объединений; отделение церкви от государства.

Право на собственность. В 18 – 19 веках под правом на собственность, главным образом, подразумевалось право владения землей. В современной декларации право на собственность расширено до формулировки «экономические права», которая подразумевает под собой право на частную собственность; право доступа к общественной собственности; право на организацию по интересам; право на защиту от мошенничества.

Первая аксиологическая дилемма, которая возникает вслед за созданием американской и французской деклараций, заключалась в следующем: основным правом стало право народа на революцию, так как права человека, отраженные в этих декларациях, давали моральное и юридическое обоснования для свержения неэффективного правления.

Таким образом, права человека впервые обернулись иной стороной: ведь их основная идея – право на свободу, или, как это формулировалось в декларациях «стремление к счастью» и «право на сопротивление угнетению» – воплощенная в реальности революцией, потенциально могла нарушить иные естественные права (право на жизнь и безопасность). Так, в декларации независимости США, можно

отметить констатацию права на сопротивление и открытый призыв к свержению неэффективного правления: «Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа»¹¹⁸. В Декларации прав человека и гражданина Франции наряду с основными естественными правами находится право на сопротивление угнетению, как цель любого политического союза, что также может подразумевать возможность вооруженного восстания: «Робеспьер и Т. Пейн считали... национальным и высшим человеческим (гуманным долгом) действовать в защиту всех угнетенных с оружием в руках. В этом ракурсе права человека представляют собой не только ядро морального и юридического кодексов двух истекших столетий, но и часть революционной морали»¹¹⁹.

Таким образом, история формирования концепции прав человека показывает, что основные права, представленные в декларациях, образовали *первую дилемму* революционной морали, суть которой заключалась в следующем: *мир можно сохранять только до тех пор, пока что-то или кто-то не угрожает справедливости*. Об этом напрямую говорится в Декларации независимости США: «Для обеспечения прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье»¹²⁰.

Во французской декларации понятие «сопротивление угнетению» также раскрывает эту дилемму: «Представители французского народа, образовав

¹¹⁸ Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Под ред. О.А.Жидкова. Перевод О.А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993. Декларация независимости США (Электронный ресурс), 4 июля 1776. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/indpndnc.htm> (дата обращения: 10.04.2013).

¹¹⁹ Дубко Е.Л. Этическое содержание концепции прав человека. Этика прав человека. Материалы международной конференции. Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула, 1994. С. 17.

¹²⁰ Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Под ред. О.А.Жидкова. Перевод О.А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993. Декларация независимости США (Электронный ресурс), 4 июля 1776. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/indpndnc.htm> (дата обращения: 10.04.2013).

Национальное собрание и полагая, что невежество, забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств, приняли решение изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и священные права человека, чтобы эта Декларация, неизменно пребывая перед взором всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязанности, чтобы действия законодательной и исполнительной власти, которые в любое время можно было бы сравнить с целью каждого политического института, встречали большее уважение; чтобы требования граждан, основанные отныне на простых и неоспоримых принципах, устремлялись к соблюдению Конституции и всеобщему благу»¹²¹.

Таким образом, аксиологическую дилемму первых деклараций прав человека XVIII-XIX веков можно сформулировать следующим образом: *война ради справедливости или мир без нее*. В рамках революционной морали, однозначно выбиралась война, в чем можно неоднократно убедиться на примерах истории. В связи с этим «фанатизм в понимании той или иной справедливости способен на такие злодеяния, которые несовместимы уже с главным правом людей – правом на жизнь. То же можно сказать и о фанатике свободы, и о фанатике равенства (уравнивание всех до состояния серых, безликих элементов)»¹²².

XX век внес свои коррективы в понимание концепции прав человека, что было обусловлено двумя мировыми войнами, изменившейся политической ситуацией, экономическими подъемами и спадами, созданием Организации Объединенных Наций. С точки зрения идеологических оснований концепции прав человека, изменились подходы к либерализму, и само содержание либеральных доктрин. XX век конкретизировал понимание всеобщего блага, расширив это понятие через такие категории, как мир, свобода и справедливость. Поэтому после Второй мировой войны, в период укрепления ООН, концепция прав

¹²¹ Всеобщая декларация прав человека и гражданина, 1789. (Электронный ресурс) URL: <http://www.agitclub.ru/spezhran/spezdeclaracia1789.htm> (дата обращения: 10.04.2013).

¹²² Титаренко А.С. Права человека – защита достоинства и самоценности личности. Этика прав человека. Материалы международной конференции. Тула, 1994. С. 10.

человека уже начинает претендовать на некий *нормативный общечеловеческий свод этических правил*.

В 1945 году в США принимается Хартия ООН по правам человека, а уже в 1948 году, на основании Хартии, в ООН была представлена Всеобщая декларация прав человека, подготовленная Элеонорой Рузвельт. Однако декларацию ждала нелегкая судьба – она не была подписана многими странами до 1966 года, и не имела юридической силы до 1976 года. Декларацию часто критикуют за абстрактность и оторванность от политических реалий: «Ни один ее раздел не достигает выразительности. В содержании отсутствует целостность. Оно адаптировано к самым поверхностным представлениям об обществе. Мыслительная традиция в нем полностью утеряна. Живая речь умерла в его строчках. Трудно конкретизировать содержащиеся в нем положения. С идейной и философской точек зрения, в нем нет ничего нового»¹²³.

Тем не менее, права человека, изложенные в декларации, представляют собой *нормативный общечеловеческий кодекс*, первый *универсальный кодекс* в истории. Важное отличие этого кодекса от первых деклараций прав человека заключается в следующем: Всеобщая декларация прав человека не была порождением революционной морали, устремленной свободе, справедливости и равенству через революции и войны; она явилась результатом уже изменившегося политического порядка, одним из первых итогов мирного договора, уже признанных либеральных идей. Поэтому дилеммы в рамках современной модели концепции прав человека имеют *качественной иной характер*, чем дилеммы прав человека XVIII-XIX веков.

Рассмотрим основные права человека, перечисленные во всеобщей декларации. Права человека, перечисленные в декларации прав человека ООН¹²⁴.

1. Право на жизнь (безопасность и охрана личности; защита от внешней агрессии; свобода от угрозы со стороны государства)

¹²³ Дубко Е.Л. Этическое содержание концепции прав человека. Этика прав человека. Материалы международной конференции. Тула, 1994 . С. 18.

¹²⁴ Всеобщая Декларация прав человека (Электронный ресурс). – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.06.2013).

2. Право на личную свободу (свобода передвижения и местожительства; свобода от насильственного подчинения или порабощения; свобода мысли и совести; свобода слова и высказывания; моральная свобода; право на тайну)
3. Право на охрану здоровья (адекватное медицинское лечение; право больного на информацию; добровольная эвтаназия; свобода воспроизведения)
4. свобода от бедности (право на важнейшие потребности; право на труд; право на обеспечение старости; право на досуг и отдых)
5. экономические права (право на частную собственность; право доступа к общественной собственности; право на организацию по интересам; право на защиту от мошенничества)
6. Интеллектуальная и культурная свобода (право на свободное научное исследование; право на качественное образование; право на культурное развитие)
7. Моральное равенство (равные возможности; равный подход к нормам морали; отсутствие дискриминации)
8. Равная защита закона (право на справедливое судебное разбирательство; право на судебную защиту; право на гуманное обращение; торжество закона)
9. Право на демократическое участие в управлении (избирательное право; легальное право на оппозицию; гражданские свободы; право собраний и объединений; отделение церкви от государства)
10. Право на брак, семью и детей (право на брак; право на развод; право на рождение ребенка; право на материнство и отцовство; родительские права; права детей).

Таким образом, во Всеобщей декларации прав человека статьи 4-21 посвящены гражданским и политическим правам, а статьи 21-27 – экономическим, культурным и социальным правам. Некоторые исследователи замечают, что это различие основано на двух разных философских

антропологиях: в декларации человек предстает, с одной стороны, как разумный и природный агент, а с другой – как социальное существо. Обе системы прав признаны взаимозависимыми, но, однако, вошли в резолюцию ЭКОСО 1966 года по отдельности¹²⁵. Обе системы прав обладают определенными качествами:

1. Экономические, социальные и культурные права создавались на основе представлений об экономической и социальной справедливости, и постепенно сформировались в период промышленных революций конца 19 – начала 20 века. Они позитивны, прогрессивны, расплывчаты, свободны, политически и идеологически окрашены, не обосновываются, предполагают интенсивное использование ресурсов, объединены целями. В декларации над ними доминируют гражданские и политические права.

2. Гражданские и политические права начали формироваться ранее, в период французской и американской революций. Они негативны, непосредственны, неуправляемы. Они предполагают только воздержанность правительства¹²⁶.

В то же самое время Всеобщая декларации прав человека представляет собой *иерархию прав* – одна группа прав доминирует над другой. В связи с этим в литературе существует два мнения – *позитивное и критическое*.

Критическое мнение о естественных, основных правах личности, считает необходимым рассмотрение экономических, социальных и культурных прав, наряду с гражданскими и политическими правами. Данная точка зрения основана на аргументации неэффективности этих прав, утверждается, что они будут только лишь продекларированы: «если вообразить политические и гражданские права отделенными от экономических, социальных и культурных прав, придем к абсурдной ситуации, когда в обществе свободы слова и выбора нет заинтересованности в экономических, социальных и культурных правах, и наоборот. Разделение и перерождение прав ведет к тому, что одними правами

¹²⁵ Уорнер Д. Этика прав человека – два взаимосвязанных недоразумения // Этика прав человека. Материалы международной конференции. Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула, 1994. С. 26.

¹²⁶ Там же. С. 27.

жертвуют ради других»¹²⁷. Однако *позитивный* момент присутствует даже в самом факте *декларирования* прав человека, так как сам этот факт дает представление об основных правах личности, и нужны лишь эффективные законодательные институты, для создания механизмов осуществления прав. Тем не менее, необходимо искать некий унифицированный подход к обеим системам прав.

В настоящее время такой унифицированной системы не существует, Всеобщая декларация прав человека отделяет одни права от других. Причина заключена в том, что декларация основана на идеях либерализма, с его утилитаристской политической моралью, в которой высшей целью является всеобщее благо государства, и оправданием большинству действий служит всеобщая польза. В силу этого обстоятельства институциональная этика доминирует над индивидуальной, а политика приобретает собственную моральную нишу, существуя сама по себе, вне индивидуальной этики.

На заре зарождения концепции прав человека политические и гражданские права, а также экономические права были отделены от естественных прав, которые считались неотъемлемыми и важнейшими правами личности. Однако в силу того, что были изложены в декларациях, они имели невнятный и расплывчатый смысл, также как и в современной редакции декларации прав человека. Это было связано с тем, что основной практической целью данных деклараций явилось утверждение политических, а не естественных прав.

Подводя итог вышеизложенного, можно выделить следующие особенности концепции прав человека:

1. Идеология концепции прав человека основана на философии либерализма, являясь одной из разновидностей этического эгоизма.

2. В различных по историческим периодам декларациях прав человека имеет место тенденция *разделения* социальных, культурных и экономических прав (основанных на индивидуальной этике – этике предпочтений) от

¹²⁷ Там же. С. 28.

гражданских и политических прав (основанных на институциональной этике – этике ограничений)

3. Подход к разделению прав создает множественные аксиологические и социальные дилеммы, что не является эффективным: существует необходимость создать унифицированную систему прав.

Именно последний вывод заставляет обосновать *аксиологический* подход к пониманию концепции прав человека, ведь «этика прав человека, таит в себе... глубинные противоречия. С одной стороны, это «этика закона», т.е. этика внешней обязательности. Здесь существует личность абстрактная, а не живая, конкретная. Качественные, творческие различия в человеческой индивидуальности, столь важные в морали, здесь игнорируются. Это коренные противоречия: «права человека» зиждутся на моральных устоях жизни людей, иссушают, упрощают эти моральные устои. Это действительно трагизм, который разрешается лишь на пути многостороннего, недогматического, этического толкования прав человека»¹²⁸.

С философской точки зрения, можно обозначить два основных вопроса, благодаря которым формируются проблемы концепции прав человека:

1. Права человека – универсальная нравственность или насилие?
2. Права человека – мораль долга или мораль добродетелей?

Рассмотрим содержание указанных вопросов.

1. Идея универсальности

Как уже было замечено ранее, права человека претендуют на звание некоего всеобщего нормативного этического кодекса. Идея универсальности прав человека может найти как своих сторонников, так и критиков. Рассмотрим обе позиции.

1. Аргументы критики идеи универсальности:

- Если права человека претендуют на универсальность, это значит, что они признаются на данный момент высшими нравственными истинами, своего рода,

¹²⁸ Титаренко А.С. Права человека – защита достоинства и самоценности личности // Этика прав человека. Материалы международной конференции. Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула, 1994 . С. 10.

новой религией. Распространение этой «религии» представлено либо как «миссионерство», либо как общественный договор. Однако было бы заблуждением утверждать, что нравственные нормы складываются именно таким образом. Они создаются как на основе индивидуальной, так и на основе институциональной этики.

Поскольку права человека имеют в своем основании концепцию либерализма, можно ли утверждать, что именно концепция либерализма является непреложной и конечной истиной? Имеет ли право европейская цивилизация навязывать свои ценности всему остальному человечеству, тем более, что США и Европа, так называемые развитые страны – это даже не большая часть всей человеческой цивилизации? На данный момент в мире назрело огромное количество проблем – это и голод, и войны, и нищета, и демографические катастрофы. Поэтому абстрактные утверждения не могут быть эффективны и как-то изменить ситуацию.

Различное экономическое развитие стран не предполагает одинаковой институциональной этики, у них разное понимание необходимости тех или иных задач и целей. Существуют, безусловно, ценности индивидуальной этики, касающиеся естественных прав, которые одинаковы для каждого человека. Но равный закон возможен только между равными¹²⁹. Требования прав человека могут вступать в конфликт с национальной, этнической, нравственной культурой других стран, что опять-таки подтверждает мнение об их неэффективности.

С правовой точки зрения, в судебной резолюции не предусмотрены какие-либо гарантии по правам человека, то есть, на основании прав человека суды могут признать лишь сам факт нарушения; дальнейшее решение находится только в ведении суда.

¹²⁹ «Для стран третьего мира особенно важной была статья 25-я, в которой им хотелось видеть подтверждение и интернализацию прежде всего экономических прав, если хотите – гарантированного прожиточного минимума... Политические права граждан волновали эти страны меньше, чем колоссальная задолженность Западу. Перед постоянной угрозой голода, в условиях нищеты и растущих долгов, эти страны относились индифферентно к лекциям о ценностях свободного предпринимательства и индивидуальных свободах, которые им преподносили в ответ на их требования справедливо распределять жизненные ресурсы. Западным странам удалось отклонить требования экономических прав и отстоять приоритет политических прав». См.: Дубко Е.Л. Этическое содержание концепции прав человека // Этика прав человека. Материалы международной конференции. Тула, 1994. С. 19.

2. Со стороны поддержки идеи *универсальности* прав человека, можно привести следующие доводы. Права человека могут быть необходимым нравственным минимумом, отправной точкой для создания законов, своеобразным ориентиром. Права человека, как нормативные правила, призваны не наказывать за уже совершенные преступления против прав, а предотвращать их. Таким образом, они имеют функцию, своего рода, «нравственной профилактики». Права человека являются порождением социально-нормативной конкретизации этики, естественного длительного процесса, необходимость в которой появилась, когда произошло смешение цивилизаций и культур, в период промышленных революций и развития науки, когда традиционные религиозные предписания и ограничения перестали быть всеобщим императивом.

Развивающаяся глобализация экономики и культуры требует глобализации и некоторых, наиболее важных, ценностных требований. В условиях глобализации, разница нравственных ценностей может привести к катастрофическим конфликтам. Как и все вопросы, принимающие форму дилеммы, изложенное выше не может иметь однозначного решения и никогда не найдет однозначной оценки. Можно констатировать только тот факт, что права человека на данный момент являются особой интерпретацией современных представлений о политике, политических отношениях, политических ценностях, политической этике, которая представлена в виде нормативных требований, на которых строятся отношения между современными государствами.

Как уже было сказано в пользу аргументов идеи универсальности, современные права человека являются *нравственным минимумом*. Они не требуют от человека жертвенного, сверхдолжного поведения, во имя идеалов свободы и равенства, а построены на концепции либерализма, которая отличается реалистичностью и рационализмом.

Таким образом, нравственные требования, представленные в правах человека, *минимизированы и уравнены*, что подтверждает одну из основных идей либерализма, выраженных в принципе равенства, равенства всех не перед Богом, а перед *законом*. В этом случае политика толерантности базируется на принципе

всеобщего равенства перед законом, с одной стороны, и принципе безразличия к действиям, не нарушающим закон – с другой (разрешено все, что не запрещено законом – декларация прав человека и гражданина Франции).

Права человека не призывают быть добродетельным, они призывают лишь следовать закону, что означает их полную *автономию* от религиозной нравственности, где высшим законом является законы Бога, а не человеческого законодательства. Поэтому религия упоминается здесь только в связи с веротерпимостью. Согласно христианской этике, люди, рожденные равными перед Богом, одинаково несут на себе печать первородного греха, поэтому единственный способ для них стать добродетельными – борьба с собственным грехом. Согласно аристотелевскому варианту этики, добродетель является свойством совершенного склада души, и ее можно воспитать, преобразовав собственные страсти. Таким образом, этика добродетелей предполагает либо борьбу со страстями, либо постоянный нравственный самоконтроль. Добродетельным можно стать лишь самостоятельно.

Институциональная этика значительно упрощает эту задачу: необязательно быть добродетельным, достаточно следовать долгу, изложенному в законе. Не обязательно быть добродетельным человеком, но каждый должен быть добродетельным гражданином. Добродетель гражданина в том, чтобы исполнять свой гражданский долг – долг перед законом. Таким образом, концепция прав человека основана не на добродетели, а *на долге*.

Тем не менее, такой критерий нравственности политической толерантности, как права человека, значительно выше, с гуманистической точки зрения, чем критерий общественной пользы, предлагаемой утилитаризмом. Это связано с тем, что понимание общественной пользы более расплывчато. Примером такого понимания может служить революционная мораль эпохи первых деклараций, когда идеалы справедливости и свободы противоречили идеалам мира, мирного сосуществования. В то же самое время вопрос о правах человека как о *критерии* нравственности является чрезвычайно важным, так как именно этот критерий определяет направленность и конечную цель прав человека.

Подводя итоги вышеизложенного, можно сказать, что концепция прав человека, основанная на философии утилитаризма, первоначально представляла собой разновидность этического эгоизма, что отличает ее от современной концепции прав человека, основанной на этике долга. Современная концепция прав человека, также, не чужда идеям утилитаризма, однако, она в большей степени ориентирована на либеральные ценности, и, именно в силу этого, является более гуманной и конкретной, нормативно обусловленной, чем критерий общественной пользы в утилитаризме.

Если бы перед нами стояла цель обозначить основные дилеммы экономических, культурных и социальных прав человека, это было бы достаточно объемной задачей в области теории морали, прикладной и профессиональной этики. Условно можно было бы выделить дилеммы, такие как: 1. дилемма биомедицины (эвтаназия): право на достойную смерть или право на жизнь? 2. Дилемма власти: право на власть или власть права? 3. Дилемма информации (СМИ): право на свободу слова или вседозволенность? Можно сказать, что все дилеммы, связанные с указанными правами человека активно обсуждаются и осмысливаются в рамках современной прикладной этики – биомедицинской, экономической, гендерной, информационной, и так далее.

Но дилеммы политических и гражданских прав находятся только в рамках политики, которая, еще со времен Дж. Локка, зачастую воспринимается как область, стоящая вне морали, но не в смысле ее аморальности, и невозможности применения к ней нравственных критериев, а как способ выхода за *рамки индивидуальной морали*. Именно *аксиологический* подход может дать возможность рассмотреть эти дилеммы наиболее объективно.

Во Всеобщей декларации прав человека политические и гражданские права представлены следующими группами:

А). Гражданские права: Равная защита закона (право на справедливое судебное разбирательство; право на судебную защиту; право на гуманное обращение; торжество закона).

Б). Политические права: Право на демократическое участие в управлении (избирательное право; легальное право на оппозицию; гражданские свободы; право собраний и объединений; отделение церкви от государства).

Общая дилемма гражданских прав заключается в самой практике судебного производства. Как уже было упомянуто, в судебной резолюции нет гарантий по правам человека: суды признают факт нарушения прав, но то, что они примут решение по защите этих прав, не является гарантированным фактом. В этом случае гражданские права могут вступить в конфликт с экономическими, культурными или социальными правами. Суд, устанавливает факт нарушения, но при этом не может наказать нарушителя, или заставить его восстановить нарушенные права: так, в случае, например, неоказания медицинской помощи, или его ненадлежащего наказания, истец может обратиться в суд, оперируя всеми очевидными фактами. Суд признает эти факты, и выносит резолюцию, но, тем не менее, не дает гарантий содействию экономическому возмещению морального или материального ущерба. Такая практика обусловлена тем, что равенство всех перед законом и законопослушание считаются не подлежащей сомнению данностью. Права человека предоставляют свободу решения, свободу в намерении исправить правонарушение, однако, на самом деле, это оборачивается тем, что никто, кроме пострадавшего, не несет ответственности за реализацию предоставленной свободы.

Таким образом, осуществление на основе судопроизводства защиты прав личности, становится весьма трудной задачей. Эту дилемму гражданских прав человека можно было бы сформулировать следующим образом: *равенство перед законом, с одной стороны, и конфликт гражданских прав и прав личности – с другой*. Гражданский закон отделен от вопроса о средствах существования. Пострадавшим предоставляется лишь моральная компенсация, выражающаяся в констатировании факта, что их права были нарушены. Принцип равенства декларируется как неограниченный, как в отношении гражданских прав, так и в отношении прав личности, но на деле, в отдельных ситуациях, он может быть ограничен рамками судебного решения.

Дилемма политических прав наиболее ярко проявляет себя в рамках международной политики, уточняя дилемму универсальности. Международная политика, в рамках концепции прав человека, базируется на справедливости закона.

Дилемма международной политики состоит в противоречии между универсальным требованием соблюдения прав личности (культурных, социальных и экономических) – с одной стороны, и требованием невмешательства во внутренние дела и сохранением государственного суверенитета – с другой стороны. Последние события, в ходе которых нарастает напряжение между ближневосточными странами и Западом, иллюстрируют эту дилемму наиболее ярко. Претендуя на универсальность, Всеобщая декларация прав человека предполагает, по крайней мере, соблюдение естественных прав, таких, как право на жизнь. Основываясь на концепции прав человека, Запад вмешивается во внутренние дела тех стран, где, по его мнению, эти права нарушаются. Такое вмешательство приводит к конфликтам, в ходе которых опять-таки, нарушаются основные права личности. Но в этом случае, моральное оправдание, предоставляемое политикой вмешательства, базируется на защите общечеловеческих прав. Безусловно, что никакое оправдание подобным действиям не может быть допустимым.

Таким образом, данная дилемма демонстрирует тот факт, что на самом деле либеральный принцип мира имеет четко выраженные границы, и концепция прав человека, вне этих границ, фактически недействительна.

В данном случае *границы* мирного сосуществования заканчиваются там, где существует якобы угроза всеобщему благу, что позволяет поставить эту дилемму в один ряд с дилеммой раннего периода развития концепции прав человека: *мир можно сохранять только до тех пор, пока что-то или кто-то не угрожает справедливости*. С этой точки зрения, высказывание Л. фон Мизеса о том, что либерализм нетерпим к любым формам проявления нетерпимости, приобретает качественно иной оттенок¹³⁰. Совершенно очевидно, что пренебрегая интересами

¹³⁰ Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. А.В. Куряева. М., 2001. С. 58.

других государств, невозможно прийти к мировому порядку. По сути, права человека реализуются в рамках отдельных государств, с их реальными политическими свободами, несмотря на идею универсальности, и эти реальные свободы вступают в конфликт со свободами других государств. Эта проблема быть разрешима лишь с правовой точки зрения – если государства образуют мировое сообщество, и их суверенитет будет подчинен международному праву. При этом должны быть разработаны правовые механизмы, которые могли бы, соблюдая все основные права человека, регулировать правонарушения. Но, в этом случае, мы вновь столкнемся с дилеммой универсальности, хотя уже и в более широком смысле.

Еще одна дилемма политических прав связана с вопросом об оппозиции (*дилемма гражданского неповиновения*). Право на оппозицию, право на собрания и объединения, о котором говорится во Всеобщей декларации прав человека, предполагает признание плюрализма любых мнений, и связано с этикой политического сопротивления. Рассмотрим критерии и границы принципов либерализма в аспекте политического сопротивления.

Политическое сопротивление может принимать следующие формы. Гражданское неповиновение, которое было определено Дж. Ролзом как общественное, ненасильственное, обусловленное совестью, но противозаконное действие, которое должно привести к изменению политики правительства или к изменению закона¹³¹. Этический критерий гражданского неповиновения основывается на следующих условиях: а) когда сопротивление направлено против конкретных фактов политической несправедливости; б) возможность компромисса исчерпана, в) само сопротивление не приведет к изменению конституционного порядка.

Важно отметить, что гражданское неповиновение, как форма политического сопротивления, возможно только в условиях демократического общества, в котором нормативно закреплены все основные права человека. Таким образом, гражданское неповиновение можно охарактеризовать как *неотъемлемую часть*

¹³¹ См.: Политическая и экономическая этика /Пер. с нем. С.Курбатовой, К. Костюка. М., 2001. С.154.

развитой политической культуры демократического общества, в которой каждый имеет право на высказывание своего мнения.

Индивидуальное и коллективное пассивное сопротивление. При индивидуальном пассивном сопротивлении этическим критерием является убеждение человека, что требуемое от него действие морально неприемлемо. Как правило, в этом случае, общечеловеческое право личности на свободу морального выбора и самоопределения вступает в конфликт с законами того или иного государства. Как пример, можно привести отказ толстовцев (членов довольно многочисленной общины, созданной на основании этики ненасилия Л.Н. Толстого) проходить службу в армии, потому что это шло вразрез с этическим принципом ненасилия. Коллективное пассивное сопротивление чаще всего связано с протестом по поводу нарушения экономических и социальных прав человека. Этическим критерием допущения такого сопротивления является сопоставление тяжести несправедливости и возможных последствий коллективного сопротивления.

Активное сопротивление проявляется в активном протесте, когда права защищаются любыми способами, вплоть до применения насилия. Однако, с точки зрения политической этики, и такая форма сопротивления имеет свои критерии оправданности: это длительная несправедливость власти; бесперспективность устранения несправедливости; наличие обоснованных шансов на успех подобного сопротивления; ограниченность использования средств насилия до четких пределов. По сути, критерии активного сопротивления относятся к сфере уже упоминавшейся революционной морали. Наиболее ярко этика и логика активного политического сопротивления наблюдается на примере декларации независимости США.

Таким образом, право на гражданское неповиновение является той частью этики сопротивления, которое возможно в демократически развитом государстве, согласно принципам либерализма. Именно гражданское неповиновение подразумевается в тех статьях Всеобщей декларации прав человека, где речь идет о праве на *легальную* оппозицию. Следовательно, права человека допускают

только такое политическое сопротивление, которое не выходит за рамки закона и не нарушает конституционный порядок. Это обстоятельство и создает очередную аксиологическую дилемму прав человека: *допустимость плюрализма мнений, с одной стороны, и ограниченное право на политическое сопротивление – с другой*. Граница политического сопротивления здесь определяется законом государства.

Еще одна дилемма политических прав – дилемма веротерпимости – заключается в праве на свободу совести с одной стороны, и отделении церкви от государства – с другой. Право на свободу совести принадлежит к области прав на личную свободу, в то время, как вопрос о разделении государства и церкви – к области политических прав.

Как уже было сказано выше, во Всеобщей декларации прав человека наибольшее внимание уделено именно гражданским и политическим правам. С одной стороны, каждый имеет право исповедовать только ту религию, которую считает истинной, в чем проявляется веротерпимость государственного устройства. С другой стороны, эта толерантность существует до тех пор, пока Церковь не становится нетерпимой к свободе вероисповедования других, и именно эта граница четко обозначена в политических правах. Такое отношение к религии являлось характерным для классического либерализма¹³².

Исходя из изложенного можно сделать следующие выводы. Основные принципы философии либерализма находят свое институциональное выражение в концепции прав человека. Определено, что изначально концепция прав человека являлась своеобразной формой этики эгоизма. История развития прав человека показала, что первые нормативные документы, в которых были институализированы принципы либерализма, такие, как, например, декларация независимости США, и декларация человека и гражданина Франции, были противоречивы с этической точки зрения, так как поднимали вопрос о границах

¹³² «Либерализм провозглашает терпимость к любой религиозной вере и к любому метафизическому убеждению не по причине безразличия к этим «высшим» вещам, а по причине убежденности в том, что гарантия мира в обществе должна иметь приоритет над всем и всеми. А поскольку он требует терпимости к любому мнению и к любой церкви и секте. Он должен напоминать им об их границах, когда они начинают проявлять нетерпимость за их пределами. В общественном порядке, основанном на мирном сотрудничестве, нет места притязаниям церкви на монополию обучения и образования молодежи... в отношении людей, которые не хотят иметь с ней ничего общего, ей не может быть позволено ничего». См.: Мизес Л. фон Либерализм в классической традиции. Пер. с англ. А.В. Кураева. М., 2001. С. 58.

ценностей в рамках «революционной морали». Это обстоятельство дало возможность обозначить дилемму толерантности первых деклараций – *мир можно сохранять только до тех пор, пока что-то или кто-то не угрожает справедливости.*

Первые концепции прав человека определяли, в основном три категории прав: *естественные* права человека; *политические* права; *право на собственность*. Несмотря на то, что многие идеологи раннего либерализма не считали политические права и право на собственность естественными правами человека, в самих нормативных документах того времени уже наметилась тенденция к тому, что политические и экономические права все же доминировали над естественными правами. Это объяснялось тем, что первые декларации составлялись именно в связи с утверждением экономических и политических прав. Впоследствии, в современной Всеобщей декларации прав человека, эта тенденция сохранилась, хоть и в несколько измененном виде: так, политические и гражданские права теперь доминируют над социальными, культурными и экономическими правами личности.

Для анализа концепции прав человека наиболее корректным является аксиологический подход, по следующей причине. Всеобщие права человека, сами по себе, уже претендуют на роль некоего универсального кодекса, декларирующего *ценности*, ядром которого, однако, является не традиционная для классической этики мораль добродетелей, а мораль *долга*. Мораль добродетелей построена на убеждении, согласно которому человек может самостоятельно воспитать в себе добродетель, преобразуя собственные страсти, что предполагает серьезную работу над собой, долг, перед самим собой. Мораль долга упрощает эту задачу: необязательно самостоятельно воспитывать в себе добродетель; достаточно следовать добродетели, описанной в *законе*. Таким образом, долг перед самим собой заменяется гражданским долгом, упрощаются ценностные критерии принятия решений; «разрешено все, что не запрещено законом». В этой связи, объективный ценностный подход к правам человека позволяет критически оценить и взвесить реальные достоинства и недостатки

подобного «универсального кодекса». В данном параграфе делается вывод, что идея универсальности, воплощенная во Всеобщей декларации прав человека, образует своеобразную дилемму, формулируемую следующим образом: *права человека – универсальная нравственность или насилие?* На этот счет существуют ряд критических и положительных точек зрения, которые формируют аксиологические дилеммы в аспекте прав человека.

Было установлено, что в современной Всеобщей декларации прав человека, присутствует противоречие между осуществлением личных прав, с одной стороны, и гражданских и политических прав – с другой, причем последним отдается предпочтение. Это и определяет специфику современной концепции прав человека – ее претензию на всеобщую, универсальную ценностную модель, а также на приоритет морали долга, а не морали добродетелей в содержании прав.

Анализируя дилеммы политических и гражданских прав, мы выделили ряд основных дилемм: а) дилемма гражданских прав – равенство перед законом, с одной стороны, и конфликт гражданских прав и прав личности – с другой; б) выделены дилеммы политических прав: *дилемма международной политики*, определяющаяся как противоречие между универсальным требованием соблюдения прав личности (культурных, социальных и экономических) и требованием невмешательства во внутренние дела и сохранением государственного суверенитета. *Дилемма гражданского неповиновения*: допустимость плюрализма мнений, с одной стороны, и ограниченное право на политическое сопротивление – с другой. 3. *Дилемма веротерпимости* – право на свободу совести с одной стороны, и отделение церкви от государства – с другой.

Анализ дилемм гражданских и политических прав позволил сделать следующие выводы о границах принципов либерализма и их этических критериях: а) принцип равенства декларируется как *неограниченный*, как в отношении *гражданских прав*, так и в отношении *прав личности*. Однако в отдельных ситуациях, он может быть ограничен рамками судебного решения, что является основным ядром противоречивости гражданских прав; б) границы принципов либерализма заканчиваются там, где существует якобы угроза

всеобщему благу: свобода и мир могут существовать только до тех пор, пока что-то или кто-то не угрожает их существованию. Чаще всего этот критерий *ограничения* применяется при разрешении дилеммы международной политики; в) границы принципов либерализма определяются *законом государства*, если речь идет о *политическом сопротивлении*.

В идеале, в гражданском обществе, нет необходимости в активном политическом сопротивлении, так как права граждан соблюдаются, по крайней мере, на нормативном уровне. Разрешена лишь *легальная оппозиция*, которая может оказывать сопротивление в форме гражданского неповиновения. Такая логика оправдывает нормативное ограничение политического сопротивления и устанавливает его границы на уровне *закона*; г) «Нетерпимость к любой нетерпимости» формулировка еще одной границы, за которой заканчивается веротерпимость, если речь идет о любых религиозных направлениях или сектах, которые проявляют религиозную нетерпимость к инакомыслящим.

Таким образом, принципы либерализма, институализируемые в правах человека, не выступают как абстрактные ценностные характеристики, в силу того обстоятельства, что права человека не вписываются в границы морали добродетелей, но относятся к морали долга, а это предполагает достаточно ясные условия и предписания, в частности, принцип свободы может быть определена как свобода весьма условно, так как имеет четкие границы и критерии. Так формируются дилеммы аксиологического характера, когда мораль добродетелей вступает, в своего рода, конфликт с моралью долга, что позволяет использовать аксиологический подход в анализе концепции прав человека. Эти дилеммы формируют предпосылки для развития аксиологических противоречий и в парламентаризме.

Основываясь на логике вышесказанного, можно выделить следующие дилеммы парламентаризма, связанные с концепцией прав человека:

1. Дилемма гражданских прав проявляется в парламентаризме как *дилемма предпочтений защиты гражданских прав или прав личности*.

2. Дилемма международной политики, которая проявляется в парламентаризме как дилемма *предпочтений защиты суверенитета государства или соблюдения прав личности.*
3. Дилемма гражданского неповиновения: в парламентаризме превращается в дилемму *предпочтения плюрализма мнений, с одной стороны, и ограничение прав на политическое сопротивление – с другой.*
4. Дилемма веротерпимости: *предпочтение защиты права на свободу совести с одной стороны, и отделение церкви от государства – с другой.*

Целостный анализ концепции прав человека в различных культурно-исторических и национальных формах деклараций прав человека позволил выявить культурно-философские основания истории становления и развития процесса институализации прав человека и правовые характеристики трансформации принципов либерализма. В связи с этим показано, что принципы либерализма институализируются в гражданских и политических правах.

В связи с институализацией прав человека определены расширенные формулировки прав современной декларации прав человека. Выделены основные группы прав, показана трансформация норм естественного права к нормам позитивного права: например, политические права, которые считались естественными правами, выступают как позитивные нормы права: избирательное право; легальное право на оппозицию; гражданские свободы; право собраний и объединений; отделение церкви от государства; право на владение землей и т.д.

Нами представлены, в рамках культурно-исторического анализа национальных деклараций прав человека, основные причины возникновения дилемм парламентаризма, которые заключены в философских и культурных особенностях либерализма, с его утилитаристской политической моралью в которой а) высшей целью является всеобщее благо государства; б) оправданием большинству действий служит всеобщая польза; в) институциональная этика доминирует над индивидуальной; г) политика приобретает собственную моральную нишу, существуя вне индивидуальной этики. В данном исследовании,

на основе методологии политической стратификации (П.Сорокин) установлено *понятие политической стратификации*, показаны факторы, влияющие на существование и развитие *уровней политической стратификации*.

Определены факторы, в частности *несоответствие* принципов либерализма с реальными фактами политической стратификации, что рождает определенные *модели противоречий (дилемм)* между *целями либерального политического устройства* и *реальной действительностью*. В частности, представлено влияние политических систем либеральных государств, управление которых построено на принципах либерализма (мира, равенства, свободы, собственности) на различные уровни политической стратификации, в результате чего выделены дилеммы (политического равенства, политической свободы и справедливости, мира). В связи с этим нами были определены методы ограничения в сторону *снижения уровня стратификации*, на основании чего показано, что уровень политической стратификации различных стран, *прямо пропорционален уровню культуры, национальных, политических и религиозных особенностей этих стран*.

Установлена *взаимосвязь* между *правовыми и моральными регуляциями* в сфере политической жизни: роль *правового регулирования* возрастает в странах с более низким культурным и политическим опытом, что проявляется в *бездействии принципов либерализма*. Напротив, в странах либеральной культуры и демократических свобод действенность принципов либерализма возрастает, что наглядно проявляется в системе этики публичной политики.

Таким образом, дилеммы парламентаризма, как в аспекте концепции прав человека, так и в аспекте политической стратификации, обуславливают содержание этической культуры парламентаризма, оказывают влияние на формирование ценностей и норм парламентаризма, о чем пойдет речь в следующей части исследования. В настоящее время существует потребность в создании унифицированной системы прав человека.

2.2. Дилеммы политической стратификации в культуре либерального парламентаризма

Либерализм, как философская концепция, имеет определенные идеалы, ценности и принципы, о которых шла речь в предыдущей главе. Однако, как было показано в предыдущем параграфе, эти идеалы часто вступают в противоречие с реальностью, образуя различные дилеммы. Предпосылки этого кроются в теории политической стратификации. В данном параграфе мы рассмотрим, сквозь призму теории политической стратификации, те дилеммы, которые возникают в современной культуре парламентаризма, через понятие политической стратификации на основании теории стратификации П. А. Сорокина; определим факторы, влияющие на динамику политической стратификации; выделим дилеммы политической стратификации в концепции либерализма; определим проявления дилемм политической стратификации в контексте парламентаризма.

Политическая стратификация, или политическое неравенство, является предметом одной из теорий выдающегося социолога П.А. Сорокина¹³³. Политическая стратификация – одна из количественных характеристик социальной стратификации. Социальная стратификация представляет собой устоявшиеся черты любой социальной группы, вбирая в себя количественные различия, как политическая, экономическая и профессиональная стратификации. Но качественные характеристики социальной стратификации изменчивы и непостоянны, что отражено в уровнях и профилях стратификации. В этой связи П.А. Сорокин утверждает, что любая стратификация в социуме – естественный и неизбежный процесс¹³⁴. В реальности политическая стратификация противоречит основным идеям либерализма.

¹³³ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер с англ. М.: Политиздат, 1992.

¹³⁴ «Общества без расслоения, с реальным равенством его членов – миф, так никогда и не ставший реальностью за всю историю человечества. Формы и пропорции расслоения могут различаться, но суть его постоянна, если говорить о более или менее постоянных социальных группах... Среди всех аграрных и в особенности индустриальных обществ социальная стратификация становится ясной и заметной. Не составляют исключения из правила и все современные демократии. Хотя в их конституциях и записано, что все люди равны, только совершенно наивный человек может предположить отсутствие в них социальной стратификации». См.: Там же. С. 304-305.

Либерализация законов и демократизация общества – процесс, который существует всего нескольких столетий: он направлен на преодоление социальной, экономической и политической стратификаций. Однако, как показал, например, наш анализ концепции прав человека, эти благие намерения все же не приносят желаемого равенства: сталкиваясь с реальностью, они превращаются в трудноразрешимые дилеммы.

Об этом и писал П. Сорокин, считая, что политическая стратификация является неизбежным и реальным фактом: «В течение последних столетий мы наблюдаем большую волну демократизаций, распространяющуюся по всем континентам. Равенство фактически устанавливается до введения закона о равенстве, избирательное право постепенно становится всеобщим, ниспровергаются монархии, уничтожаются юридические классовые барьеры и отличия... Правительство, созданное «по воле Бога», заменяется правительством, созданным «по воле людей». Волна равенства распространяется все дальше и дальше и пытается вытеснить все расовые и национальные отличия, профессиональные и экономические привилегии. Короче говоря, тенденция к политическому равенству за последние два столетия была столь заметной и явной, столь стремительной, что не осталось места сомнений, а тем более оснований для этой общей точки зрения. Однако, более близкое изучение проблемы, особенно если оно основывается не на «речевых реакциях», а на действительных фактах и реальном поведении людей, придает ситуации большую сомнительность... Одно-два столетия – слишком короткий период, чтобы можно было дать абсолютное «добро» утверждению о наличии какой-либо постоянной тенденции»¹³⁵.

Теория политической стратификации подтверждается следующими доказательствами:

1. *Рабство*. Исторически, рабство было отменено только в 19 веке, то есть, гораздо позже возникновения самой либеральной философии. С тех пор прошло всего лишь полтора столетия, поэтому нельзя утверждать, что отмена рабства –

¹³⁵ Там же. С. 337.

постоянная тенденция и непреложная истина. Капитализм, являющийся экономической идеологией либерализма, был построен на средства от колониальных завоеваний и работорговли; именно бывшие колониальные страны являлись наиболее процветающими с экономической точки зрения, и именно там, как это ни парадоксально, зародилась философия либерализма. В России крепостное право было отменено лишь в 1861 году, позже, чем в рабство в США; таким образом, можно было говорить о том, что сознание людей было просто не подготовлено к восприятию либеральных идей о равенстве и свободе – так, о низком уровне национального правосознания писали и многие русские философы конца XIX – начала XX века.

С точки зрения Сорокина «с политической эволюцией социально-политических организаций рабство увеличилось качественно и количественно... мы гордимся равенством малой группы людей, утаивая условия жизни тех, кто находится вне этой группы». А это значит, что политическое неравенство, «социальная _дистанция между наиболее развитыми демократиями...и их колониальным туземным миром едва ли меньше, чем дистанция, существовавшая между афинянами, спартанцами и их рабами, илотами и полусвободными слоями населения»¹³⁶. Эта работа Сорокина увидела свет в 1927 году, менее столетия назад, но, несмотря на произошедшие перемены, и обретение колониями статуса независимых государств, наличие политической стратификации между бедными и экономически развитыми странами остается очевидным.

Примером этому служит, например, Индия, бывшая колония Британской империи, в которой уровень социальной, экономической и политической стратификации намного выше, чем в современной Великобритании. С экономической точки зрения, современными «рабами» можно назвать ту «дешевую рабочую силу» бедных государств, чей труд используется крупными западными корпорациями и оплачивается гораздо ниже, чем аналогичный труд жителей более развитых стран. Как уже было упомянуто в предыдущей главе, экономические права в современной Всеобщей декларации прав человека весьма

¹³⁶ Там же. С. 338-339.

размыты, и не имеют четких механизмов осуществления. Нельзя не отметить также, что, несмотря на то, что право человека на свободу было утверждено во всех декларациях прав, и считается в философии естественным правом, факты рабства, в полноценном значении этого слова, существуют и в XXI веке. В современном обществе самовольное лишение человека свободы и его эксплуатация являются уголовно наказуемым преступлением, но работорговля существует по сей день, и является значительным источником дохода для криминальных группировок всех стран, в том числе, и демократически развитых. Это говорит не только о том, что правовое самосознание все еще находится на низком уровне, а либеральные ценности в реальности многим абсолютно чужды, но, в первую очередь, о том, что социальная, экономическая, политическая и профессиональная стратификации являются не подлежащим сомнению фактом: рабов используют для выполнения не престижной, тяжелой работы; как правило, рабами становятся люди из экономически неразвитых стран, и из стран, стоящих на нижнем уровне с точки зрения политической стратификации. Таким образом, факт рабства, существующий по сей день, подтверждает реальность перечисленных стратификаций.

Опровержение теорий постоянной исторической тенденции от монархии к республике. По мнению П. Сорокина, исторический анализ различных политических режимов доказывает, что процесс движения от монархии к республике является не прямым, а циклическим процессом – монархия сменялась республикой почти так же часто, как республика – монархией. Автор приводит в пример такие страны, как древние Греция и Рим; Англию, Францию, Германию и т.д.: «возьмем ли мы Древнюю Грецию или Рим, средневековую Италию, Германию, Англию, Францию, Испанию, не говоря уж о «безнадежных» в этом отношении азиатских державах, и мы увидим, что в истории этих стран монархия и республика поочередно вытесняли друг друга без какого-либо определенного направления, уступая место одна другой. Рим и Греция начинали свою историю как монархии, впоследствии стали республиками и закончили свою историю снова монархиями. Теории приверженцев циклического развития истории... были

более научными и схватывали действительность гораздо лучше, чем многие спекулятивные теории современных «тенденциозных законодателей». Подобные перевороты мы находим в истории всех перечисленных выше и многих других стран»¹³⁷. Еще один яркий пример, на наш взгляд – это опыт отечественной истории, когда многолетняя монархия сменилась республикой, затем – неоднозначным режимом, сочетавшем в себе черты как республики, так и диктатуры, а потом – стала президентской республикой. Таким образом, превращение страны в республику говорит не о факте равенства, а, скорее доказывает наличие неравенства, политической стратификации, благодаря которой происходят циклические смены формы правления, когда одна политическая концепция берет верх над другой, с переменным успехом.

Опровержение теории исторической тенденции смены правления меньшинства на правление большинства. Сорокин утверждает, что тирания, так же как и демократия – это правление более сильного меньшинства. Даже абсолютный монарх никогда не мог править единолично – его решения и действия были сформированы, прежде всего, под влиянием его ближайшего окружения. В демократии, власть формально принадлежит народу, однако, по мысли Сорокина: «Процент людей, живо и постоянно интересующихся политикой, так мал, и, похоже, останется таким навеки, что управление делами неизбежно переходит в руки меньшинства... свободное правительство не может быть ничем иным, кроме как олигархией внутри демократии»¹³⁸. В доказательство он приводит исследования о всеобщем избирательном праве, изначально проводимые М.Я. Острогорским, согласно которым, сильное партийное меньшинство формирует большую часть законов. «Если к этому прибавить, – справедливо замечает Сорокин, – что из числа голосующих часть вынуждена голосовать как ей приказано «боссами», или теми, кто покупает их голоса, то становится ясным, что правительство и вводимые им законы не есть результат единодушного желания всех избирателей, а обычно, особенно в Европе, результат

¹³⁷ Там же. С. 341.

¹³⁸ Там же. С. 342.

воли только незначительной группы из числа депутатов, имеющих относительное большинство среди других парламентских фракций и партий и которые поэтому представляют только один сектор населения благодаря искусным махинациям и разнообразным ухищренным способам «боссов», комитетов и подкомитетов, что дает в конечном итоге возможность меньшинству одержать победу над большинством. Поэтому никакое избирательное право и другие «демократические уловки» нельзя принять за правление большинства»¹³⁹. Кроме того, во многих странах велик процент не голосующих граждан, которые либо равнодушны к политике, либо, таким образом, пытаются выразить свой полный политический нигилизм. Это особенно заметно в отношении современной России, где массовое национальное сознание часто отличалось правовым и политическим нигилизмом. Таким образом, наличие политической элиты – меньшинства, реально влияющего на принятие важнейших политических решений – также является фактом, подтверждающим, что уровень политической стратификации в странах с либеральным устройством равен уровню политической стратификации при монархии или диктатуре.

Утверждение факта политической стратификации в государствах с либеральным политическим устройством.

Сорокин опровергает теорию, согласно которой, существует тенденция к выравниванию политической стратификации: «...как бы не была измерена социальная дистанция... будет ли эта дистанция между высшими и низшими слоями первобытного или римского общества больше, чем социальная дистанция между высшими и низшими слоями Британской империи?.. политический конус Британской империи ничуть не ниже, и не менее стратифицированный, чем конус многих древних и средневековых политических организаций. Выравнивание британского общества, которое происходило в течении нескольких последних столетий, компенсируется возвышением за счет приобретенных колоний и колониальных низших стран»¹⁴⁰. Эта тенденция существует и до сих пор, причем

¹³⁹ Там же. С. 344.

¹⁴⁰ Там же. С. 345.

на данный момент, проблема осложняется разнообразными явлениями глобализации экономики. Необходимо отметить, что эта проблема напрямую связана с дилеммой универсализации либеральных принципов, о которых мы писали в предыдущей главе, а также с вопросом о преобладании гражданских и политических прав над культурными, социальными и экономическими правами, что не разрешает, а только усложняет положение экономически неразвитых стран. Таким образом, в развитых странах, политическая стратификация может быть и не настолько проявлена, но низкий уровень политической, экономической и профессиональной стратификации в странах высокоразвитых в экономическом и политическом смыслах является постоянным благодаря росту политической стратификации между экономически развитыми и неразвитыми государствами.

Политическая стратификация – величина непостоянная, подверженная колебаниям, за счет ряда определенных факторов, среди которых выделяются следующие: 1. *размер политической организации*; 2. *Основные характеристики членов политической организации* (биологические характеристики – раса, здоровье, пол, возраст); психологические характеристики (интеллектуальные, волевые, эмоциональные); социальные характеристики (экономическая, культурная, моральная); однородность или разнородность населения политической организации.

Рассмотрим влияние этих факторов на политическую стратификацию подробнее, проводя сравнительный анализ на примере ряда политических институтов, построенных на основании либеральных ценностей.

Размер политической организации влияет на политическую стратификацию следующим образом. При увеличении размера политической организации, уровень стратификации возрастает; при уменьшении – уровень стратификации уменьшается. Так, в крупных государствах возникает большая необходимость в развернутом государственном аппарате, чем в государствах с небольшим населением. Это увеличивает политическую стратификацию, потому что служащие государственного аппарата имеют и внутреннюю профессиональную иерархию, и отличаются от основного населения большим уровнем доступности к

информации и к власти: «увеличение размера политической организации увеличивает стратификацию прежде всего потому, что более многочисленное население диктует необходимость создания более развитого и крупного аппарата. Увеличение руководящего персонала приводит к его иерархизации и стратификации, иначе, десять тысяч равноправных официальных лиц, скажем, безо всякой субординации, дезинтегрировали бы любое общество и сделали бы невозможным функционирование политической организации. Увеличение и стратификация руководящего персонала от населения, возможности его эксплуатации. Плохому обращению и так далее – все это есть и будет фактором колебания стратификации»¹⁴¹. Примером попытки преодоления политической стратификации, в этом случае, может служить система профессиональной этики государственных служащих, обеспечивающая механизмы контроля над конфликтами интересов и злоупотреблениями служебным положением (или, так называемый, «этический режим»).

С точки зрения индивидуальных качеств, такой крупный государственный аппарат разнообразен, поскольку все его члены обладают различными профессиональными качествами и различными способностями. Это обстоятельство, также, влияет на уровень профессиональной стратификации в пользу ее увеличения: «...увеличение размера политической организации приводит к увеличению стратификации, так как большое количество членов различаются между собой по своим внутренним способностям и приобретенным талантам»¹⁴². Современные системы профессиональной этики пытаются снизить уровень стратификации, настаивая на соблюдении единого для организации (корпорации) этического кодекса, в котором представлен минимальный набор нравственных качеств и требований, необходимых для успешного профессионала. Тем не менее, один только кодекс и система этического контроля не может до конца решить проблему стратификации – возникающие конфликты можно разрешить только ситуативно; индивидуальные особенности каждой личности не

¹⁴¹ Там же. С. 346.

¹⁴² Там же. С. 346.

позволяют в точности следовать профессиональным этическим принципам подобных кодексов. Система профессиональной этики дает лишь возможность, идеальную схему, для выравнивания уровней политической и профессиональной стратификаций.

Стратификация зависит также и от роста или уменьшения разнородности членов политической организации – при росте разнородности стратификация увеличивается. При уменьшении разнородности – уменьшается. Таким образом, возрастание неоднородности населения, его различий в психологическом, половом, интеллектуальном, экономическом, культурном и моральном качестве, усиливает политическое неравенство: «Физически невозможно быть одинаковыми мужчине и ребенку, слабому и сильному, честному и бесчестному...когда в одном и том же политическом организме есть раб и английский пэр, туземец из Конго и профессор из Бельгии, то вы можете проповедовать равенство сколько вам будет угодно, но оно тем не менее существовать не будет. Появится стратификация, хотите вы этого или нет. Если к этому добавить еще и многие предубеждения и эмоциональные симпатии и антипатии, разногласия и войны и все враждебные эмоции, вызываемые ими, то станет ясно, что разнородность должна работать в пользу стратификации. А если еще добавить человеческую алчность, жадность, страсть власти, борьбу за существование, и многие подобные «добродетели», то слабость одной части и сила другой должны привести к лишению гражданских прав первых и к увеличению привилегий последних. Все эти и подобные сателлиты разнородности случаются тогда, когда в результате войны или насилия один политический организм поглощает другой»¹⁴³. Можно добавить, что в современном мире, где усиливается процесс глобализации, и где люди мигрируют в поисках работы из одной страны в другую, в странах, являющихся пристанищем мигрантов, уровень политической стратификации неуклонно растет, и это усиливает межнациональную и религиозную нетерпимость и социальное неравенство. Политика, основанная на либеральных ценностях, направлена на то, чтобы

¹⁴³ Там же. С. 346-347.

сгладить уровень политической стратификации, при помощи различных институтов, таких, как, например, институт всеобщего избирательного права. Доступность к участию в выборах предполагает, что граждане равны в своей возможности влияния на политические процессы, независимо от пола, расы, национальности, социального положения, интеллектуального уровня.

Однако, выше было замечено, что всеобщее избирательное право в реальности, чаще всего, не является значительным фактором, понижающим политическую стратификацию. Когда один из вышеприведенных факторов или оба фактора возрастают неожиданно, то политическая стратификация сразу увеличивается. Так, например, приток мигрантов увеличивает рост разнородности населения, и одновременно, расширяет государственный аппарат, что в совокупности создают внезапный, неконтролируемый рост политической стратификации.

Если один из факторов возрастает, а другой – уменьшается, они сдерживают друг друга во влиянии на политическую стратификацию. Так, например, в СССР существовал обширный государственный аппарат, однако, разнородность населения была сравнительно небольшой, поскольку последовательно проводилась политика экономического, национального, культурного и морального уравнивания, что придавало стабильность и политической стратификации.

Исходя из этого, можно сделать следующие предварительные выводы. Несмотря на то, что общими принципами либерализма, являются принципы равенства, свободы, мира и собственности, в реальности теория стратификации доказывает, что эти принципы входят в противоречие с существующим положением вещей.

Демократические государства, для уравнивания уровней политической стратификации, используют институт этического регулирования деятельности государственных служащих и публичных политиков, а также институт всеобщего избирательного права, однако эти средства не могут полностью решить проблему

политической стратификации. Рассмотрим, каким образом каждый из принципов либерализма проявляет себя в рамках теории стратификации.

Принцип равенства. Согласно концепции либерализма, равенство предполагает равные права, в первую очередь, перед законом. Представители либеральной концепции сходятся во мнении о факте неравенства: «Всей человеческой мощи будет недостаточно, чтобы сделать людей равными реально. Люди являются и всегда останутся неравными. Именно приведенные нами здравые соображения полезности составляют аргументы в пользу равенства всех людей перед законом. Либерализм никогда не стремился ни к чему большему, да и не мог просить ничего большего. Сделать негра белым выше человеческих сил. Но негру можно предоставить такие же права, как и белому, и тем самым, дать возможность зарабатывать столько же, если он столько же производит»¹⁴⁴.

Нельзя забывать, что либерализм основывается на утилитаризме, поэтому равные права и защита закона призваны, в первую очередь, обеспечить мирное существование внутри государства и высокую производительность труда.

Действительно, в социально благополучных странах уровень стратификации, как экономической, политической и профессиональной, достаточно низок. Однако такой низкий уровень стратификации достигается за счет повышения этого уровня в более экономически неблагополучных странах. Иллюстрацией этому утверждению может служить, например, факт профессиональной стратификации: в развитых странах уровень экономической стратификации низок, и поэтому на не престижные, низкооплачиваемые работы, нанимаются приезжие из экономически бедных стран, которые не могут рассчитывать на равные права и защиту закона, если их приезд и пребывание в стране является незарегистрированными. Пребывая в чужой стране незаконно, они фактически лишаются и прав, которые дает закон.

Таким образом, теория стратификации показывает, что принцип равенства в реальности не является универсальным и единым для каждого человека.

¹⁴⁴ Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции. М., 2001. С. 33.

Либеральный принцип равенства может эффективно действовать только в рамках ограниченной группы людей, и вне рамок политической стратификации.

Принцип свободы. Концепция либерализма акцентирует понимание свободы в отношении принципа свободного труда: «Мы, либералы, не утверждаем, что Бог или Природа задумали всех людей свободными, поскольку мы не посвящены в замыслы Бога и Природы и в принципе избегаем втягивать Бога и Природу в споры о земных делах. Мы критикуем принудительную зависимость, не потому, что она выгодна «хозяевам», а потому, что мы убеждены, что, в конечном счете, она вредит интересам всех членов человеческого общества, включая «хозяев». Если бы человечество придерживалось практики содержания всей или хотя бы части рабочей силы в рабстве, то поразительное экономическое развитие последних 150 лет было бы невозможным»¹⁴⁵. Тем не менее, отмена рабства, как уже было показано выше, не сделала людей социально равными. Понимание современного принципа свободы в широком смысле предполагает экономические, политические, религиозные, социальные свободы личности. С точки зрения теории стратификации данный принцип также часто образует различные дилеммы, провозглашая общий принцип свободы, и ограничивая его для каждой отдельной личности. Так, наличие политической стратификации, всегда ограничивает свободу политического волеизъявления. Примером этому может служить вопрос о политическом сопротивлении. С одной стороны, в рамках либеральной концепции, каждый имеет право на свободу волеизъявления. С другой стороны, разрешена только легальная оппозиция. Активное политическое сопротивление (государственный переворот, революция) и пассивное (забастовка) выходят за рамки политической толерантности, потому что первое угрожает безопасности государства и его граждан, а второе – угрожает экономической безопасности и благополучию. Кроме того, предполагается, что в гражданском обществе, закон устроен таким образом, что каждый гражданин и так свободен и защищен, поэтому политическое сопротивление нецелесообразно. В реальности либеральный принцип свободы ограничен рамками закона. Он действителен

¹⁴⁵ Там же. С. 27.

только для законопослушных граждан, то есть, для тех, кто, так или иначе, разделяет либеральную идеологию. Существование легальной оппозиции означает только то, что каждый гражданин условно имеет право на выражение своего мнения, но не имеет права на активные действия.

Таким образом, само существование такого понятия, как *легальная оппозиция*, в либеральном обществе предполагает политическую стратификацию: оппозиция имеет меньше фактических прав влияния, на принятие законов, и, соответственно, меньше прав на свободу политического волеизъявления, чем правящая элита.

На уровне международных отношений также действует принцип политической стратификации, что подтверждается такой дилеммой, как дилемма международной политики (невмешательство во внутренние дела государства – с одной стороны, и универсальное требование соблюдения прав личности – с другой). То, что одни государства могут, используя либеральные принципы, вмешиваться в дела другого государства, если там нарушаются права личности, говорит о наличии политической стратификации между этими государствами.

Таким образом, *принцип защиты свободы личности вступает в конфликт с принципом свободного развития государства. В случае с дилеммой международной политики, либеральный принцип свободы также ограничивается наличием международной политической стратификации.*

Принцип мира. Согласно принципам либерализма времен развития капитализма (англо-американская форма либерализма), мир является необходимым условием для развития частной собственности на средства производства: «Развитие сложной сети международных экономических отношений является продуктом развития либерализма и капитализма 19 века. Только они сделали возможной глубокую специализацию современного производства с сопутствующим совершенствованием технологии. Такое развитие событий стало возможным и мыслимым только потому, что с торжеством либеральных принципов люди больше не воспринимали мысль о том, что когда-нибудь снова может разразиться большая война. В золотой век либерализма война

между людьми белой расы считалась делом прошлого. Но события повернулись иначе. Либеральные идеи и программы были вытеснены социализмом, национализмом, протекционизмом, империализмом, этатизмом и милитаризмом...Результатом явилась мировая война, давшая нашему веку предметный урок несовместимости войны и разделения труда»¹⁴⁶.

Тем не менее, история показала, что либеральные идеи все же возобладали над другими политическими концепциями, и важной причиной этому стала Вторая мировая война. Запад избрал путь либерализации законов и глобализации экономики, согласно базовым либеральным принципам, однако, это не привело к желаемому результату. Так же, как и два предыдущих принципа либерализма – принцип равенства и свободы – принцип мира в реальности не является универсальным. В рамках теории стратификации мир является не следствием победы и всеобщности либеральной концепции, а, скорее, временным историческим периодом, зависящим от *соблюдений условий игры*, установленных либеральными принципами. Любая стратификация, то есть, неравенство, в конечном итоге предполагает сопротивление и противодействие, что нарушает принцип мира.

Либерализм, в рамках, например, концепции прав человека, предполагает всеобщность и универсальность, претендуя на некий общечеловеческий этический кодекс. Права человека были задуманы с целью сохранения мира между государствами, ведь: «после второй мировой войны, обозначившей кризис колониальной политики и европейской правовой системы, страны Азии и Африки стали настойчиво добиваться пересмотра тех принципов международного права, которые ограничивали их статус как цивилизованных обществ. Вместо критериев *цивилизованности* новыми принципами международного общения выступали *недискриминация и права личности*»¹⁴⁷.

Однако с точки зрения критики теории универсальности прав человека: а) Права человека не могут быть обозначены как полноценные нравственные

¹⁴⁶ Там же. С. 31.

¹⁴⁷ Шалин В.В., Альбов А.П. Право и толерантность: либеральная традиция в эпоху глобализации. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар. Краснодарская академия МВД России, 2005. (Электронный ресурс) URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1300> (дата обращения: 21.04.2013).

требования, в силу того, что институциональная этика не может быть полноценной без индивидуальной этики. Многие права человека могут вступать в конфликт с индивидуальными этическими требованиями, например, в рамках определенной нации или культуры. Это вызывает протест, и права не соблюдаются. Как следствие, происходит то, что мы называли «дилеммой международной политики», и принцип мира нарушается. б) Концепция либерализма преподносится как непреложная и конечная истина, что вызывает ответную реакцию отторжения и также нарушает принцип мира. Страны Запада – это далеко не самая большая часть всего человечества. Однако, само наличие прав человека в смысле их претензий на кодекс всеобщей нравственности, говорит о высокой стратификации стран Запада по отношению ко всем другим странам. в) Такие проблемы, как голод, демографический упадок, нищета в беднейших странах, свидетельствующие о наличии экономической стратификации между странами, не могут быть решены только лишь рамками действия прав человека, вне эффективных правовых механизмов по их реализации.

Тем не менее, в концепции прав человека приоритет отдается гражданским и политическим правам, что дает возможность внедрять в политическую систему этих государств либеральные принципы, однако не дает возможности разрешить насущные жизненные проблемы этих стран. Различное экономическое развитие стран не предполагает одинаковой институциональной этики: у них разное понимание необходимости тех или иных задач и целей. Это обстоятельство только усугубляет политическую стратификацию, что проявляется в «некоторых процессах международного нормотворчества, связанных с принципом культурной самобытности и правовым разрешением его противоречия. Так, универсальной нормой современного цивилизованного общежития является права и свободы человека. В соответствии с ней государства обязаны уважать и соблюдать права человек и основные свободы для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Непосредственная регламентация и защита прав и свобод человека по-прежнему остается внутренним делом каждого государства. Однако такие явления, как геноцид, апартеид, расовая дискриминация и т.п. квалифицируются мировым

сообществом как международные преступления и рассматриваются как дела международной компетенции. Принцип самоопределения народов – это их право, и оно может осуществляться различно. Самоопределившиеся народы свободно выбирают не только свой внутривнутриполитический статус, но и свою внешнеполитическую ориентацию. Но в самом процессе самоопределения народов могут проявиться сепаратистские действия, что чревато потерей территориальной целостности и политического единства государства. Эта коллизия в действительности до сих пор остается актуальной и требует многостороннего рассмотрения»¹⁴⁸.

Таким образом, между странами, одинаковыми в своем экономическом развитии, существует невысокий уровень политической стратификации, что позволяет сохранять принцип мира между ними; в то время, как уровень политической стратификации между благополучными и бедными странами все еще остается высоким. Данное положение вещей можно назвать мирным только условно: всегда существует возможность возникновения агрессии, как с той, так и с другой стороны. Это доказывает, что *либеральный принцип мира может быть соблюден только в случае политического и экономического равенства*.

Принцип собственности. Принципу собственности придается большое значение в рамках либеральной концепции. Так, профессиональная политическая деятельность не имеет значения в отношении собственности того или иного политика: собственность имеет право конфисковать только государство, если она получена незаконным путем, и это доказано судом. В рамках *этического режима* в политике собственность публичных политиков контролируется государством такими средствами, как подача обязательных для всех налоговых и финансовых деклараций, работой различных комиссий по политической этике.

Таким образом, политическая стратификация в либеральном государстве, имеет довольно низкий уровень, в отношении принципа собственности. Однако это доказывает еще и тот факт, что оговоренные законом, конкретные принципы,

¹⁴⁸ Там же.

в меньшей степени влияют на уровень политической стратификации, чем довольно абстрактные понятия свободы, равенства и мира.

Однако в политике взаимодействие принципа собственности и политической толерантности имеет иные ориентиры, чем при взаимодействии с другими принципами. Ведь именно *принцип собственности в политике наиболее развит и оговорен – и, одной из форм таких проявлений является система этики публичной политики.*

Исходя из вышеизложенного, нами обозначены следующие дилеммы либерализма в рамках теории политической стратификации. *Дилемма политического равенства:* «Принцип равенства действует, но он действителен только среди граждан государства, имеющего черты гражданского общества». *Дилемма политической свободы и справедливости.* Содержание дилеммы политической свободы связано со свободой волеизъявления: «Каждый имеет право на выражение своего политического мнения, но не каждый имеет право на его реализацию». Таким образом, политическая свобода и справедливость проявляются только в рамках закона: там, где кончаются границы закона, эти принципы перестают существовать. Этот дилемма возникает только в том случае, когда политическая стратификация обозначается среди отдельных граждан, а также на уровне партий, и даже государств. *Дилемма мира.* «Мир условно может сохраняться между равными государствами; между неравными государствами принцип мира не может быть абсолютным». Таким образом, цель сохранения мира, определяет четко выраженные политические и даже географические границы.

Несмотря на наличие этих дилемм, в обществах, основанных на либеральных ценностях, существуют методы *ограничения уровня* политической стратификации. Остановимся на них подробнее. *Всеобщая избирательная система.* Несмотря на то, что минусы всеобщей избирательной системы в отношении уменьшения стратификации были подробно изложены еще П. Сорокиным, само наличие такой системы является шансом на *условное равенство и справедливость* в политическом выборе. Современная система равных

избирательных прав преодолевает стратификацию на политическом уровне, нормативно закрепляя равные шансы влияния на политику, вне зависимости от социального, культурного уровня, профессиональной принадлежности, пола, вероисповедания, политических взглядов, национальности. Необходимо заметить, что со времени попытки уменьшения политической стратификации и расширения прав на уровне избирательной системы реализуются более эффективно.

Так, например, в России, еще столетие назад, права политического выбора не имели женщины, представители кочевых народов, военнослужащие, студенты. В современных демократических странах существует ряд законов, регулирующих возможные нарушения во время выборов. Однако, одного только правового регулирования явно недостаточно, поэтому во многих странах, таких, как Великобритания, Канада, США создаются особые *этические системы регулирования*, и возникают различные виды политической этики, такие как: парламентская этика, этика избирателя, партийная этика и так далее. Отличие этических норм от правовых заключается в том, что этические нормы не наказывают за уже совершенные нарушения, а предупреждают их, то есть, обладают функцией профилактики нарушений. Политическая этика является важнейшей частью *политической культуры*.

Уровень политической стратификации напрямую связан с уровнем политической культуры, которая «представляет собой ценностно-нормативную систему, отражающую представления общества о политической деятельности»¹⁴⁹.

Согласно теории Г. Алмонда, существуют следующие виды политических систем: англо-американская; европейская; континентальная; доиндустриальная, тоталитарная¹⁵⁰. Англо-американский и континентальный типы политических систем являются демократическими, и представляют собой особые виды политической культуры – однородный и гетерогенный. Соответственно, указанные виды политической культуры имеют более низкий уровень политической стратификации. По утверждению автора, «демократический

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ См.: Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 593-600; Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. 1992. № 4 (Электронный ресурс) URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/60.php (дата обращения: 23.04.2013).

(плюралистический) тип политической культуры характеризуется следующими чертами:

1. Плюрализм экономической и социальной жизни: существование различных форм собственности (в первую очередь частной), разных форм хозяйствования, порождающее, наряду с действием других факторов, политический плюрализм;
2. Приоритетная роль гражданского общества, формирующего политические институты и делегирующего государству властные полномочия путем демократических выборов;
3. Наличие определенного консенсуса между основными социальными группами и представляющими их политическими партиями и движениями по поводу идеалов и целей общественного развития;
4. Юридически и фактически обеспеченная суверенность личности»¹⁵¹.

Таким образом, в указанных типах обществ, политическая этика формирует культуру исполнения закона и является *ориентиром* политического поведения, *уменьшая уровень политической стратификации* не только в области избирательных прав, но и внутри политических структур, принимая, например, форму парламентской этики.

Парламентская этика является еще одним методом *ограничения* уровня политической стратификации. В современных демократических странах она принимает форму так называемого «этического режима», состоящего из принципов и ценностей парламентского поведения, закрепленных в кодексах парламентской этики, а также из механизмов осуществления этих принципов. Так, ценность бескорыстия, выражается, например, в системе «честного лоббирования», ценность честности – в системе публичного декларирования финансовой информации; ценность объективности – в правиле открытого выражения политических взглядов и так далее. «Этический режим» в таких

¹⁵¹

Шалин В.В. Толерантность. (Электронный ресурс) URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/shalin_tolerantnost/06.aspx#_ftn12 (дата обращения: 24.04.2013).

странах не может полностью исключить политическую и профессиональную стратификацию в парламенте, однако, уменьшает возможности ее роста.

Необходимо заметить, что, согласно теории Г. Алмонда о политических культурах, данные методы ограничения политической стратификации являются эффективными только в странах с политическими культурами демократического типа.

Таким образом, мы можем сделать следующие общие выводы. Социальная стратификация, которая выражается как экономическое, политическое и профессиональное неравенство, может наблюдаться во всех без исключения типах обществ. Рассмотрим, как основные либеральные принципы – принципы свободы, равенства, справедливости и мира – вступают в *конфликт* с фактами политической стратификации:

Несмотря на приоритет либеральных ценностей, выразивших себя в как в законодательстве большинства крупных мировых держав, так и в международном законодательстве, в социальной и культурной политике большинства стран, утверждать, что либерализация политики имеет постоянную тенденцию к возрастанию, было бы слишком опрометчиво. Доказательством этому служит то, что уровень социальной стратификации в большинстве случаев остается достаточно высоким: так, либеральная идеология свободы вступает в конфликт с фактами несвободы, такими, как рабство или экономическая зависимость;

Принцип мира, который может подтверждаться линейной теорией развития государственных режимов от монархии к республике, что предполагает мирные и бескровные перевороты, не выдерживает критики, и данный факт лишь подтверждает, что причины демократизации кроются в стратификации, когда одна идеология берет верх над другой;

Принцип равенства, заключающийся в вопросе о демократии, как о правлении большинства вступает в конфликт с фактами существования политической элиты – в этом отношении демократические режимы стратифицированы на таком же уровне, как режимы монархические;

Принцип справедливости вступает в конфликт с фактами международной политической стратификации: политическая стратификация в одних странах выравнивается за счет повышения стратификации в других странах, поэтому о наличии принципа всеобщей справедливости можно утверждать только условно.

Согласно теории П. Сорокина, на уровень стратификации влияет ряд факторов. Размер политической организации. Государства с большим населением имеют более высокий уровень политической стратификации, на рост который влияет увеличение государственного аппарата, что приводит к отдалению его от населения, и придает ему черты элитарности. Разнородность членов политической организации. В государствах, где существует высокая социальная, экономическая, интеллектуальная, культурная, национальная разнородность, политическая стратификация возрастает. Когда один из факторов возрастает, а другой – уменьшается, они сдерживают друг друга во влиянии на политическую стратификацию. Если говорить об уровне политической стратификации, то она более низкая в обществах с англо-американской и европейской политическими системами, сравнительно с доиндустриальными и тоталитарными политическими системами. Впрочем, это только подтверждает теорию П. Сорокина о принципе выравнивания стратификации в одних странах, за счет других.

Таким образом, уровень политической стратификации *напрямую зависит от уровня политической культуры той или иной страны*. Политическую культуру государств с демократическим устройством характеризуют такие черты, как политический, экономический и социальный плюрализм, демократические выборы, политический консенсус и свобода личности. Несмотря на все оговорки, в демократически развитых обществах существуют *методы понижения уровня политической стратификации*, к которым относятся система всеобщего избирательного права и система парламентской этики. Условно к вариантам понижения политической стратификации можно было бы отнести и систему прав человека; однако она неоднозначна, особенно в отношении международной политики. Система всеобщего избирательного права и система парламентской этики (этический режим), в отличие от прав человека, не претендуют на

универсальность, и могут эффективно действовать только в рамках демократических обществ, где уровень социальной стратификации значительно ниже, чем в обществах других политических типов.

Тем не менее, наличие политической стратификации даже в демократических обществах образует ряд дилемм, построенных на основных либеральных принципах, к числу которых относятся:

1. Дилемма политического равенства. Принцип равенства здесь принимает характер дилеммы ввиду ограниченности самого понятия равенства. Эта дилемма напрямую связана с проблемами современной системы прав человека.
2. Дилемма политической справедливости. Несмотря на то, что одним из признаков демократического устройства является экономический и социальный, а также, политический плюрализм, что предполагает справедливое распределение обязанностей и прав, свободу волеизъявления, содержанием этой дилеммы в политическом смысле, является то, что каждый имеет право на выражение собственного мнения, но не имеет прав на подкрепление своего мнения действием. Эта дилемма напрямую связана с вопросом о политическом сопротивлении и гражданском неповиновении, который связан с правами человека.
3. Дилемма мира. В области политической стратификации мир возможен только между равными государствами, то есть, между государствами, принадлежащими к одному и тому же типу политического устройства, имеющими одинаковый уровень политической культуры.

В соответствии с логикой данных выводов, можно выделить следующие дилеммы политической стратификации, в аспекте принципов философии либерализма и в парламентаризме.

Дилемма политического равенства – *проявляет себя в парламентаризме в дилемме предпочтения всеобщего или избирательного политического равенства.* Дилемма политической справедливости – в парламентаризме приобретает характер дилеммы политического сопротивления и гражданского неповиновения

– право на политическое сопротивление или повиновение закону. Дилемма мира. В парламентаризме проявляет характер дилеммы предпочтения защиты принципа мира ценой войны.

В данном исследовании, на основе методологии политической стратификации (П.Сорокин) установлено *понятие политической стратификации*, показаны факторы, влияющие на существование и развитие *уровней политической стратификации*. Определены факторы, в частности *несоответствие* принципов либерализма с реальными фактами политической стратификации, что рождает определенные *модели противоречий (дилемм)* между *целями либерального политического устройства* и *реальной действительностью*. В частности, представлено влияние политических систем либеральных государств, управление которых построено на принципах либерализма (мира, равенства, свободы, собственности) на различные уровни политической стратификации, в результате чего выделены дилеммы (политического равенства, политической свободы и справедливости, мира).

В связи с этим нами были определены методы ограничения в сторону *снижения уровня стратификации*, на основании чего показано, что уровень политической стратификации различных стран, *прямо пропорционален уровню культуры, национальных, политических и религиозных особенностей этих стран*.

Установлена *взаимосвязь между правовыми и моральными регуляциями* в сфере политической жизни: роль *правового регулирования* возрастает в странах с более низким культурным и политическим опытом, что проявляется в *бездействии принципов либерализма*. Напротив, в странах либеральной культуры и демократических свобод действенность принципов либерализма возрастает, что наглядно проявляется в системе этики публичной политики.

Таким образом, дилеммы парламентаризма, как в аспекте концепции прав человека, так и в аспекте политической стратификации, обуславливают содержание этической культуры парламентаризма, оказывают влияние на формирование ценностей и норм парламентаризма, о чем пойдет речь в следующей части исследования.

ГЛАВА 3. Аксиологическая модель современной парламентской культуры

Современная парламентская культура функционирует *в синтезе* двух парадигмальных ценностных экспликаций. С одной стороны – это система традиционных ценностей культуры, с другой – ценности, включенные в парадигму неклассической культуры. Ценности традиционной классической культуры определяются *абсолютными* этическими идеалами, в основе которых идея целостности и гармонии, гуманизма, целостности бытия, они опираются на созидательную мощь человеческого интеллекта, возможности познания природы и мира в целом, основаны на факторах созидания и самосовершенствования человека. Система ценностей неклассической культуры функционирует в рамках плюрализма, эклектизма, отрицая рациональность, здесь утверждается значение бессознательных, интуитивных факторов человеческого сознания, в силу чего жизнь, действительность фрагментарна, ситуативна и сиюминутна по своей сути, представляя некую незавершенность, отрицая, таким образом, целостную полноту бытия.

«Неклассика» подчеркивает значимость свободы, как проявления индивидуализма и своеобразия человеческой личности, как фактор спонтанности и стихийности его поступков и деятельности. Во многом, система ценностей классической и неклассической культуры отразилась в классической и неклассической философии. Ценностные характеристики классической философии связаны с предпочтительностью к метафизике, основанной на идеях упорядоченности, монистичности и целостности бытия, рациональности его постижения, связи объекта и субъекта, вера в разум и прогресс, в нравственное и духовное совершенствование человечества.

Неклассическая философия возникает как критика ценностей классической философии, как стремление обнаружить новые ценностные парадигмы бытия, ведь «обоснование аксиологии с неклассических позиций позволит не только эксплицировать смысл понятия «ценность» и дедуцировать общие принципы аксиологии, но также обосновать несводимость аксиологии к онтологии и гносеологии. Тем самым обретается ключ к разрешению всей ценностной проблематики, в частности, оказывается возможным решение проблемы возникновения «новых ценностей», а также проблемы различения ценности и её превращённой формы»¹⁵². В то же самое время, ценности парламентской культуры определяются

¹⁵² «Речь идет не столько о кризисе, сколько о потребности осмыслить границы классической рациональности, выявить условия появления новых философских парадигм. Согласно этой позиции (а именно на ней стоит диссертант), неклассика, располагаясь целиком в зоне пограничья классической рациональности, как раз и является той точкой, с которой оказывается возможной целостная трактовка классики. Классика и неклассика — это разные уровни экспликации акта трансцендирования, различающиеся по степени полноты данной экспликации. Именно вышеназванный критерий не позволяет рассматривать две эти парадигмы только как проявление плюрализма и полипарадигмальности современной мысли и культуры. Целесообразнее предположить

национальными, религиозными, нравственными особенностями и традициями развития тех или иных стран и народов. Так, значительное влияние на формирование и развитие западной парламентской культуры оказали: значение личности в политической жизни, установление контроля гражданского общества над государством, религиозные ценности христианства (католическое и протестантское направления), западноевропейская философия, сформировавшая критическое отношение к религии и социальному устройству общества. Поэтому основные ценности отражали «понимание самодостаточности человека для осуществления власти и отношение к политике как разновидности конфликтной, но вполне рационально организованной деятельности, в которой люди выполняют различные роли и функции. Государство воспринималось как институт, защищающий права и свободы человека, поддерживающий его социальные инициативы.

При этом не существовало никаких ценностных ограничений, закрывавших для обычного человека возможности исполнения управленческих функций. Статус важнейшего регулятора политической игры утвердился за правом и законом. Ориентация на главенство законов и конституции сформировала преобладание консенсусных технологий властвования, центристский тип государственной политики»¹⁵³. В то же самое время восточная культурная парадигма ценностей формировалась на фоне апелляций к моральным авторитетам, а политические и правовые конфликты, большей частью, разрешались моральными нормами, в силу чего «этической максимой политической культуры восточного типа стал не закон, а обычай, не конституция, а мнение руководства»¹⁵⁴.

3.1. Аксиологическая модель современной парламентской культуры в контексте классической теории ценностей

Для того чтобы определить сущность аксиологии этической культуры публичной политики, выявить ее систематический характер, имеет смысл рассмотреть *методологический ракурс аксиологических моделей* в трудах Н. Гартмана, М. Шелера и Д. Гильдебранда. В нашем случае аксиологическая модель парламентской этики, в основном, функционирует в антропологическом дискурсе.

зависимость способа экспликации опыта человеческого бытия от характера исследуемой предметности. Таким образом, аргументация адекватности неклассического обоснования аксиологии основывается на выявлении специфики бытия ценностных предметностей.». См: Кушнаренок Я.В. Обоснование аксиологии в контексте неклассической рациональности. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата наук. Томск, 2004. С.4.

¹⁵³Константинова А. Политическая культура общества. (Электронный ресурс). URL: <https://sites.google.com/site/konstantinovaanastasia01/politiceskaa-kultura-obsestva> (дата обращения: 20.07.2013).

¹⁵⁴ Там же.

Антропологический анализ, в данном рассмотрении, фокусирует движение и иерархию нравственных ценностей, фиксируя их, во-первых, как *целостную систему*, во-вторых, как *развернутую систему ценностных категорий*.

Представляя антропологические характеристики ценностей, Гильдебранд выделяет такие ценностные ряды как *интеллектуальные, эстетические*, называя пять признаков *нравственных ценностей*, которые отличают их от других видов ценностей. В число признаков нравственных ценностей включены такие черты, как ценности, имеющие *личностный характер*, ценности, определяющие *отношение к свободе и ответственности*, характеризующие *отношение к совести, всеобщей вменяемости, обязательности*, ценности, фиксирующие *отношение к награде и наказанию*¹⁵⁵.

Нравственные ценности, согласно Гильдебранду, определяются ярко выраженными *личностными характеристиками*: они основаны на свободе воли и личной ответственности, которые в отличие от других антропологических признаков связаны с *рефлексией* содеянного, выражающихся в *индивидуальных (субъективных) и социальных (общественных) оценках* человеческих поступков: с позиций совести; обязательности, *свободы воли*; с мерами наказания: *возмездия или воздаяния*.

М. Шелер определял нравственные ценности как качества идеальных подобий вещей, которые он называл «благами». Система иерархии ценностей, по Шелеру, основывается на ряде признаков, таких, как долговечность, неделимость, степень обусловленности другими ценностями, степень удовлетворенности ценностями и их относительность¹⁵⁶.

Н. Гартман *систематизировал нравственные ценности*, выделив определенные *ценностные ряды*, которые образуют целостную иерархическую систему¹⁵⁷, в *верхних* ценностных рядах этой системы, характеризующих *идеальное* начало, находится группа основных ценностей, центральной из которых является категория *блага*. Три остальных группы относятся к ценностям

¹⁵⁵ Гильдебранд Д. фон. Этика. СПб.: Алетейя, 2001.

¹⁵⁶ Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избр. произв. М.: Гнозис, 1994.

¹⁵⁷ Гартман Н. / Пер. с нем. А. Б. Глаголева под ред. Ю. С. Медведева, Д. В. Складнева. — СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2002.

добродетелей. Первая группа ценностей добродетелей представлена ценностями Античности; вторая – христианскими ценностями; третья – ценностями современной этики. Опираясь на аксиологическую методологию Н. Гартмана¹⁵⁸, мы, на основании анализа документов, определяющих содержание профессионального статуса этики публичной политики, систематизировали основные нравственные ценности.

С этой целью были поставлены следующие задачи. 1. Установить *основные ценности публичной политики*, связанные с категорией блага в его отношении к добру и злу. Понимание категории всеобщего блага определяет общее нравственное содержание политической деятельности. 2. Показать *ценности публичной политики*, в основании которых лежат *политические добродетели*, известные со времен Античности. Это традиционные политические добродетели, для стран, испытавших на себе влияние античной культуры, которые традиционно лежали в основании морали политических деятелей. 3. Определить ценности публичной политики, в основании которых *христианские ценности*, в определенном смысле, повлиявших на содержание политической культуры некоторых стран. 4. Выявить современные ценности, представленные, в основном, *ценностями профессиональной этики*. Этот подход практически не разработан, хотя ссылки современных исследователей, указывают на то, что они связывают ценности политической культуры с профессиональной этикой, а эффективность профессиональной деятельности, с нормативной этикой, принципами утилитаризма и рационализма.

В *Приложении к диссертации* выделенные ценности представлены наглядно в виде таблицы (см. Приложение 1., табл. 1). *Ценности этической культуры публичной политики* выделены нами в результате анализа следующих общих документов: 1. «Всеобщей декларации прав человека – (Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). 2.

¹⁵⁸ Выбор метода систематизации ценностей Н. Гартмана обусловлен тем, что эта система является наиболее развернутой и точной, что позволяет, на ее основе, наметить конкретный подход к прикладным разделам этики, одним из которых и является политическая этика. Несмотря на то, что наш подход может иметь ряд критических замечаний, о которых будет сказано ниже, он поможет составить некое общее наглядное описание иерархии этических ценностей политической культуры.

Документы Комитета по стандартам в публичной сфере – 7 принципов публичной политики Великобритании. (Сб. «Этика публичной политики». Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Институт права и публичной политики, 2005.) 3. Работа Дж. Гоу «Практические основы этики публичной политики». (J. I.Gow. 2005. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario. Электронный ресурс: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf>.)

1. Основные ценности публичной политики. Ценности этической культуры публичной политики, имеющие позитивный характер, фокусируют как цель и высшую ценность – идею всеобщего блага, представленную в официальных документах главной этической целью современной политики. Содержание идеи всеобщего блага – заключается в триединстве целей – мир, свобода, справедливость.

А) *Всеобщее благо. Всеобщему благу как идеальной цели противостоит конфликт целей как ценностной оппозиции.* Следовательно, оппозиция цели определяется как противоположности: нравственная ценность: цель (всеобщее благо: мир, свобода, справедливость) – противоположность – конфликт целей (конфликт ценностей: свобода без мира – анархия; мир без справедливости – тирания и т.д.). Данная оппозиция (ценность – оппозиция ценности) подчеркивает тот факт, что всеобщее благо есть нравственная ценность, содержание которой *единство* таких ценностей: мир, свобода, справедливость.

Б) *Ценности политического благородства* определяются оппозиционной ценностью политической неискренности добра: в этой оппозиции выделяются такие ценности, как этос политического благородства, содержание которого определяется идеей общественного служения, которое раскрывается, со своей стороны, как: а) демократическая идея общественного служения, когда система направлена на взаимодействие с народом; б) деятельность публичных политиков, направленная на поддержание демократической системы, которой они служат: «В конечном итоге, не только бесполезно, но и даже опасно поощрять публичных

политиков следовать самым высоким моральным нормам, если те в итоге не приводят к финальному определению общественного интереса. Их главная роль заключается в управлении, адаптации и защите демократического государства, которому они служат»¹⁵⁹. Этос политического благородства проявляется в таких нравственных качествах как благородный гнев, благородная ненависть, благородное презрение: эти качества благородства трансформируются в добродетели, такие как добродетель политического самообладания. В то же самое время, практическая ценность политического благородства – это не просто умение сдерживать свой гнев, ненависть, презрение, она заключается в рациональности, умении облагородить эмоции, ориентируясь на критерий (меру) справедливости. В этом смысле, благородство как ценностно-мировоззренческая установка мотивирует готовность к политическому сопротивлению, в защите политической справедливости, поэтому определяется такими нравственными качествами как политическое мужество и политическая справедливость. Благородство зла также имеет свои границы, и четкие этические критерии. В этом смысле «благородство» зла ориентировано, имеет в виду идеал всеобщего блага.

Исходя из вышесказанного, политическое *благородство* (*то, что порождает благо*) определяется как ценность, вызывающая *мотивацию* поведения личности в публичной политике, готовность к волеизъявлению и обусловлена целью всеобщего блага. Поэтому ценность благородства в иерархической системе ценностей этики публичной политики определяет политические добродетели.

Политическое честолюбие, выступает в системе ценностей публичной политики как *добродетель*, так как обусловлена принципом *лидерства*: парламентарии должны продвигать и поддерживать этические принципы, чтобы лидировать и быть примером для других, – таков принцип Комитета по стандартам в публичной сфере (7 принципов публичной политики

¹⁵⁹Gow J.I..A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

Великобритании)¹⁶⁰. *Этос политического благородства* находится в оппозиции политической нескренности добра и, в частности, противостоит *этосу политической неискренности*, который проявляется в следующих действиях: а) подавлении сущностного смысла и содержания идеи общественного служения, что рождает такие черты как *элитарность; непризнание достоинства другого; неравное отношение к собственной и чужой чести и достоинству; нетерпимость;* б) неискреннее благодушие; неискренняя любовь; неискреннее уважение.

В) *Политическая целостность и полнота* – ценность парламентской этики, которая существует только в рамках профессиональной деятельности парламента и выражает специфическую особенность этой деятельности. *Полнота этического режима* как ценность раскрывает механизм действия этического режима, который может быть эффективен только в *пропорциональном соотношении и взаимодействии* трех его оснований – *принципов, норм и механизмов*, регулирующих действие этих норм. Нравственные и правовые нормы представляют собой *диалектическое единство*, в силу того, что нравственные принципы и нормы в системе парламента не могут быть применены вне правового поля; в то же время, правовые нормы без нравственной опоры приводят к видоизменению содержания парламентской культуры, превращая ее в бюрократический тип культуры. Наличие этического режима предполагает также и сохранение целостности и полноты парламента. С одной стороны, парламент связан с различными конфликтами, с другой – партии объединены одной идеей в стремлении к всеобщему благу. Естественно, что парламент, чтобы быть действенным «обречен» оставаться целостным единым организмом, что осуществляется посредством накопления и использования опыта разрешения политических конфликтов; конфликтов интересов; индивидуальных моральных конфликтов.

¹⁶⁰Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Институт права и публичной политики, 2005.

Как противоположность ценности политической целостности и полноты выступает конфликт нормативной этики и индивидуальной этики. Подобный конфликт возникает в тех случаях, когда нормативность морали подменяет роль правовой нормативности. Нормативность морали в этом случае имеет главенствующий характер: нормативность формализует и, тем самым, в определенной степени «попирает» моральные ценности, придавая им унифицированный «рамочный» характер, что, в действительности, усугубляет реализацию морального выбора и свободы. В этом случае «победа» нормативности» обозначает признаки бюрократической модели парламента, что является препятствием для развития демократических ценностей и реализации общественного интереса. Моральная нормативность и индивидуальная свобода личности в идеале должны уравнивать друг друга. В противном случае преобладание одной над другой предполагает, с одной стороны ограничение свободы и морального выбора, с другой – ограничивает возможности развития и реализации демократических принципов и ценностей.

Г) *Политическая чистота в отношении к общественному интересу и общественному долгу* – специфические нравственные ценности этики публичной политики, которые предполагают такие нравственные качества, как политический интерес, лояльность, уважение к закону, подотчетность, избежание конфликта интересов. Политическая чистота проявляется в таких нравственных качествах как честность (соответствие мотива и действий; соответствие поступка и слова: честное лоббирование; декларирование любых частных интересов, относящихся к общественному долгу, разрешение любых конфликтов, возникающих при защите общественных интересов). Открытость как нравственная ценность этики публичной политики раскрывается и проявляется через такие нравственные качества как открытость во всех предпринимаемых решениях и действиях, объяснение всех своих решений, ограничение информации только в случае явной необходимости. (см.: Комитет по стандартам в публичной сфере. 7 принципов публичных политиков Великобритании).

Конфликт личных интересов и общественного интереса. Конфликт личных интересов и общественного интереса проявляется как оппозиция ценности политической чистоты по отношению к общественному интересу и общественному долгу. Характерно то, что моральные ценности личности формируют мотив, который обуславливает поведенческую стратегию поступка и деятельности в целом. Разрыв между ценностными установками и мотивом в сознании индивида, провоцирует конфликт, проявляющийся уже в мотиве, который, большей частью, определяет действия, не соответствующие заявленным профессиональным ценностям, в данном случае нечестность и утаивание информации. Мотив, таким образом, не имеющий положительной нравственной оценки, направленный на реализацию личных, а не общественных интересов, соответствует аморальному действию: индивид сознательно идет на конфликт интересов; он лжет и осознает незаконность своих действий. Поэтому конфликт личных интересов и общественного интереса – центральная проблема политической культуры.

2. Ценности публичной политики, в основании которых лежат политические добродетели, известны со времен Античности. Данные ценности относятся к сфере индивидуальной морали, поэтому могут проявляться в тех ситуациях, которые не могут быть разрешены при помощи кодифицированных этических норм. Политические ценности добродетелей справедливости, мужества, мудрости и самообладания имеют следующие особенности: они являются нравственным минимумом для парламентария в его профессиональной деятельности; они ситуативны, т.е., применяются в отношении к определенной ситуации.

А) *Политическая справедливость.* Традиционно, со времен Аристотеля, справедливость имеет три значения, из которых складывается современное понятие политической справедливости: 1. взаимность; 2. законность; 3. распределение и уравнивание. Политическая справедливость относится к сфере политических ценностей, и проявляется в следующих аспектах: политический интерес, лояльность, уважение к закону, подотчетность (Дж. Гоу). Политическая

справедливость может подразумевать и альтруизм, и готовность к дарению, и равное отношение к «своим» и «чужим»: «Справедливость есть синтез между отречением от себя для других и звериной природой, стремящейся все от других отбирать для себя... Не делать другим того, чего себе и своим не хотят; нужно, чтобы и государственный строй был построен на таком же начале, воспитывал в людях подобное к другим отношение; чтобы это было задачей и государства и отдельных людей»¹⁶¹. (В. А. Маклаков).

Б) *Политическая мудрость*: связана с добродетелью рассудительности – качества практического ума (Аристотель). В политическом смысле, мудрость – это способность сделать правильный выбор из возможных решений. Если рассматривать ценности современного общественного служения как *поиск подходящего поведения в конкретных ситуациях* (Дж. Гоу), то базовой ценностью индивидуальных добродетелей может являться ценность политической мудрости. Но это не исчерпывающий подход к вопросу о политической мудрости. Как было установлено в данном параграфе, программа обучения гос. служащих в США, в основании которой лежал принцип *удовлетворенности* (особая методика принятия правильных решений), привела к нивелированию индивидуальной этики и превращению системы государственной службы в бюрократическую модель политической культуры. Здесь невольно напрашивается аналогия с софистами, учителями мудрости.

В) *Политическое мужество*. Современное понимание этой добродетели ценности связано с политическим поведением, с готовностью отстаивать свое мнение и свою политическую позицию из мотива защиты общественного интереса и всеобщего блага.

Г) *Политическое самообладание*. Если добродетель рассудительности связана с разумом, то добродетель самообладания связана с телесностью. В философской этике добродетель самообладания связана с умением управлять собой и контролировать собственные страсти – гнев, зависть, ненависть и т.д.

¹⁶¹Маклаков В.А. Из воспоминаний. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк 1954. Гл. 15. (Электронный ресурс) URL: http://www.hrono.info/libris/lib_m/maklak00.html (дата обращения: 20.05.2013).

Современная политическая этика придает этой ценностной добродетели дополнительный оттенок – здравомыслие, чувство меры, сдержанность.

Как оппозиция ценностям этой группы выступают:

А) *Политическая несправедливость*: невзаимность; незаконность; несправедливое разделение и иерархия благ.

Б) *Политическая опрометчивость* – неправильный выбор из возможных решений.

В) *Политическая трусость* – может проявляться как конформизм и предательство общественных интересов ради карьерных целей; преклонение перед политической силой без оценки ее справедливости или несправедливости.

Г) *Политическое неблагоразумие* – неумение управлять своими страстями и аффектами; незнание чувство меры в словах и поступках; несдержанность; поспешность принятия решений.

3. Ценности публичной политики, в основании которых лежат христианские ценности.

А) *Любовь к ближнему, справедливость и милосердие, направленность на чужую личность и признание ее равного достоинства*, – ключевые ценности христианской этики. Этико-религиозные принципы лежали в основании политической культуры многих стран, например, как было указано в данном параграфе, в основании политической культуры США лежат ценности пуританской этики. *Оппозицией* этим ценностям выступает *политический рессентимент*.

Состояние рессентимента в политике наиболее ярко проявляется именно в парламентской среде. Оно характеризуется следующими особенностями: 1. Невозможность осуществления ценности ведет к образованию иной ценности, или оппозиционная ценность, тогда как первоначальная положительная ценность принижается, критикуется или подвергается отрицанию. 2. Помощь со стороны, в достижении первоначальной ценности отвергается и вызывает раздражение. «Ресентиментную критику отличает как раз то, что на самом деле она вовсе не желает того, что выдает за желаемое, она критикует не для того, чтобы устранить зло, а лишь использует зло как предлог, чтобы высказаться. Кто не знает депутатов парламента, чья критика безоговорочна и безмерна именно потому, что они знают - министрами им никогда не стать. О многих политических партиях можно сказать, что нельзя раздосадовать их сильнее, чем, осуществив их программные требования или помешав им гордиться собственным

принципиальным оппозиционерством, путем привлечения к позитивному сотрудничеству в практической и государственной работе» (М. Шелер)¹⁶².

Б) *Политическая правдивость и искренность* проявляется в этике публичной политики через принципы открытости, подотчетности и объективности (7 принципов публичной политики Великобритании)¹⁶³. *Противоположностью этой ценности выступает предательство общественных, партийных или общепарламентских интересов: подрыв общественного доверия; вовлечение в ситуацию конфликта интересов, невыполнение обещаний, данных избирателям.*

В) *Совесть и сознание вины* проявляется как готовность признания своей вины и ответа за свои поступки. *Оппозиция* данной ценности может выступать в форме *ценностного конфликта правдивости и «лжи во спасение»*. «Ложь во спасение» часто используется ради интересов фракции, избирателей и т.д. Критерием морального решения в этом случае становится общественный интерес. Также противоположностью ценности выступает *утаивание финансовой информации, или сообщение заведомо ложной информации, нечестное лоббирование. Стремление избежать справедливого наказания; сокрытие преступления*: эти оппозиции ценности совести и сознания вины выражаются, как правило, в попытке избежать декларирования финансов или недвижимости, а также в сокрытии информации в личных целях.

4. Современные ценности этической культуры публичной политики. Данная группа ценностей представлена ценностями современной профессиональной этики. Именно эти ценности лежат в основании принципов этической культуры публичной политики, и часто бывают нормативно закреплены в правилах и кодексах, о чем более подробно пойдет речь в следующем параграфе данного исследования.

А) *Любовь к дальнему*. Забота об интересах дальнего – то есть, интересах будущих поколений. Это может проявляться как долгосрочное планирование этического поведения ради будущего общественного интереса (любовь к дальнему и альтруизм и солидарность; любовь к ближнему и любовь к дальнему; любовь к дальнему и справедливость; любовь к дальнему и нравственный идеал). *Оппозицией* этой ценности является *политическая демагогия на любви к дальнему*, которая, зачастую, проявляет себя и в конфликте интересов в форме политической спекуляции на общественном интересе будущих поколений, ради осуществления собственных интересов.

¹⁶²Шелер М. Ресентимет в структуре моралей. М.: Наука, 1999.

¹⁶³Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Институт права и публичной политики, 2005.

Б) Дарение и принятие дара, дар и благодарность; дар и благотворительность. Вопрос о дарении и принятии в парламентской этике лежит в сфере профессионального поведения. Ценность этой добродетели напрямую связана с принципом честности (честность: парламентарии должны декларировать любые частные интересы, относящиеся к их общественному долгу, и делать шаги к разрешению любых конфликтов, возникающих при защите общественных интересов (Комитет по стандартам в публичной сфере. 7 принципов публичной политики Великобритании)). *Оппозицией этой ценности является злоупотребление дарами и благодарностью.* Вопрос о принятии подарков подробно описывается во многих этических правилах. Следует отметить, что этот вопрос рассматривается с некоторыми оговорками – так, в некоторых странах, где существует давняя культура дарения подарков (например, в Индии) к этому вопросу подходят не так строго, и проблема обращается в иную плоскость – *непринятие* дара может оскорбить дарящего¹⁶⁴. Поэтому, для таких стран, данный вопрос, о ценности дарения и принятия дара должен быть проанализирован с иных позиций, и, возможно, должен быть помещен в иную группу ценностей.

В) Профессиональная ответственность и долг лежат в основании принципа подчинения общественному интересу. Эти добродетели проявляют себя через профессиональные принципы: мастерство, квалификация, умение (effectiveness); результативность, производительность (efficiency); беспристрастность. Противоположность этой ценности выступает в форме *профессиональной безответственности*, которая может проявляться через отсутствие профессиональных ценностей и навыков; через неэффективность работы; незнание законов и принципов этической культуры парламента.

Г) Ценности внешнего обхождения (ценности парламентского поведения). Несмотря на то, что в парламентской этике наиболее важную часть занимают ценности, касающиеся конфликта интересов, ценности внешнего обхождения играют не менее важную роль. Вопрос лежит в сфере соблюдения парламентского регламента, парламентского этикета, парламентской дисциплины, взаимоотношений с избирателями, средствами массовой информации, формирования имиджа депутата. Ценности внешнего обхождения играют большую роль, чем принято считать – так как они влияют на уровень авторитета парламента в обществе. Известно, что депутаты ультра-консервативных партий в Государственной думе 1906 – 1917 годов, провоцировали скандалы и конфликты в парламенте, с целью подорвать авторитет Думы в обществе.

Оппозиция ценности внешнего обхождения – это *нарушение этикетных норм в парламенте и за его пределами, что проявляется в следующих формах:* построение собственного политического имиджа за счет скандалов и громких конфликтов; неуважительное

¹⁶⁴ Парламентская этика: сравнительный анализ. М.: Нац. Демократич. ин-т междунаодн. отношений, 2000.

отношение к СМИ и избирателям, а также к своим коллегам; несоблюдение распорядка парламента и нарушение парламентской дисциплины; недопустимое поведение и неприемлемый образ жизни вне стен парламента.

На основании выделенных ценностей, целесообразно провести анализ их соотношения и высказать некоторые замечания. Рассмотрим следующие соотношения, исходя из вышесказанного: 1. соотношение двух ценностей; 2. соотношение ценности и оппозиционной ценности; 3. соотношение двух оппозиционных ценностей.

Соотношение двух ценностей, не носит конфликтный характер; наличие одной ценности исключает другую. Так, ценность политической мудрости может исключать ценность политического самообладания. Реализуясь, ценность политической надежности, реализует и ценность политической правдивости и искренности, и наоборот.

Соотношение ценности и оппозиционной ценности может реализоваться в дополнении ценности ее противоположностью, или наоборот. Так, ценность политической справедливости может сочетаться с политической опрометчивостью, или ценность политической надежности и верности не исключает ситуацию ценностного конфликта «лжи во спасение».

Соотношение оппозиционных ценностей заключается в том, что они могут безконфликтно уживаться и дополнять друг друга. Так, в поведении одного человека, непрофессионализм может существовать наряду с рессентиментом; злоупотребление дарами – с политической безответственностью и так далее.

По словам Гильдебранда, каждой ценности соответствует ценностный ответ¹⁶⁵. Основываясь на этом утверждении, Н. Гартман делает вывод, что силу ценности можно измерить, исходя из неодобрения или равнодушия, проявляющегося у окружающих как реакция на нарушение ценностей. Так политическая трусость, как противоположность ценности политического мужества, может рассматриваться окружающими менее негативно, чем политическая несправедливость. Конфликт личных и общественных интересов принесет больше вреда, чем нарушение этикетных норм в парламенте. Профессиональная безответственность не так страшна, как злоупотребление

¹⁶⁵Гильдебранд Д. фон. Этика. СПб.: Алетейя, 2001.

дарами. Или, наоборот: политическая верность и надежность воспринимаются как само собой разумеющееся качество парламентария, обещавшего защищать интересы своих избирателей, в то время, как нарушение этой ценности, то есть, предательство общественных, общепартийных или парламентских интересов заслуживает порицания, презрения и наказания.

Таким образом, закон силы ценностей подводит к выделению степени оценок поведения, которые связаны соответствием (пропорциональностью) степени ценности и степени тяжести преступления, то есть нарушения ценностных нормативов. При этом выделяются пропорциональность оценки, в зависимости от ценности и преступления ценностных нормативов (нарушения или заслуги), а также связь между этими поведенческими факторами, при которых а) нарушаются ценностные нормативы или б) ценностные нормативы исполняются и находятся в следующей пропорциональной зависимости: степень оценки повышается в зависимости от тяжести преступления и наоборот. «Заслуга при исполнении ценности увеличивается не прямо пропорционально тяжести ее нарушения, но обратно пропорционально»¹⁶⁶. Это связано со степенью высоты ценности, которая нарушается, и тяжестью преступления, которое как бы должно иметь «соответствие» данной ценности, так как «более высокой ценности соответствует при ее нарушении не более, но менее тяжкое преступление»; более сильной ценности же соответствует при ее исполнении не большая награда, но ничтожная»¹⁶⁷. Так, например, поступки, с целью избежать наказания, сокрыть преступление – есть, по своей сути, уже преступление; в то время, как угрызения совести и сознание вины не вызывают восхищения, а считаются естественным поведением; *политическая трусость* заслуживает сожаления, но, сама по себе, не может быть поводом для *наказания*, в то время как *политическое мужество* восхищает и достойно особой *наградой*.

Парламентская этика, как и всякая профессиональная этика, имеет нормативную основу, оценка которых в случае их нарушения заложена

¹⁶⁶ Гартман Н. / Пер. с нем. А. Б. Глаголева под ред. Ю. С. Медведева, Д. В. Складнева. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2002. С. 533.

¹⁶⁷ Там же. С. 534.

непосредственно в самом содержании этих нормативов. Поэтому содержание этического режима, дает возможность раскрыть связь ценностей с различными механизмами регулирования, которые соответствуют степени наказания.

Оппозиционные ценности. Оппозиционные ценности являются той сферой, которая содержит не только черты и нормы, характерные для того или иного публичного политика; оппозиционные ценности коренятся непосредственно в самой системе политической культуры в целом и зависят от *содержания* этой системы. В силу этого, оппозиционные ценности могут быть изменены только с изменением *содержания* и, соответственно, *типа* политической культуры. Этому способствуют специальные программы, как например, в парламентских структурах США, где под влиянием новых программ в сфере профессиональной этики происходили изменения содержания направленности профессиональной культуры, в результате чего происходили изменения в *типе культуры* публичной политики.

Основные оппозиционные ценности содержатся в определенных типах культур публичной политики повсеместно и в отдельности, порождая такие конфликты как конфликт политических целей, конфликт нормативной и индивидуальной этики; конфликт личных интересов и общественного интереса, связанных с такой оппозиционной ценностью как политическая неискренность добра. Все остальные оппозиционные ценности являются следствием данных конфликтов или их дополнением. На основании этого нами выделены группы основных проекций оппозиционных ценностей, обуславливающих определенные группы конфликтов и соответствующих им оппозиционных ценностей.

1. *Конфликт политических целей*, по своей идеологической направленности и содержанию проецируется оппозиционной ценностью мир без свободы. Данный конфликт создает такие оппозиционные ценности как политическая несправедливость, что способствует развитию таких оппозиционно-ценностных нравственных качеств как политическая демагогия на любви к дальнему, политическая трусость, политический рессентимент.

2. *Конфликт нормативной и индивидуальной этики* определяется проекцией оппозиционной ценности политической неискренности добра, и проявляется как политическая несправедливость, или, в некоторых случаях, выражается посредством мотива избегания наказания и сокрытия преступления. Данная оппозиционная ценность проецирует конфликт лжи во спасение, противостоящий правдивости, и связан с такими качествами, как профессиональная безответственность, политическая опрометчивость. Проекция политической неискренности провоцирует конфликт личного и общественного интереса, а также проблемы, связанные с другими оппозиционными ценностями.

3. *Оппозиционные ценности*, подвергающиеся наименьшим нормативным санкциям, и наименее подверженные коррекции.

Парламентская этика в целом санкционирует воспитательные задачи и, в частности, направлена на осуществление профилактики правонарушений. Именно такое содержание раскрывается в понятии «этическая культура» как основного элемента парламентской культуры и аксиологии. Дело в том, что существует группа ценностей, которые поддаются корректировке, или поддаются предотвращению. Представленная группа оппозиционных ценностей окрашена субъективными мотивами, которые могут быть политически оправданы. Данную группу ценностей условно можно обозначить как оппозиционные ценности, с преднамеренно сформированным мотивом: политический рессентимент; политическая трусость; политическая демагогия любви к дальнему; нарушение этикетных норм. Данные оппозиционные ценности с трудом поддаются коррекции. Заметим, что перечисленные оппозиционные ценности в меньшей степени наказуемы сами по себе, чем разнообразные последствия, которые могут произойти при их реализации.

4. *Оппозиционные ценности, которые подлежат нормативным санкциям и коррекции.* Эти оппозиционные ценности формируются в следующих случаях: а) как недостаток информации; б) как недостаток политического и профессионального опыта. Условно их можно обозначить как непреднамеренно сформировавшиеся оппозиционные ценности. Такого рода оппозиционные

ценности, как политическая опрометчивость; политическое неблагоразумие; ценностный конфликт правдивости и так называемой «лжи во спасение»; профессиональная безответственность проще всего предотвратить. Поэтому профилактические меры по предотвращению и коррекции таких оппозиционных ценностей, во многих странах осуществляется при помощи специальных обучающих программ профессиональной этики для парламентариев.

5. *Оппозиционные ценности, подлежащие наиболее строгим нормативным санкциям, имеющие преднамеренно сформированный мотив.* В большинстве стран этический режим направлен, главным образом, на борьбу с коррупцией, и наиболее подробно в нормативных документах описываются санкции за коррупционные преступления. Несмотря на программы профилактики данных нарушений, они продолжают существовать, и создают основную проблему, уходящую в большей степени за границы нормативных требований, и наносящую больший ущерб общественным интересам, чем оппозиционные ценности первых двух групп: политическая несправедливость; предательство общественных, партийных или общепарламентских интересов; стремление избежать справедливого наказания, сокрытие преступления; злоупотребление дарами.

Важно отметить, что у этой «пробной» системы ценностей политической культуры есть ряд спорных оговорок, о которых нельзя не упомянуть.

Ценности первой группы, построенные на системе добродетелей античной этики, существуют лишь для стран, на которые оказала прямое влияние античная культура. Ценности второй группы могут быть применимы в тех государствах, культура которых формировалась, главным образом, на этике христианских ценностей. Ценности второй группы не могут быть общими даже для культуры публичной политики христианских стран, поскольку основной принцип этико-религиозных ценностей этих культур был неодинаков. Так, в США в основании культуры публичной политики лежала пуританская этика, а в Великобритании – философия утилитаризма, иными словами, в первом случае культура построена на ценностях любви к ближнему, сострадании и милосердии, а во втором – на

принципе полезности и общественного договора. Безусловно, что христианские ценности явились базовыми для культур Великобритании и США, однако, содержание ценностей должно различаться. Ценности третьей группы являются спорными, потому что содержание профессиональной этики политиков в разные периоды видится по-разному, и зависит от типа культуры публичной политики, который может быть бюрократическим или демократическим. Так, в бюрократической культуре ценности принимают более утилитарный оттенок, они в большей степени направлены вглубь профессионального сообщества, в то время, как в демократическом типе политической культуры ценности направлены на взаимодействие с обществом.

Ценности политической культуры ситуативны и вариативны, их формирование зависит от ряда факторов. Тем не менее, сама попытка систематизировать эти ценности и определить влияющие на них факторы, не лишена смысла, потому что она может стать неким практическим базисом для определения черт этической культуры парламента культуры в отдельно взятом государстве.

Исходя из нашего анализа этической культуры публичной политики, можно заключить, что в системе парламентской профессиональной культуры существует сложившаяся **аксиологическая модель** этической культуры публичной политики. Данная аксиологическая модель складывалась в процессе развития деятельности парламента, основывалась на принятых парламентом на основании собственного опыта политических документах, сформировавших систему публичной политики. В США этим документом является Декларация Независимости; в Великобритании – Билль о правах; в России – Манифест 17 октября и Конституция РФ.

Данная аксиологическая модель имеет *определенную структуру*, которая, в свою очередь, зависит от непосредственно заданных ценностных параметров самой парламентской системы в ее культурно-историческом и политико-правовом дискурсе. Содержание аксиологической модели изменяется в том или ином культурно-историческом ракурсе, на том или ином этапе исторического развития.

Именно поэтому *этическая культура как определенный тип* аксиологической системы, в контексте профессиональной этики, представлен таким образом, что ценностные параметры, являясь постоянными величинами в этой системе, «встраиваются» в общепарламентскую культуру, структуру парламента, позитивно влияя на нравственную атмосферу, и, тем самым, создавая условия для эффективной работы парламентского корпуса, но, только в том случае, если не нарушается равновесие ценностных отношений (оппозиций).

Исходя из вышесказанного, можно перечислить и основные факторы, влияющие на формирование ценностей культуры публичной политики. Этические, культурологические, политические и религиозные основания первых политических документов, сформировавших систему публичной политики. В США этим документом является Декларация Независимости; в Великобритании – Билль о правах; в России – Манифест 17 октября и Конституция РФ. Идея, лежащая в основании демократии конкретного государства. Необходимо определить – с какой целью создавалась демократическая культура. Была ли этой целью, например, борьба за независимость, государственный переворот, революция или экономические причины. Модель культуры государственного управления на данный момент, и ее основания (экономические, идеологические, политические). Необходимо определить, какие элементы бюрократической или демократической модели культуры публичной политики превалируют на данный момент в государстве. Содержание общественного интереса на данный момент в отдельно взятом государстве.

Ценности, таким образом, являются базисом этической культуры, формируя принципы и нормы парламентской деятельности. Представленная в диссертации система ценностей не является универсальной, так как культура публичной политики *ситуативна и вариативна*. Но она может служить теоретическим ориентиром для определения ценностей этической культуры в отдельно взятом парламенте.

3.2. Ценности современной парламентской культуры и «человек публичный»

В данном параграфе будут рассмотрены социокультурные и этико-философские предпосылки формирования ценностей современной этической культуры публичной политики (на примере США), проведен общий обзор нравственных ценностей публичной политики на основании анализа исследований по профессиональной этике; выделены базовые ценности, современной парламентской этической культуры; систематизированы факторы, влияющие на формирование ценностей современной парламентской этической культуры.

Современная профессиональная этика парламентаризма в развитых англоязычных странах (Англия, Канада, США) формируется на соответствующем социокультурном и мировоззренческом фундаменте, определяющим сущностные черты данного феномена. Важно отметить, что профессиональная этика или этическая культура имеет своим основанием исторические, религиозные, философские (мировоззренческие), социальные установки, которые в русле национального и политического своеобразия развития культуры парламентаризма образует своеобразный концепт политической культуры, публичной политики.

Парламентская культура развитых англоязычных стран, сформировавшаяся на культурно-исторических традициях национального развития и вобравшая в себя черты современной глобальной культуры, выделяет в системе публичной политики, парламентаризма следующие понятия или термины.

Этическая культура (*Ethics Culture*) – термин, употребляемый в конкретном смысле: этический режим (*Ethics and conduct regime*), и особая система этического образования и обучения, принятая в некоторых парламентах и рекомендуемая для принятия Глобальной организацией парламентариев против коррупции (GOPAC). Этическая культура, по мнению GOPAC¹⁶⁸, помогает осознать профессиональные принципы и ценности, подготавливает парламентариев к принятию правил этического режима, к трактовке и пониманию этических механизмов осуществления правил. Таким образом, система этического образования неразрывно связана с этическим режимом, и формирует этическую культуру парламента. Такие страны, как Канада и США, имеют давние историко-

¹⁶⁸См.: официальный сайт организации – Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией (Электронный ресурс). – URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 20.07.2013).

культурные традиции демократии и парламентаризма, и обширную современную практику этического регулирования политического поведения. Ценности общественного служения являются важной частью культуры публичной политики, и являются основанием и неотъемлемой частью этического режима (*Ethics and conduct regime*). Рассмотрим ряд англоязычных терминов и понятий, относящихся к вопросу о регулировании политического поведения, которые будут использоваться в дальнейшем исследовании.

Common good – *всеобщее благо* (здесь употребляется как специальный философский термин). Содержание современного всеобщего блага определено во Всеобщей декларации прав человека (Преамбула)¹⁶⁹ – мир, свобода, справедливость. По мнению одного из авторов работ, анализ которых будет приведен ниже, а именно, Льюиса С. Готропа, к достижению всеобщего блага, каким оно видится в современной политической этике, ведет триединство ценностей, добродетелей и целей; при этом система этического регулирования в политической сфере выступает как один из механизмов осуществления всеобщего блага. Данное утверждение подчеркивается наличием понятий и терминов, свойственных данной культуре, которые в целом образуют систему ценностей, целей и способов достижения результатов.

Public service – в буквальном переводе – *общественное служение*. В русском языке может переводиться как словосочетание «государственная служба», «государственные служащие». Сфера «Public service» может включать в себя, например, «Public administration», когда речь идет об избранных или назначенных государственных служащих (эти две категории служащих по-разному рассматриваются в рамках политической культуры Канады, США и Великобритании, поскольку, считается, что у них различные мотивации, и, стало быть, разный этос и разная культура); «Public policy», когда речь идет о политике или политиках, широко известных обществу, таких, как, например, парламентарии. Тем не менее, словосочетание «Public service» имеет и более

¹⁶⁹Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года Всеобщая Декларация прав человека (Преамбула) (Электронный ресурс). – URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.06.2013).

широкий смысл, чем сфера государственной службы. Ниже мы будем употреблять также словосочетание «общественное служение» для перевода термина «Public service», когда речь будет идти об общем этическом смысле политической деятельности, направленной на достижение всеобщего блага.

Public sector ethics – в буквальном переводе – *этика публичного сектора*, то есть, этика публичных лиц, связанных с политикой и государственным управлением: как государственных служащих, так и членов правительства, и парламентариев.

Virtues – ценности (здесь: специальный философский термин). Определение базовых ценностей в профессиональном сообществе политиков и государственных служащих, по мнению всех авторов анализируемых ниже материалов, чрезвычайно важно, потому что является первым шагом на пути к построению этической культуры и системы этического регулирования.

Conflict of interests – конфликт интересов – базовое понятие в политической этике и культуре. Подразумевается, что конфликт интересов происходит, если частные интересы вступают в конфликт с общественными интересами, т.е., когда индивидуальное благо вступает в конфликт со всеобщим благом. В парламентской культуре принято рассматривать конфликт интересов комплексно: как с этической, так и с правовой и политической точки зрения. Конфликт интересов чаще всего возникает у государственных служащих, парламентариев и политиков. Ситуация конфликта интересов может быть оговорена в соответствующих законах, и его нарушение может караться санкциями, как в рамках режима этического регулирования, так и в рамках уголовного права.

Ethics and conduct regime – часто переводится на русский язык как «этический режим» – особая система этического регулирования в политической сфере, чаще всего, в парламенте, обладающая набором четких элементов, таких как, этические принципы профессии, правила поведения и механизмы его регулирования.

Основные нравственные ценности как способы регуляции парламентской культуры. Особенностью культуры этического регулирования в парламенте является

то, что принципы и нормы, обращенные к личности каждого отдельного члена парламента, могут кодифицироваться и принимать черты институционального нормативного регулирования¹⁷⁰. Предполагается, что индивид сам для себя несет ответственность за исполнение или неисполнение этих норм. Но институт направляет, корректирует или контролирует его, предохраняя от моральных ошибок, подсказывая оптимальное с точки зрения морали решение. При этом контроль за соблюдением таких принципов и норм оказывается более жестким по сравнению с неинституциональными формами нормативной регуляции.

Тем не менее, требования общества к парламенту всегда различны, так как определяются степенью его демократизации, его социальными и культурными особенностями. Поэтому системы парламентарско-этического регулирования или их элементы не могут быть одинаковы в разные времена и в разных странах. Особенностью парламентарской этики является то, что она имеет *предупредительную*, но не карательную функцию, в чем заключается ее отличие от традиционных форм административного регулирования.

Представления о достойном и должном в парламенте задают *ценности* парламентарской этики. *Ценности* в парламенте отличаются от общих *принципов* классической морали тем, что *конкретизируют* последние именно в рамках профессии парламентария и определяют его отношения с различными сферами политической, экономической и социальной жизни. Эти ценности действительно реализуются при помощи принципов, процедур и правил парламентарской этики, применяются на практике, и оказывают важное влияние на политическую систему в целом. Процедуры и правила направляют деятельность парламентария, организуют ее, рекомендуя правила, помогающие сделать правильный моральный выбор, соответствующий той или иной ситуации.

Таким образом, принципы определяют *действия* парламентариев, а *правила и процедуры*, закрепленные в кодексе, *реализуют* эти принципы. Следовательно,

¹⁷⁰ Термин «институциональное нормативное регулирование» впервые в отечественной философской литературе встречается в работах О.Г. Дробницкого. Автор относит к нему административное регулирование, выражающееся в законах, кодексах, уставах и т.п. Нормы, находящие свое выражение в традиции, обычае, убеждениях личности и т.д., Дробницкий определяет как неинституциональное нормативное регулирование. Проводя связь между неинституциональными формами регуляции и моралью, он подчеркивает неинституциональный характер морали.

этические системы, вплетаясь в общую политическую канву, приобретают действенное значение, что является, по сути дела, незаменимым условием функционирования парламента.

Система парламентско-этического регулирования, как было сказано выше, не носит карающих функций. Принципы, правила и процедуры помогают найти депутату верное решение в условиях конфликта. Политическая деятельность, в особенности деятельность парламентария, связана с ситуациями, порождающими массу различных конфликтов, снятие которых является одной из задач парламента как органа политической власти, без чего деятельность парламента представляется бессмысленной и бесперспективной. Это – конфликты ценностей и интересов: внутренние моральные конфликты парламентария, конфликты фракций и групп и т.д. В то же самое время, парламентская этика нацелена не столько на погашение, купирование этих конфликтов, сколько на определение подобного и достойного в таких ситуациях, *правильного выбора моральных приоритетов в конфликте.*

Формирование этической культуры в парламенте любой страны испытывает на себе влияние ряда факторов. Одной из приоритетных задач при формировании этической культуры, является *определение базовых ценностей.* В данном параграфе мы проанализируем эти проблемы, связанные с причинами, влияющими на формирование этической культуры, содержания ее базовых ценностей.

Проблемы этической культуры парламентаризма в дискурсе неклассической философии ценностей. Аналитический обзор англо-американских и канадских источников. Культурная парадигма современного общественного сознания в большей степени основывается на неклассической философской системе ценностей. Неклассическая философская система ценностей производна от современной культуры с ее нацеленностью на глобализацию, информационные технологии, в то же самое время динамичность современной культуры определена зависимостью от инновационных процессов, происходящих в обществе, что, безусловно, влияет на *качественное* развитие культурной реальности. При этом, несмотря на то, что «различные культуры, религии, цивилизации

взаимодействовали и прежде», хотя «нередко возникали и острая вражда, и нетерпимость. Однако их основные очаги были разделены территориально, будучи как бы отгороженными друг от друга. Ныне глобальные коммуникационные, финансовые, миграционные потоки пробили огромные бреши в существовавших барьерах, спрессовывая разные культуры и образы жизни в едином пространстве мирового социума. Складывается плотная, всепроникающая сеть общественных взаимоотношений». В то же самое время, современная глобальная культура «наглядно демонстрирует неисчерпаемое многообразие социокультурных традиций и форм общественного устройства, норм взаимоотношений и ценностных ориентации, присущих разным сообществам. С каждым десятилетием это многообразие не только не уменьшается, но растет, иногда в геометрической прогрессии, бросая вызов самой способности человеческого рода регулировать возникающие на этой почве противоречия, не допускать их перерастания в острые конфликты и столкновения»¹⁷¹.

Множество нерешённых проблем принципиального характера, с которыми столкнулась классическая аксиология в своем развитии (абсолютны или относительны ценности, каков способ бытия ценностей, что является критерием типологизации различных видов ценности, каким образом ценность укоренена в её носителе, как отличить ценность от не-ценности, чем обусловлена динамика ценностей, можно ли дать общее определение понятию «ценность» и др.), а также противоречивость имеющихся определений ценности, указывают на то, что аксиология в современном её состоянии, ещё не достигла степени теоретичности и нуждается в обосновании.

Современная парламентская этическая культура является объектом профессионального интереса исследователей парламентаризма. Анализируя исследования англоязычных авторов в этой сфере, замечаем, что в парламентской деятельности таких стран, как Англия, Канада, США внимание концентрируется, прежде всего, на *этических нормах*, при этом базовые ценности игнорируются.

¹⁷¹Толерантность / Общ. ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика, 2004. С. 286.

Этот аспект подробно рассматривается в работе специалиста по профессиональной этике Дж. Гоу «A Practical Basis for Public Service Ethics». (Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London-Ontario). Автор видит в этом простом, на первый взгляд «несущественном» моменте *системную* проблему работы парламента как культурной организации. Логика его рассуждений концентрируется в следующих положениях: а) если «большинство правил, основанных на ценностях, игнорируется, этический режим превращается в дисциплину, в нормы уголовного и административного наказания», что является «нормальным, когда во время громких коррупционных скандалов политики и парламентарии предстают перед судом, отвечая по нормам уголовного права»; б) возникает необходимость объяснить «гражданам и правительству, как они понимают ценности своей профессии, что «заставляет забывать о недостатках системы, породившей нарушения, не обращать на них внимания»; в) автор подчеркивает необходимость «делать акцент на реформах системы и организаций, чем только на одних наказаниях и атмосфере страха. Спор между ценностями и дисциплинарной этикой отсылает к изысканиям Л. Кольберга¹⁷² и тех, кто разделял его теорию, доказывающим, что обращение к этическим проблемам само по себе поднимает уровень моральной мотивации» (перевод мой – Ю.Н.)¹⁷³.

Понятно, что ни ценностный подход, ни дисциплинарный, не разрешит всех проблем стоящих перед парламентом. На наш взгляд, эффективными могут быть *механизмы контроля*, действующие вкупе с продвижением ключевых *этических ценностей*. Правдой является и то, что большая часть этической работы концентрируется на стороне наказаний.

Развивая идеи Дж. Гоу, можно сказать, что системный смысл реформации парламента как культурной организации в современных условиях связана, также, с *нравственной составляющей*, представляющей собой *ценностно-нормативный*

¹⁷²Лоренс Кольберг (англ. Lawrence Kohlberg, 1927-1987) – американский психолог, специалист в области психологии развития. Один из основателей теории когнитивизма, в том числе теории развития нравственности.

¹⁷³Gow J.I.. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

и мотивационный факторы мировоззрения, определяющих не только линию поведения, но и профессиональный стиль и образ жизни парламентария, в частности, и систему парламентской культуры, в целом.

Существует и прямо противоположный взгляд на проблему, так, согласно позиции некоторых постмодернистов (например, таких, как И. Бойсверт¹⁷⁴), согласно которой, нет смысла облекать ценности в законы, потому что все решения принимаются *ситуативно*, согласно фактам.

Очевидно, что определение ценностей парламентской этики необходимо для этической культуры, и отсутствие этих определений вызывает проблемы в большинстве стран с «этическими режимами». Однако ценности формируются в связи с развитием *публичной политики*.

Развернутое определение и описание понятия публичной политики впервые вводится премьер-министром Великобритании Дж. Мейджером в его обращении к Палате общин 25 октября 1994 г., для Комитета по стандартам в публичной сфере (Великобритания) (Committee on Standards in Public Life)¹⁷⁵. В нем были определены субъекты публичной политики, представляющих «лица, занимающим публичные должности», к которым были отнесены: «министры, государственные служащие и советники; члены Парламента и члены Европейского парламента от Соединенного Королевства; члены и старшие должностные лица всех вневедомственных публичных органов и органов национальной службы здравоохранения; внеправительственные должностные лица; члены и старшие должностные лица других органов, выполняющих функции, финансируемые из бюджета; выборные представители и старшие должностные лица местной

¹⁷⁴Boisvert, Yves (2004). "L'imaginaire ethique des repondants du reseau gouvernemental quebecois en matiere d'ethique". Canadian Public Administration 47:4. P. 475-496.

¹⁷⁵Комитет по стандартам публичной сферы (англ. Committee on Standards in Public Life) – независимый консультативный орган при правительстве Великобритании. Комитет был учрежден в 1994 г. премьер-министром Джоном Мейджером и является органом, действующим на постоянной основе (англ. standingcommittee). Основная функция Комитета, таким образом, консультативная. Так, Комитетом были сформулированы так называемые «Семь принципов публичной жизни» (англ. The Seven Principles of Public Life). В обязанности Комитета не входит расследование конкретных дел и выполнение квазисудебных функций, поэтому в соответствии с классификацией ОЭСР его относят к группе так называемых органов-«советников». Комитет известен также под названием Комитет Нолана (англ. Nolan Committee) – по имени своего первого председателя.

власти»¹⁷⁶. Кроме того, были определены *функции* субъектов публичной политики, которые были сконцентрированы в компетенциях Комитета в соответствии с заявлением премьер-министра, сделанного в Палате общин 25 октября 1994 г. Они касались: а) *стандартов поведения* всех лиц, занимающих публичные должности, включая соглашения финансового и коммерческого характера; б) *рекомендаций* в отношении любых изменений в действующих соглашениях, которые могут потребоваться для обеспечения наивысших стандартов должного поведения в публичной сфере.

Таким образом, вследствие определения *субъектов* публичной политики и их *функций*, появились термины *public sector ethics* (этика публичного сектора) и *Ethics Culture*, т.е. уточнилось *содержание системы этической культуры*, регулирующей поведение лиц, занимающих публичные должности. Поскольку парламентарии также относятся к публичным лицам, рассмотрим возможные предпосылки формирования этики публичного сектора (на примере США).

Этика публичной политики: история вопроса. Анализ исследований Льюиса С. Готропа. В трудах исследователя культурно-исторических, политических и этических проблем развития парламентаризма в США Льюиса С. Готропа раскрыто культурно-историческое значение парламентаризма в США, его влияние на развитие мировой системы парламентаризма, значение национально-культурных особенностей на формирование и развитие парламентских отношений. Значимость его исследований связана с определением культурных и религиозных влияний на формирование этических ценностей, этической нормативности и механизмов этической регуляции деятельности парламента, а также на развитие культуры публичной политики.

По мнению Льюиса С. Готропа, формирование культуры публичной политики США берет свое начало с Декларации независимости. Событие, произошедшее 4 июля 1776 года (День Независимости США), было результатом

¹⁷⁶Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Институт права и публичной политики, 2005.

«долгой революции, происходившей в человеческих сердцах»¹⁷⁷. Основание Декларации независимости, по мнению Готропа, было религиозным: нонконформистским, пуританским и сектантским. Новая концепция свободы и равенства сформировалась, включив в себя как религиозные заповеди, так и концепции прав индивидуальной и общечеловеческой этики, пересмотренные в духе эпохи Просвещения. Таким образом, в отличие от других наций, американская нация родилась под сенью эпохи Просвещения, что наложило существенный отпечаток на формирование политических ценностей, и на этику публичной политики этой страны: «Американцы одухотворили и развили типичные пуританские ценности, перенеся их на реальную почву естественных прав. Другими словами, они подчеркнули значение естественного права, показав, что права человека предпочтительнее всеобщего закона, что индивидуальное важнее, чем государственное, что свобода важнее повиновения»¹⁷⁸ (перевод мой – Ю.Н.).

Основные этико-религиозные принципы, которые сформировали Декларацию Независимости, в определенном смысле связаны с протестантской культурой американцев. Этические принципы американских колонистов можно найти в старинных протестантских религиозных текстах, например, в текстах старинной молитвы первых массачусетских колонистов, в которых нравственная составляющая имеет определяющее значение:

1. Мы должны укреплять, защищать, оберегать и поддерживать друг друга;
2. Мы должны любить друг друга, разделять ноши друг друга;
3. Мы должны обращать внимание не только на себя, но и на своих ближних;
4. Мы должны радоваться вместе, любить и страдать вместе.

С тех давних пор, нормативная система этических ценностей, добродетелей и целей, по мнению Л. Готропа, вдохновляла и формировала демократическую

¹⁷⁷Gawthrope Louis C. Foundation of Public Administration (Электронный ресурс) URL: <http://faculty.cbpp.uaa.alaska.edu/afgjp/PADM601%20Fall%202009/FPA-Ethics-Article.pdf> (дата обращения: 14.05.2013).

¹⁷⁸Там же, Р. 2.

государственность, и, задолго до начала республики, стояла в авангарде американских принципов. Обращение к источнику этих принципов, по мнению автора статьи, актуально и в современности, и они должны оставаться ориентиром для публичной политики¹⁷⁹.

Таким образом, мировоззренческая основа культуры публичной политики определяется идеями естественного права, провозглашенными идеологами эпохи Просвещения, пронизана атмосферой ценностей этой эпохи. Именно этот мировоззренческий аспект культуры Просвещения с ее апелляцией к свободе, равенству, независимости, накладываясь, на религиозные протестантские этические нормативы и создает *культурный симбиоз этики публичной политики*, которая, безусловно, имеет американские культурно-исторические истоки, составляющие отличия от парламентской культуры европейских государств.

Подчеркивая этот культурный факт, Готроп справедливо замечает, что понятие публичной политики, связанное с идеей общественного служения (*Public Service*), образовалось в европейской культуре парламентаризма не так давно, всего несколько столетий назад. Автор показывает культурно-исторические этапы формирования культуры общественного служения в европейских странах, ссылаясь, например, на текст Афинской Клятвы, смысл которой заключался в объединении афинян в общем деле служения друг другу и полису – то есть, всеобщему благу; или на те системы социальных благ и здравоохранения, которые были приняты во Флоренции в четырнадцатом веке, для предотвращения эпидемии бубонной чумы. Он подчеркивает, что все эти ценности публичной политики, общественного служения, в общем смысле, были сформулированы городскими правительствами, взявшими на себя ответственность за нуждающихся, немощных, пожилых, больных, сирот, голодающих, умирающих и мертвых. Готроп, на примере Флоренции XIV века, показывает, что эти меры по защите населения, в итоге привели к таким последствиям, как: 1) демократизация флорентийского правительства – расширение общественного участия в политическом процессе; 2) значительный рост морального осознания и

¹⁷⁹ Там же, Р. 3.

осмысления сути политики; 3) глубокое осмысление значения гражданских обязательств для осуществления всеобщего блага.

В исследовании Готропа анализируется культурно-историческая ретроспектива ценностей общественного служения, выделяются такие ценности как: *верность* сюзерену или правителю – *готовность к повиновению, послушание, верность, доверие, мужество*.

В то же самое время, Готроп подчеркивает, что ценностная культурно-историческая парадигма, тесно связана с религиозной составляющей. Это связано с тем, что гуманные обязательства католицизма как культурно-религиозная традиция формировались в Европе более чем за столетие до примера Флоренции, и являлись, в основном, практикой ордена францисканцев, что во многом обеспечивали социальную защиту нуждающимся, вдовам и сиротам. Упоминается и о роли гильдий – организаций ремесленников, которые заботились о здоровье и благополучии своих членов. Все это, в целом, способствовало достижению общественного блага, – делает вывод автор.

Таким образом, по мнению исследователя, в культуре парламентаризма, исторически сформировалась идея служения общественному интересу, что, безусловно, связано с культурным, социально-экономическим развитием общества, определяющим гуманистическое содержание общественного прогресса.

Общественный интерес представляет собой основной *критерий* политической культуры, определяя сущностный смысл *всеобщего блага*, поэтому анализ этих понятий даст возможность определить ценностный смысл культурно-исторических национальных моделей парламентаризма Англии, США и Канады.

Общественный интерес. Идея служения обществу, или общественным интересам – по сути, демократическая идея, которая может быть сформулирована фразой «народное, народом, народу» (of the people; by the people; for the people) – является универсальным провозглашением идеальной системы государственного устройства. Этот идеал, выраженный системой этических добродетелей, ценностей и взглядов, составляет культурный смысл демократического устройства. Автор утверждает, что ценности этики публичной политики

невозможно определить без постановки вопроса об общественном интересе, так как именно общественный интерес определяет критерии нравственно допустимого или недопустимого поведения.

Общественный *интерес* всегда *ситуативен*, в то время как демократический *идеал* имеет неизменное постоянное значение как *служение общественному интересу*. Имея это ввиду, Л. Готроп утверждает, что демократический идеал как культурно-историческое проявление общественного сознания исторически закономерен, представляя собой продукт естественного культурного развития, истоки которого восходят к началу цивилизации. В то же самое время, с точки зрения автора, демократический идеал исторически проявляется только при определенных культурно-исторических обстоятельствах.

В связи с этим исследователь, анализируя феномен публичной политики в истории культуры, выделяет две ее разновидности – бюрократическую и демократическую.

К культурно-историческим признакам классической бюрократической модели управления, он относит модели политического управления Древнего Египта и Китая. Подчеркивается, что данные модели государственного управления отрицали идею общественного служения в ее естественной связи с демократией и идеалом государства. Сравнивая эти культурно-исторические модели и историю демократии и публичной политики в США за последние 200 лет, автор статьи подчеркивает коренное различие восточных и европейских культур, показывая, что идеология и менталитет исторических моделей управления далеки от демократического идеала.

Рассматривая сущностный смысл демократического идеала и культурные возможности его осуществления, Готроп использует понятие «parable», которое, в контексте логики его исследований, имеет смысловой аналог с русским понятием «миф». Рассматривая культурно-историческое содержание демократического идеала, исследователь, приходит к выводу о том, что демократический идеал является *культурным мифом* истории. Считая, что культурные мифы, порождают общественное напряжение, противоречия, парадоксы, конфликты, Готроп

указывает, что именно они определяют новые направления культурного и социального развития человеческого общества, связанные со стремлениями к «достижению недостижимого». В связи с этим, автор делает вывод: *если демократию определять как миф истории, то, логично предположить, что общественное служение – это миф демократии.*

По мнению Готропа, логика которого не может допустить «мифическое» обоснование демократии, история развития идеи общественного служения в США полна противоречий и неожиданностей, а попытка их понять может приблизить к многолетним тайнам демократии только через *определение понятий ценностей, добродетелей и концепций общественного служения в культуре парламентаризма.* Он считает, что культурно-исторические этапы развития парламентаризма определяются через: а) *систему базовых нравственных ценностей;* б) *национально-культурные особенности развития парламентаризма.* При этом автор показывает глубокую взаимосвязь этих особенностей культурно-исторического развития.

Выделяя ценностный смысл демократии, рассматривая культурно-историческое развитие демократии и парламентаризма, Готроп утверждает, что модель публичной политики и общественного служения связаны с *национальной культурой*, а «этические побуждения демократии» с *национальным характером.* Только двухвековое развитие общественного служения и бюрократическая модель публичной политики, – утверждает автор, – были даны США, чтобы определиться и «развести» данные понятия. Например, федеральная административная система первые 40 лет с начала республики могла определяться как *бюрократическая модель управления.* Но следующие 32 года, которые названы историками «джексоновским периодом»¹⁸⁰, могут быть примером образцового *общественного служения.* Готроп выделяет базовые ценности того политического периода такие, как *стабильность, компетентность, преемственность, честность и преданность.*

¹⁸⁰ Президент Эндрю Джексон – 7 президент США (1829-1837); первый президент США, избранный от демократической партии.

Однако эти принципы (базовые этические ценности) постепенно обесцениваются бюрократической элитой, и тем высокомерием, которое ей присуще. Поэтому к концу периода правления Джексона, в 1861 – 1880 годах, эти принципы превращаются в карикатуру на самих себя; любой этический смысл государственной службы теряет культурно-ценностное значение. Джексоновское видение демократической республики превращается, таким образом, в систему *политического патронажа* (в английском языке под словом *patronage* подразумевается как покровительство, так и права назначения на должность, и финансовая поддержка кого-либо), что, по сути дела, обесценивает демократические ценности.

В конце девятнадцатого века, в связи с политическими реформами и развитием прогрессивного движения, происходят изменения и в системе демократических ценностей, добродетелей и взглядов, которые и явились культурно-нравственными основаниями, и, в определенной степени, идеологией этих реформ: ведь целью этих реформ была борьба с коррупцией и установление доверия к правительству; они были направлены на очищение демократии, на восстановление ценностей беспристрастности, объективности и профессионализма. В связи с этим, Готроп анализирует Акт Пендлтона¹⁸¹ (Pendleton Act), который сформировал так называемый Закон об организации гражданской службы (Civil Service Classification System), восстановив, тем самым, смысл ценностей справедливости, правосудия и честности. Эти ценности стали основой для «Движения по науке управления» (Management Science Movement).

В этой связи необходимо подчеркнуть, что культурно-историческое значение «Движения по науке управления» как перехода к *науке управления*, было *знаковым* явлением в культурно-историческом развитии американского парламентаризма и существенно его изменили в плане профессиональной подготовки кадров. Дело в том, что проблема профессионализма требовала прогрессивной реформы. Эпоха прогрессистов подготовила кадры для

¹⁸¹ Джордж Хант Пендлтон (1825-1889) – американский политик и юрист, сенатор США от штата Огайо, член Демократической партии США.

государственной службы, которые должны быть ориентированы в своей профессиональной и культурной деятельности на этические ценности. Однако анализ Готропа показал, что развитие парламентской культуры в этом направлении, «движение по науке управления» было основано на мировоззренческом фундаменте философии позитивизма, представлено элементами управления, нацеленного на утилитарные ценности эффективности и полезности. Поэтому принципы «Движения науки управления» вбирают в себя ценности, обеспечивающие сугубо *рациональные подходы* к определению ценностей правительства, ценностей гражданского служения, гражданской чести и честности.

Данный подход был описан Удроу Вилсоном в статье 1887 года «Обучение администрированию»¹⁸², в которой он утверждал, что администрирование – это наука, а сама отрасль администрирования – это отрасль бизнеса. Это утверждение развил Чарльз Доуз, первый глава только что созданного Комитета по бюджету, который охарактеризовал Президента США и Кабинет министров как управляющих обыкновенной бизнес-организации. Аппарат правительства, таким образом, представлял собой «фирму», которая определилась как классическая бюрократическая модель с безличным и лишенным ценностей принципом стремления к эффективности. Эта культурно-историческая модель управления сконцентрировалось во вступительной речи Доуза: « Я хочу сказать, что Комитет по бюджету не имеет иной заботы, кроме сохранения денег и улучшения эффективности своей деятельности. Если Комитет по бюджету будет захвачен какими-то другими идеями, он перестанет приносить пользу. Также я скажу, что мы ничего не можем сделать с политиками. Если Конгресс, в соответствии со своим политическим авторитетом, выпустит закон о том, чтобы на ступени Белого дома положено сваливать мусор, нашим прискорбным долгом, как беспристрастного, аполитичного и беспартийного Комитета, будет совет

¹⁸²Wilson, Woodrow. The Study of Administration. Political Science Quarterly. II, 1887. P. 198.

исполнительной власти и Конгрессу о том, как разложить этот мусор наиболее быстрым и экономичным способом» (перевод мой – Ю.Н.)¹⁸³.

Таким образом, в конце девятнадцатого века, в США наблюдается поворот к другому концептуальному представлению государственного управления в целом, и общественного служения, в частности, которые трансформировались в механическую, безликую и реакционную систему государственного управления. В то же самое время отсутствие ценностно-этической составляющей в культурно-исторической модели управления порождало в общественном сознании недовольство и депрессивность, что в полной мере проявилось в кризисе тридцатых годов двадцатого века и выразилось в требованиях возрождения демократической модели общественного служения, основанной на принципах морали и публичности.

В этот период культурно-исторического развития парламентаризма в США, принципы науки управления постепенно перестают быть предметом повышенного внимания. При правлении в США президента Ф. Рузвельта государственная модель управления ознаменовалась не только началом нового этапа в истории государственной службы, но и нового важного периода в публичной политике, основанного на базовых этических принципах демократической модели публичной политики. Эта модель формируется в тридцатые – сороковые годы прошлого столетия, как ответ на вызовы истории и культуры, связанные периодом Второй мировой войны. В эти годы демократические ценности публичной политики могут быть охарактеризованы как органичные, динамичные, насыщенные этическим содержанием, связанные с историческим культурным периодом развития демократии.

В этот период, как показывает Готроп, ценности экономического рационализма уступают место «гуманистическому прагматизму», а наука об управлении превращается в этическую систему, сфокусированную на всеобщем благе. Этот поворот ознаменовал новую парадигму в культуре парламентаризма,

¹⁸³Gawthrope Louis C. Foundation of Public Administration (Электронный ресурс) URL: <http://faculty.cbpp.uaa.alaska.edu/afgjp/PADM601%20Fall%202009/FPA-Ethics-Article.pdf> (дата обращения: 14.05.2013).

которая поставила граждан страны ближе к процессу управления, чем когда-либо до этого. Безусловно, что на формирование новой парадигмы государственного управления во многом повлияли исторические условия: Великая депрессия, и последовавшая за ней Вторая мировая война, однако эти события, по мнению исследователя, заставили общество мобилизоваться, чтобы «вверить «слугам народа» позитивные государственные ценности». Этот период, по выводу Готропа, объединил американскую нацию в общем служении демократии.

Анализ культурно-исторического развития США после второй мировой войны показал, что США стали принимать активное участие в сфере международной политики, что было обусловлено и «холодной войной» против СССР и стран социалистического лагеря.

Следствием этого процесса стало увеличение количество государственных служащих: международная политика предполагала создание новых программ, которые требовали все новых специалистов, появилось большое количество независимых агентств, относящихся к различным министерствам. Как следствие этого, рождаются негативные процессы, обусловленные отсутствием системы управления, соответствующим новым культурным и историческим тенденциям: множество директив рождало бессистемность и путаницу, из-за чего совершались должностные преступления, обязательства не выполнялись. Таким образом, культурная ситуация обусловила отрицание главной ценности демократии, на которой строилась система публичной политики США – идеи всеобщего блага, ведь участие в международной политике предполагало продвижение демократических ценностей.

На деле все обернулось фактически обращением к бюрократической модели публичной политики, в центре которой находился «человек администрирующий», – понятие, впервые использованное нобелевским лауреатом Гербертом Саймоном¹⁸⁴, как характеристика нового типа государственного служащего.

¹⁸⁴ Герберт Александер Саймон (1916, Милуоки - 2001) – американский ученый в области социальных, он оказал заметное влияние на развитие теории организации, менеджмента и управленческих решений. Г. Саймон состоял членом Национальной академии наук США, долгое время работал профессором компьютерных наук и психологии в университете Карнеги — Меллона в Питсбурге. Его работы в области вычислительной техники и искусственного интеллекта оказали существенное влияние на развитие кибернетики. Основные усилия Г. Саймона были

Саймон также использовал термин «satisfies» - удовлетворенность – говоря об основной ценности общественного служения. Если «человек экономический», по мнению Саймона, всегда искал рационального пути для того, чтоб выбрать наиболее логичную и очевидную альтернативу *избегания*, – то есть, альтернативу максимальной пользы при минимальной стоимости, то человек административный искал *удовлетворенности*, то есть искал альтернативу, решение, которое было бы хорошо, чтобы встретить особые сложности в данный момент. Эта теория получила название «теория ограниченной рациональности». По мнению Готропа, эта теория Саймона не представляла собой ничего, кроме «гуманной системы» принятия решений. Система Саймона представляла собой бюрократическую модель публичной политики, основанную на следующих главных составляющих: 1) полная стабильность политики; 2) преуменьшение разногласий и максимизация удовлетворенности; 3) исключение основной части общественности из процесса принятия решений.

Во время войны с Вьетнамом, Министерство обороны США предложило *новую модель государственной службы*, которая представляла собой всесторонний рациональный аналитический подход к процессу принятия решений. Основной целью этой программы была максимизация эффективности, через рационально-аналитические оценки. Благодаря этой программе, такие ценности, как всеобщее благо, общественный интерес, этические ценности демократии, стали обсуждаться намного реже. Программа охватила все департаменты и министерства федерального правительства. Президент Картер заменил ее схожей программой, которая представляла собой систему, еще в большей степени основанную на рационализме, и соединил эту программу поведения государственных служащих с программой бюджетного характера – она

направлены на фундаментальные исследования организационного поведения и процессов принятия решений. По праву считается одним из создателей современной теории управленческих решений (теория ограниченной рациональности). Основные результаты, полученные им в этой области, изложены в таких книгах, как «Организации» (совместно с Джеймсом Марчем), вышедшей в 1958 году, а также «Административное поведение» и «Новая наука управленческих решений» (1960). Значительный теоретический вклад Г. Саймона в науку управления получил достойное признание в 1978 году, когда ему была присуждена Нобелевская премия по экономике «за новаторские исследования процесса принятия решений в экономических организациях, в фирмах» (См.: Википедия. Свободная энциклопедия/ Саймон Гербер. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E0%E9%EC%EE%ED,_%C3%E5%F0%E1%E5%F0%F2). Дата обращения: 23.05.2013.

была расширена за счет анализа, теории общественного выбора и измерений результатов эффективности труда.

Готроп делает вывод: в последние сорок лет в США демократические принципы общественного служения были ограничены развитием экономической рефлексии по отношению к ответственности государственных служащих, что в данный культурно-исторический период развития публичной политики в США означало: *этические ценности заменились экономическими оценками*. Данная культурно-историческая ситуация означала, что в публичной политике возникают потребительские отношения: граждане стали покупателями или потребителями государственных услуг. Возникает новая культурная модель публичной политики: New Public Management (новое общественное управление), которая стала обновленной версией классической модели механистического, закрытого и безличного измерения общественного служения.

Результатом этих изменений, как это было показано выше, стала подмена политических добродетелей, ценностей и взглядов утилитарными экономическими оценками в области государственной службы, публичной политики и общественного служения в целом. Однако NPM стала шагом к дискурсу о *прикладной этике* под знаменем обновленной программы – New Public Service (новое общественное служение), нацеленной на создание демократической модели публичной политики, основным содержанием которой является обращение к общественным проблемам.

Этика публичной политики в современной американской и канадской парламентской культуре: анализ трудов Дж. Гоу, Фредериксона, Т. Купера. Дилеммы статуса публичного политика. В исследованиях канадского исследователя Джона Гоу анализируются идеи публичной политики государственной службы в дискурсе этики¹⁸⁵. В своих работах он подчеркивает, что *этика – сравнительно недавний подход к публичной политике*. Это связано с тем, что в 70- 80-х гг. прошлого столетия исследователи сконцентрировали свое

¹⁸⁵Gow J.I..A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science. Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

внимание на анализе конфликтов интересов и ответственности в публичной политике. Такой подход, следуя логике Л. Готропа, может характеризовать бюрократическую модель публичной политики.

В начале XXI века развернулись дебаты о статусе публичного политика. Это было связано с общими принципами правильного поведения, которые сфокусировались на дилемме: должно ли являться следование определенным правилам поведения результатом личного выбора или оно должно быть задано нормативно? Две группы рассматривали эту проблему, каждая из которых основывала свои выводы на принципах соответствующей этической школы: с одной стороны, американские пост-рационалисты, такие, как Хармон (1995)¹⁸⁶ и Мак Свайт¹⁸⁷ (1997), и канадцы, такие, как Джиллс Паквет¹⁸⁸; с другой стороны – новая группа специалистов из Квебека (например, Бойсверт, 2004¹⁸⁹), которые выступали против нормативного подхода к философии и культуре.

В вопросе о нормативной и индивидуальной этике Дж. Гоу солидарен с Джоном Рором (1994)¹⁹⁰ в том, что область этики включает «этику предписаний и этику предпочтений»¹⁹¹, что отразилось в позиции Главного квебекского Аудитора (Quebec Auditor General) в его годовом докладе за 2000-2001 год, в котором представлен общий свод ценностей и минимальных этических правил публичной политики.

По мнению Гоу, необходимо отбросить идею о полном различии между нормативной этикой (rule-based deontology) и индивидуальной этикой (personal ethics). Действительно, регулируемое поведение подразумевает большие обязательства, однако, и в регулируемом поведении существует фактор неопределенности, так как нельзя быть уверенным в том, что политик,

¹⁸⁶ Harmon, Michael. Responsibility as Paradox. A Critique of Rational Discourse on Government. Thousand OaksCA, Sage,1995.

¹⁸⁷ McSwite, O.C. Legitimacy in Public Administration. Thousand OaksCA, Sage,1997.

¹⁸⁸ Paquet, Gilles. Governance Through Social Learning. Ottawa: Presses de l'Universit   Ottawa, 1999.

¹⁸⁹ Boisvert, Yves. "L'imaginaire   thique des r  pondants du r  seau gouvernemental qu  b  cois en mati  re d'  thique". Canadian Public Administration 47:4, 2004. P. 475-496.

¹⁹⁰ Rohr, John A. Ethics for Bureaucrats. An Essay on Law and Values / 2d ed. New York: Marcel Dekker, 1989.

¹⁹¹ Mandatory ethics pertain to the professional requirements that are put in place legally to keep professionals out of legal trouble. (этика предписаний (этика ограничений) Aspirational ethics is the understanding of the purpose of the ethical statues and living by these ethical standards as a way of life (этика предпочтений) (См.: Corey, G., Schneider-Corey, M., &Callanan. Issues and Ethics in the Helping Professions.(8th ed.).: Belmont,CA:Thomson,2007).

парламентарий или министр действительно понимают полноту собственного долга – это уже вопрос их индивидуальной этики.

Таким образом, этика публичной политики связана не только с *взаимоотношениями между самими государственными служащими, но также и отношениями с окружающим миром – масс-медиа, социальными институтами и гражданами.*

Первые этические кодексы Канады рассматривали вопросы, касающиеся конфликта интересов и предотвращения коррупции, которые занимали большую часть *правил*, наряду с отсутствием *предписаний и кодексов*, конечная цель которых напрямую связана с включением базовых этических ценностей в ареал публичной политики. В этом контексте, Фредериксон (1994)¹⁹² обратил внимание на существенные различия между академическим изучением этики публичной политики и ее практикой. *Академические задачи научных исследований, заметил он, определяют исследовательские тенденции поисков справедливости, связывая их, прежде всего, с моральными причинами, в то время, как публичные политики более всего озабочены практическими вопросами.*

Феномен коррупции остается самой изучаемой темой в сфере этики публичной политики, особенно в развивающихся странах. Необходимость нравственной составляющей в публичной политике отмечает в своих работах канадский исследователь Худ (1991)¹⁹³, считая, что публичный политик должен оставаться честным, даже в тех обстоятельствах, когда современные стандарты ориентированы на персональный успех и продвижение. Терри Купер (2004)¹⁹⁴ выделяет четыре позиции в системе публичной этики: 1) понятие содержания нормативной этики публичного управления; 2) соответствие американских норм административной этики в общемировом контексте; 3) организация этического поведения; 4) общественное значение ценностей справедливости и равенства.

Важно отметить, что исследование этики публичной политики охватывает широкий диапазон проблем. Такие вопросы, как конфликт интересов, правила

¹⁹² Frederickson, H. George .Research and knowledge in administrative ethics, 1994. P. 31-47.

¹⁹³ Hood, Christopher. «A public management for all seasons? Public Administration 69 :1, .3-19, 1991.

¹⁹⁴ Cooper, Terry L. Big questions in administrative ethics : A need for focused, collaborative effort. Public Administration Review 64:4 , 2004. P. 395-407.

пост-занятости, порождают и ряд других, таких, как определение *ценностей публичной службы, содержание ее профессиональной культуры*. Такой подход характерен для канадских исследователей (Квебек: Институт прикладной этики), которые исходят из того положения, что видение мира основано на чистых, реальных и разделяемых всеми ценностях, считая, что этические ценности публичной политики являются фактором идентификации человека в публичной политике, Дж. Гоу выдвигает проблему иерархии ценностей в административной деятельности, способов их фундирования, соподчиненности и межценностных связей. В связи с этим исследователь замечает, что основная проблема публичной политики заключается в ее подчиненной природе. Определение базовых ценностей, на которых основана деятельность публичного политика, по его мнению, является приоритетной для четкого контроля работы публичного политика. Эта необходимость в определении базовых ценностей публичной политики связана еще и с тем обстоятельством, что в академических исследованиях о публичной политике бытует мнение об отсутствии и даже невозможности контролировать деятельность публичных политиков.

Логика исследователя заключается *выводом*: Дж. Гоу считает, что *ценностная* составляющая публичной политики является *приоритетной*, именно *ценности обуславливают содержание бюрократической и демократической моделей* общественного служения.

Культурные и нравственные особенности бюрократической и демократической моделей общественного служения Дж. Гоу и Л. Готропа. Анализируя ценности этики публичной политики, Дж. Гоу приходит к выводу, что *классическая бюрократическая модель*, основывается на *ценности ответственности (responsibility)*, в то время как демократическая модель сконцентрирована на *ценности отзывчивости (responsiveness)*. То же различие можно наблюдать и в дихотомии понятий *efficiency (производительность, продуктивность)* – являющаяся чертой бюрократической модели публичной политики, и *effectiveness (квалификация, умение, знание своего дела)* – что является признаком демократической модели. Следовательно, ценность

ответственности, как базовая ценности бюрократической модели этики общественного служения, связана с производительностью и продуктивностью, имеющей ярко выраженный утилитаристский характер. В то же самое время ценность *отзывчивости*, как базовая ценность демократической модели, в свою очередь, связана с ценностью квалификационных умений и знаний, что связывает ее с областью профессионализма (профессиональной этики).

Однако, как это подчеркивает исследователь, данные характеристики, демонстрируя отличительные черты данных моделей этики общественного служения, в то же самое время, не дают резкого различия их друг от друга. Предполагается, что каждая из моделей, обладая уникальными чертами и базовыми ценностями, в определенном смысле, может исключать или включать в себя те или иные признаки и черты друг друга. Так, например, бюрократическую модель публичной политики характеризуют такие признаки, как политическая стабильность; преумножение разногласий и максимизация удовлетворенности; исключение основной части общественности из процесса принятия решений.

Л. Готроп солидаризируется с Дж. Гоу в том, что ценности обуславливают этические модели общественного служения. В связи с этим он замечает, что основной ценностью, сформировавшей бюрократическую модель, является ценность ответственности, в то время как демократическую модель сформировала ценность отзывчивости. Таким образом, исследователь подчеркивает, что в первом случае, ценностью является *ответственность за эффективное управление*, во втором – *отзывчивость на нужды людей*. Как заметил канадский исследователь Джон Гоу, публичная политика, в ее демократическом варианте, *служит, а не управляет*. В бюрократической модели речь идет не о службе народу, а о службе системе управления. Бюрократическую модель, по мнению Готропа, характеризует также *подавление идеи общественного служения в ее связи с демократией*.

Необходимо отметить, что бюрократическая модель отличается частичным или полным отсутствием этической рефлексии. Это выражается в том, что система управления превращается в безличный механизм, с закрытым от

общественности измерением общественного служения. Этическая рефлексия в этом случае ограничивается рационализмом; этические ценности заменяются экономическими оценками, измерениями эффективности работы, соображениями политической полезности, политическим патронажем. Бюрократическая модель управления предполагает наличие бюрократической элиты, обособленной от остального общества, принимающей самостоятельные решения.

Для бюрократической модели характерны и особые ценности. На ранних стадиях развития общества эти ценности и добродетели формировались, главным образом, в отношении единоличного правителя. Такие ценности, как послушание, верность, доверие, мужество, готовность к повиновению, можно поставить на нижний, первоначальный уровень ценностей общественного служения. Такие ценности характерны для классической бюрократической модели государственной службы. По утверждению Готропа, модель государственной службы в США имеет черты *бюрократической модели, являясь демократической разновидностью бюрократической модели.*

Для демократической разновидности бюрократической модели государственной службы характерны ценности эффективности, удовлетворенности и ответственности. Эти ценности лежат в сфере *профессиональной этики*, и определяются в разное время различными факторами, которые ставят ту или иную ценность на первое место. Так, *ценность эффективности* (производительности) определяется фактором *экономического рационализма*. Этот фактор обусловлен позитивистским подходом к профессии вообще, и к профессии государственного служащего, в частности – профессия определяется как наука. Кроме того, эта ценность была сформирована в момент бурного развития капитализма в США. В конкретном случае в определенный период развития государственной службы США, речь шла о науке администрирования. Ценность удовлетворенности определяется фактором рационализма, что определяется фактором гуманистического подхода к профессиональной деятельности. В данном случае рационализм призван определить поиск верного решения, которое приводит к удовлетворенности

работой. Такой подход может быть сформирован при условиях политической стабильности, и сложившейся бюрократической модели публичной политики, исключаяющей большую часть ответственности из процесса принятия решений, так как принцип удовлетворенности создает собственный алгоритм принятия решений.

Демократическая модель публичной политики, в отличие от бюрократической модели, имеет своей целью *служение во имя всеобщего блага*; следовательно, публичная политика в демократическом варианте ориентирована на этический идеал. Поэтому демократическая модель выдвигает на первое место *ценность отзывчивости*, а не ответственности.

Л. Готроп подчеркивает, что достижение всеобщего блага основывается на системе этических добродетелей, ценностей и взглядов, что и составляет, по сути дела, смысл и содержание демократии. Именно поэтому, по мнению автора, *демократическая модель общественного служения* имеет гуманистические и нравственные цели и задачи.

Демократическая модель общественного служения характерна для американской культуры, ее истоки коренятся в культурной истории Соединенных штатов Америки, непосредственно в религиозной культуре, на идеях которой сформировался политический и культурный менталитет американской нации. Это особо подчеркивается исследованиями Готропа, который указывает на то, что Декларация Независимости опирается на пуританские этико-религиозные принципы, сформировавшие, впоследствии идеал демократического общественного служения: принципы любви к ближнему; сострадания; отзывчивости; взаимной поддержки. Данные принципы были необходимы для выживания первых переселенцев, для выживания общины. В связи с этим, сравнивая английскую и американскую модели, можно увидеть существенные различия *в культурно-ментальных особенностях*: английский Билль о правах, основывается на принципах *философии утилитаризма и теории общественного договора*, что подчеркивало не характер добровольного, взаимного и равного договора между членами общины, как это предполагается в «Декларации о

независимости», а *добровольный, взаимовыгодный союз между личностью и государством*. Это позволяет утверждать, что идея общественного служения в английской модели демократии должна быть основана на иных ценностных основаниях, более рационалистических и прагматичных; поэтому английская модель общественного служения основана на ценности ответственности.

Таким образом, демократическая модель общественного служения характеризуется такими ценностями, как стабильность, компетентность, преемственность, честность и преданность, квалификация, умение, знание своего дела. Это также ценности профессиональной этики, но они имеют иную мотивацию. Если целью бюрократической модели является эффективность управления, то целью демократической модели – ценность служения. Однако, для объективного взгляда на различные ценности, необходимо рассмотреть понятие ценности более подробно.

Ценности публичной политики в трудах Дж. Гоу и Л. Готтропа. В своих трудах Л. Готтроп показывает взаимосвязь демократической и бюрократической модели этики общественного служения. Анализируя формирование и развитие ценностной структуры этих моделей в культурно-исторической ретроспективе, автор приходит к выводу, что в процессе культурно-исторического развития парламентаризма в США, повсеместно наблюдается взаимозависимость и взаимопереходность ценностей в системе этики общественного служения. Так, ценности демократической модели уступали место ценностям бюрократической модели и наоборот. Иногда та или иная модель управления обладала набором и тех, и других ценностей. Эти факты позволяют предположить о конфликте носителей ценностей государственной службы и общественного служения.

Дж. Гоу предлагает аналитический обзор фундаментальных ценностей в сфере современного общественного служения, рассматривая возможные конфликты различных ценностей. По словам автора, современная прикладная этика ставит вопросы о хорошем поведении: «этика делает правильные вещи, в основании которых лежат правильные ценности и не действует на основании неправильных ценностей. Они могут включать в себя представления о красоте и

правде, но практическая жизнь публичной политики обычно подразумевает именно хорошее поведение»¹⁹⁵ (перевод мой – Ю.Н.); а точнее, по мысли Гоу, ценности современного общественного служения это – *поиск подходящего поведения в конкретных ситуациях*.

В своей статье Гоу сначала рассматривает различные исследовательские взгляды на ценности общественного служения. Так, ценности, согласно Кристоферу Ходгкинсону (1978)¹⁹⁶ – это «понятия о желаемом вместе с силой побуждения». С этой точки зрения, ценности – это факты субъективной природы, которые не могут быть ни правдивыми, ни ложными. Та же самая позиция – у Герберта Саймона (1957)¹⁹⁷. Однако Саймон добавил, что главными ценностями в государственной службе являются промежуточные ценности, которые должны быть проанализированы, чтобы увидеть как они ведут к удовлетворению глубоких, или конечных ценностей. Такой подход подходит и для парламентской этики, поскольку нормы строятся именно на ценностях. По этой причине, Дьюведи и Гоу (1999)¹⁹⁸ определяют ценность как «принцип качества, из которого может быть выведена норма или стандарт, способствующие расстановке предпочтительных целей, результатов и людей». Такие ценности могут быть общими или персональными.

Среди споров о ценностях важна оппозиция между деонтологической и телеологической точками зрения. Первая точка зрения определяет ценности как факторы, независимые от внешних обстоятельств. Проблема такой точки зрения заключается в том, что люди могут отделять и ставить выше прочих те фундаментальные ценности, которые находят свое оправдание в интуитивном опыте или религии. Вторая, телеологическая точка зрения, рассматривает, каковы возможности того, что решение или направление действия принесет желаемый эффект. Это кажется намного более подходящим для анализа политических

¹⁹⁵Gow J.I. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science. - Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

¹⁹⁶Hodgkinson, Christopher. Towards a Philosophy of Administration. Oxford, Blackwell, 1978.

¹⁹⁷ Simon, Herbert. Administrative Behaviour. 2d ed. Glencoe, Free Press, 1957.

¹⁹⁸Dwivedi O.P. et Gow J.I. From Bureaucracy to Public Management. The Administrative Culture of the Government of Canada., Peterborough, Broadview Press, 1999.

вопросов. *В политической деятельности любая ценность должна соотноситься с тем возможным результатом, который она принесет за собой.*

Очевидно, что местом, где можно ознакомиться с официальной версией ценностей публичной политики или, конкретнее, парламентской этики – являются документы, в которых употребляются слова «этика публичных политиков; этика парламентариев». Однако, анализ большинства подобных нормативных документов, показывает, что они могут быть сведены к четырем основным ценностям – справедливости, честности, уважению и доверию. Для того, чтобы понять как подобные ценности реализуются на практике, можно обратиться к культуре публичной политики. Некоторую информацию можно почерпнуть из анализа документов: деклараций союзов и ассоциаций, но большинство – из интервью или отдельных мнений политиков.

Так, некоторые исследователи критикуют ценности, которые традиционно декларируются на курсах по профессиональной этике. Они называют их «спонтанными», утверждая, что ценности достойны большего внимания. Например, ценности в некоторых документах представлены, в большей степени, как ценности управленческие, оторванные от реальной практики. Многие ценности также представляют собой не ценности, а компетенции (такие как профессионализм или совершенство, мастерство).

Джон Гоу приводит следующую схему ценностей общественного служения:

1. Политические ценности: политический интерес, лояльность, уважение к закону, подотчетность
2. Профессиональные ценности: мастерство, квалификация, умение (effectiveness); результативность, производительность (efficiency); беспристрастность;
3. Этические ценности: поддержка общественного доверия; служба общественному интересу; избегание конфликта интересов;
4. Индивидуальные ценности: уважение человеческого достоинства; справедливость и гражданственность; открытость и уважение различий.

Категории ценностей, представленные в законах федерального уровня, имеют разные уровни анализа: макро-уровень (политические, экономические и социальные ценности); мезоуровень, включающий ценности на уровне профессий, организаций, этнических групп и регионов; микро-уровень, включающий индивидуальные и основные группы.

Вся это путаница и обилие ценностей заставляет отсортировать основные ценности, на которых базируются все остальные.

Некоторые исследователи предлагают исключить экономические ценности из списка ценностей этики публичной политики. Другие, наоборот, полагают, что экономические ценности повышают уровень государственных управленцев и политиков. По мнению Дж. Гоу, пренебрегать экономическими ценностями и отрицать их нецелесообразно.

Существует еще одна группа ценностей, о которой не говорится в декларациях и кодексах, но о которой упоминают многие исследователи. Речь идет о выживании самой политической системы, ее поддержании и адаптации в условиях меняющихся реалий. Многие исследователи ставят эту ценность на главное место. Так, Дж. Гоу пишет: «...Выживание – это превалирующая ценность для любой политической системы. Однако, эта ценность, как проверено опытным путем, различна, для государственных служащих и избранных политиков. Так, карьера государственного служащего, его интересы, зависят от выживания государства. Правительство не может позволить себе заглядывать далеко, за следующие выборы. Выжить для правительства – значит быть переизбранным. Это прямая оппозиция между теми, чья роль – привносить энергию, новые идеи и переделывать систему, и теми, кто, по словам квебекского института прикладной этики, должен защищать промежуточные ценности осторожности, рассудительности и предотвращения» (перевод мой – Ю.Н.)¹⁹⁹.

Таким образом, если говорить о культуре публичной политики, ценность поддержки политической системы для парламентариев является важной, но

¹⁹⁹Gow J.I..A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

двойкой. Ценности осторожности и предотвращения не так важны для парламентариев, как для государственных служащих. Цель парламентариев заключается в том, чтобы вносить новые идеи, продвигать демократические идеалы, влиять на политическую систему. Таким образом, можно сделать следующий вывод: *ценностью для парламентариев, в отличие от государственных служащих, является не содействие выживанию политической системы, а влияние на нее с позиций справедливости.*

Проведя обзор литературы, с целью выявления и анализа фундаментальных ценностей, позволяющих обосновать ценности публичной политики, Дж. Гоу определил следующие ценности: Правосудие (Стюарт и Спринтолл²⁰⁰); Социальная справедливость и правосудие (Г. Фредриксон²⁰¹); Нормы закона (Оукоин)²⁰²; Индивидуальные права (Ван Уорт)²⁰³; Конституционные ценности (Рор)²⁰⁴; Лояльность (Тэйт²⁰⁵, Кернахэм²⁰⁶); Служение (Оукойн²⁰⁷, Дензайер²⁰⁸); Гражданская позиция (С. Стиверс²⁰⁹)

Другие ценности также подчеркивают идею поиска рациональных и универсальных критериев. Феминистская критика (С. Гиллиган²¹⁰, 1982, Скрэнтон²¹¹, 2001) утверждает, что ценности формирует мужская точка зрения, которая могла бы быть и более гибкой и приводить к солидарности нужд государства и населения. Пост-модернисты, со своей стороны, утверждают, что целью обучения публичных политиков должны быть не дисциплина или

²⁰⁰Stewart, Debra and Sprinthall, Norman A. Strengthening Ethical Judgement in public Administration, in J.S Bowman (ed.) (1991), p. 243-260.

²⁰¹Frederickson, H. George (ed). Ethics and Public Administration. M.E. Sharpe, 1993

²⁰²Aucoin, Peter. A profession of public administration? A commentary on A Strong Foundation: Canadian Public Administration 40:1, 1997. p. 25-39.

²⁰³Van Wart, Montgomery. Changing Public Sector Values.: New York, Garland Publishing, 1998.

²⁰⁴Rohr, John A. Constitutional and administrative ethics. A comparative study of Canada, France, the United Kingdom and the United States, in T.L. Cooper ed. (1994), p. 505-525.

²⁰⁵Tait, John. A Strong Foundation: Report of the Task force on Public Service Values and Ethics. Ottawa, Privy Council Office.

²⁰⁶Kernaghan, Kenneth. Integrating values into public service: the values statement as centerpiece, Public Administration Review, 2003; 63:6, 711-719.

²⁰⁷Aucoin, Peter, « Beyond the 'New' in Public Management Reform in Canada: Catching the Next Wave? », Dunn C. (ed.). The Handbook of Canadian Public Administration. Don Mills Ontario, Oxford University Press, 2002. P. 36-52.

²⁰⁸Denhardt, Kathryn G. The Ethics of Public Service. Resolving Moral Dilemmas in Public Organizations. New York, Greenwood Press, 1988.

²⁰⁹Stivers, Camilla. Citizenship and ethics in public administration, in T.L. Cooper 1994, p. 435-455.

²¹⁰Gilligan, Carole. In a Different Voice. Cambridge MA, Harvard University Press, 1982.

²¹¹Scranton, Anneka Marina. Gender differences and administrative ethics, in T.L. Cooper (ed.), 2001. P.553-581.

обвинения, а воспитание в них подотчетности обществу и обеспечение обратной связи с общественностью. (М. Хармон, 1995²¹², К. Денхардт, 1988²¹³).

Даже из этого короткого списка, мы видим, потенциальную оппозицию ценностей. *Справедливость может не подразумевать автоматическое применение закона, и необязательно сочетается с лояльностью к правительству, лояльность к правительству может вступить в конфликт с лояльностью к государству.* Это подтверждает мысль Л. Готропа о том, что современная модель общественного служения включает в себя элементы и демократической, и бюрократической моделей.

Таким образом, система ценностей парламентской культуры, включающая в себя этическую культуру публичной политики, имеет национально-культурные и исторические корни: система парламентского управления должна формироваться согласно культурно-национальным особенностям того или иного государства, учитывая индивидуальные и ситуативные характеристики. По словам Дж. Гоу, «Я не согласен с тем, что в этом вопросе присутствует только несколько ценностей. В настоящее время мы можем наблюдать большое количество ценностей, которые еще только подразумевают дальнейшее развитие основных принципов этики, а также, разнообразные категории ценностей, которые являются источником этических обязательств»²¹⁴ (*перевод мой – Ю.Н.*).

Таким образом, анализ данных статей, позволил сделать следующие предварительные выводы.

Несмотря на то, что этическая культура публичной политики активно развивалась и развивается в Европе, США и Канаде, вопрос об определении ценностей публичной политики остается актуальным. Этот вопрос очень важен, так как именно ценности определяют содержание норм, регулирующих

²¹² Harmon, Michael. Responsibility as Paradox. A Critique of Rational Discourse on Government. Thousand Oaks CA, Sage, 1995.

²¹³ Denhardt, Kathryn G. The Ethics of Public Service. Resolving Moral Dilemmas in Public Organizations. New York, Greenwood Press, 1988.

²¹⁴ Gow J.I. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

деятельность публичных политиков, а также, содержание этического режима и этическую культуру публичной политики в целом.

Определение ценностей связано с оппозицией: а) индивидуальной и нормативной этики в этической культуре; б) профессиональной деятельностью публичных политиков и реальной значимостью нравственных ценностей в их практике. Современная тенденция развития этической культуры публичной политики заключается в том, что предпочтение дается нормативному и рационалистическому подходам. Это, по мнению некоторых исследователей, делает политическую культуру дисциплинарной и авторитарной, а также бюрократической и замкнутой. С другой стороны, упор только на нравственные ценности, в ущерб нормам, и без финального определения общественного интереса, также не приводит к эффективному результату.

Таким образом, можно сказать, что ценности публичной политики в трудах современных англоязычных авторов основываются на следующих понятиях: а) ценностях общественного служения, сложившимся исторически, и характерными для культуры публичной политики определенного государства; б) соответствуют современным представлениям о содержании всеобщего блага; в) связаны с пониманием общественного интереса; г) определяются согласно целям, задачам и предназначению парламента.

Анализ ценностных понятий и выделение основополагающих черт, культурно-исторических оснований показывает, что данная ценностная модель публичной политики относится к *типу неклассической аксиологии*. Современная тенденция развития культуры публичной политики заключается в утверждении бюрократической модели, являющейся закрытой и замкнутой сферой. С другой стороны, упор только на нравственные ценности, в ущерб нормам и без финального определения общественного интереса также не приводит к эффективному результату.

В следующей главе мы рассмотрим нормативный и ценностный смысл этической культуры парламентаризма через понятие этического режима как формы моральной регуляции.

ГЛАВА 4. Аксиологическое содержание и практики представительства современной парламентской культуры

В данной главе будет рассмотрена система нормативного содержания одного из важнейших сегментов современной публичной политики – *этической культуры*. Для этого необходимо провести анализ способов *конкретизации* ценностей современной парламентской этической культуры в принципах поведения, нормах поведения парламентариев. В связи с этим, нами будут определены *механизмы* нормативного регулирования, а также содержание *этического образования* парламентариев (представленные различными программами профессиональной этики), как способов воспитания и, соответственно профилактики правонарушений.

4.1. Нормативно-аксиологическое содержание современной парламентской культуры

В данной параграфе необходимо провести обзор и сравнительный анализ основных принципов и норм современной парламентской этической культуры; определить механизмы построения парламентской этической культуры; определить и структурировать модели этической культуры в парламенте.

Существует ряд ценностей, характерных для современной парламентской культуры, которые являются основополагающими для создания режима этического регулирования в парламенте. Недавние исследования показали, что этическая инфраструктура, преимущественно, состоит из следующих элементов: ряд *ценностей и принципов*; *нормы* поведения; *механизмы* осуществления этих ценностей; *контроль* за предосудительными действиями; *координация, управление и оценка этических программ*²¹⁵. Современный международный опыт этического регулирования парламентского поведения представлен на сайте организации

²¹⁵ Gow J.I..A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

ГОРАС <http://www.gopacnetwork.org/> (Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией). Партнерами ГОРАС являются такие организации, как ParlAmericas²¹⁶ и Le Centre Parlementaire²¹⁷; Южноафриканский институт парламентаризма (Parliamentary Institute of South Africa); Комитет по этике Сената Чили (Ethics and Transparency Committee, Senate of Chile), Европейский Союз, Всемирный Банк; Национальный демократический институт, ООН, и многие другие. Это свидетельствует о том, что вопросы парламентской этической культуры актуальны во всем современном мире.

Нами было установлено, на основании документов Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией, что понятие «этическая культура» включает в себя совокупность ценностей, принципов и норм, а также систему образования правовой и этической направленности.

Принципы и нормы, а также характер этического образования определяется ценностями парламентской культуры. В данном параграфе мы рассмотрим основные элементы этической культуры парламента: принципы, нормы, механизмы регулирования поведения.

Понятие этического режима парламентской культуры. Термин этический режим (*Ethics and conduct regime*), является неотъемлемой частью парламентской культуры. Этическая культура как часть профессиональной парламентской этики в странах с развитой демократией включает в себя принципы, правила и процедуры. В свою очередь, действенность принципов обеспечивается процедурами и правилами, причем процедуры *конкретизируют* правила. Таким образом, обеспечение действенности правил и принципов фокусируется в *этическом режиме*²¹⁸. Структура этического режима определяется: 1) *кодексом* поведения, систематизирующим этические *нормы*. Примером Кодекса поведения служат «Семь принципов публичной политики» в Великобритании. В кодексе

²¹⁶ Организация объединяет 35 государств и штатов Центральной, Северной и Южной Америки, с целью развития диалога между парламентами этих государств. Официальный сайт организации -(Электронный ресурс). URL: <http://www.parlAmericas.org/en.aspx> (дата обращения: 20.07.2013).

²¹⁷ Организация парламентариев, по сотрудничеству со странами Америки, Африки и Восточной Европы, с целью оказания законодательной помощи по вопросам законотворчества, надзора, подотчетности. Официальный сайт организации (Электронный ресурс). URL: - <http://www.parlcent.org/en/> (дата обращения: 25.07.2013).

²¹⁸ См.: Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. М.: Институт права и публичной политики, 2001.

представлены такие принципы как честность, принципиальность, открытость, подотчетность, неподкупность, беспристрастность, лидерство; 2) *правилами поведения*, конкретизирующие этические нормы. Правила поведения придают кодексу практическую значимость, включая указания о поведении парламентариев в неоднозначных ситуациях, с целью их соответствия принципам парламентской этики. Правила поведения *конкретизируют* нормы кодексов. Так, например, в Великобритании, такие принципы этического кодекса, как открытость, принципиальность, подотчетность, конкретизируясь в правилах поведения, являются нормативами, регулирующими следующие нарушения: замалчивание или утаивание финансовой информации о политической партии или об отдельном парламентарии, утаивание информации о финансовых отношениях с различными организациями.

Соблюдение принципа беспристрастности обеспечивает контроль за действиями, приводящими к конфликту интересов, регулирует деятельность лоббистов и т.п.; 3) регулирующим *комитетом*, ответственным за применение правил на практике. Комитеты, осуществляющие регулирование, могут иметь как карающую, так и воспитательную функции и имеют следующую структуру: 1) комитет с властными полномочиями *вне парламента*, *функцией* которого является проведение независимого расследования правонарушений и определение степени ответственности.

Это предполагает создание особой судебной системы, которая *контролирует* парламентскую систему регулирования; регулирующий комитет *в парламенте*, председатель (государственный контролер) которого не имеет депутатских полномочий и как эксперт уполномочен расследовать дела и давать советы по истолкованию правил поведения, остальные же члены комитета являются депутатами. Решения по делам окончательно принимаются специальной парламентской комиссией; регулирующий орган в парламенте состоит только из депутатов, которые самостоятельно поддерживают порядок в своей среде. В то же самое время подобная структура подвергается критике, суть которой в

следующем: парламентарии из законодателей превращаются в судей, юристов и следователей.

Важно учитывать причины, согласно которым те или иные факты отправляются для расследования. В ЮАР, например, этический комитет возбуждает запросы против членов парламента, нарушивших правила самостоятельно. В других системах, таких, как Великобритания до 2009 года, комиссар по стандартам мог только подавать жалобы насчет членов парламента, но эти жалобы могли быть представлены на рассмотрение другим парламентариям или членам широкой общественности.

Различие между традиционным и расширенным пониманием этических правил и содержания парламентского поведения постепенно начинают стираться. Это происходит потому, что этические правила устанавливают более широкие стандарты допустимого поведения во всех областях общественной жизни.

Определение правовых механизмов и видов наказания может состояться только в контексте политической системы и специфических проступков. Но каков бы ни был выбор системы парламентского регулирования, он должен быть поддержан парламентом и общественностью. Система этического регулирования должна быть законной, независимой и соразмерной.

Рассмотрим на примере некоторых парламентов, как осуществляются три вышеуказанные модели регулирования.

Внешнее регулирование парламентской деятельности осуществляется в Тайване и Индии. В этих странах против членов парламента могут быть возбуждены судебные иски, они могут лишаться парламентского иммунитета и суверенитета, причем эти вопросы также решаются *не в парламенте*. Пример внутрипарламентского регулирования – такие страны, как США и Германия. В случае нарушения этических правил, доклады о нарушении *представляются в специальный этический комитет* или отдел, который и занимается их расследованием. В таких странах, как Великобритания и Ирландия, вопросами парламентской этики занимается *независимый контролер* (комиссар по этике), который проводит расследование нарушения, результаты представляются в

комитет или отдел по этике, который выносит решение о дальнейших действиях по отношению к нарушителю, или о санкциях за нарушение.

Роль такого контролера (комиссара по этике) в этической культуре парламента является важной и ответственной. Это не только функции по аналитическим расследованиям нарушений этических стандартов, но и *определение* или *отказ* от расследования пустых или политически мотивированных дел, обучение парламентариев стандартам поведения и продвижение этих стандартов, а также создание этического режима – трактовка законов и работа по профилактике нарушений. Кроме того, Комиссар по этике выполняет функции обучения парламентариев стандартам поведения и их прояснения, а также трактует непонятные пункты правил²¹⁹.

Основным понятием в этическом режиме считается прецедент «*конфликта интересов*». Необходимо понимать, что парламентарии часто вынуждены лавировать между различными интересами, включая интересы, касающиеся религиозных, гендерных, земляческих вопросов, а также интересов политических партий. Поэтому необходимо отметить, что конфликт интересов – это не то же самое, что коррупция или неэтичное поведение, однако, он создает большое количество потенциальных сложностей, которые должны пониматься и осознаваться членами парламента.

Задача этического режима – показать, какие интересы могут привести к неэтичному поведению. Окончательная задача этического режима – убедить парламентариев в том, что они должны всегда *служить* общественным интересам. В некоторых конституциях, как, например, в конституции Руанды, об этом говорится напрямую – что члены парламента не должны руководствоваться ничем, кроме интересов нации. Хотя, «национальный интерес» – суждение субъективное. Все политики считают, что только их партия может продвинуть национальные интересы, хотя государственная политика может существенно расходиться с ними.

²¹⁹ По материалам сайта Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией. (Электронный ресурс). – URL: <http://www.gorasnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013).

Восприятие конфликта интересов связано с влиянием таких факторов, как традиции национальной культуры. Во многих обществах дарение подарков воспринимается как традиционная часть политической практики. Национальная культура может использоваться как оправдание взяточничества и подкупа. Проблема заключается в том, что любой подарок может повлиять на последующие решения или предпочтения. Поэтому этические правила должны включать в себя примеры различных случаев конфликтов интересов.

Однако, все вышесказанное индивидуально для каждого отдельного государства, для каждой политической модели и национальной культуры, и нельзя предугадать многих ситуаций, даже исходя из того, что написано в правилах. По этой причине этика и режим поведения включают правило, которое предписывает политикам быть осторожными в любых случаях, когда они принимают подарки.

Интерпретация правил должна вписываться в юридическую систему, в которой эти правила действуют. В конгрессе США законодатели ожидают лоббирования государственных грантов для интересов округов, в то время как Вестминстерской системе членов парламента обычно предостерегают от участия в прямом влиянии на финансовые предпочтения – их заинтересованность рассматривается как чрезмерное влияние и как сужение общественных интересов до предела отдельно взятого округа. В этом случае член парламента должен озвучить свою заинтересованность в тех или иных вопросах.

Очевидно, что этика и режим поведения не может быть универсальным для всех парламентариев. Его выполнение обусловлено пониманием самого духа правил, и внимательностью парламентариев. По этой причине, консультирование политиков – с целью обозначения понимания сущностного назначения правил – является очень важным.

Если обобщить вышесказанное, то можно выделить те личные интересы, которые могут повлиять на принятие решений. Законодатели должны соблюдать баланс ряда личных и общественных интересов, касающихся:

- 1) самих себя;
- 2) их семей;

- 3) их этнического сообщества;
- 4) их избирателей;
- 5) их политической партии;
- 6) их общественного положения;
- 7) иных интересов в профессиональной сфере.

Существуют различные пути предотвращения конфликта интересов. Это, во-первых, обеспечение правилами, направленными на предотвращение конфликта интересов, и, во-вторых, стратегия собственного поведения парламентария.

Правила, предотвращающие конфликт интересов включают в себя три основных аспекта – прозрачность, ограничения и запреты. *Прозрачность* правил проявляется в поиске посторонних интересов. Этот поиск включает в себя консультативную и просветительскую деятельность по трактовке правил, касающихся конфликта интересов, различные образовательные программы по профессиональной этике, мониторинги по обнаружению посторонних интересов в парламентской деятельности.

Одним из наиболее наглядных примеров принципа прозрачности является *декларирование* интересов. Декларирование условно можно разделить на два вида: добровольное декларирование и обязательное декларирование. Добровольное декларирование – это объявление парламентарием о возможном конфликте интересов. Подобное объявление может быть обоснованием добровольного отказа парламентария от участия, например, в голосовании за тот или иной законопроект, в котором могут быть затронуты его личные интересы. Добровольное декларирование интересов применяется также иногда и при так называемом «честном лоббировании». Обязательное декларирование финансов или недвижимости существует практически во всех парламентах, и помогает определить степень личной заинтересованности парламентария в тех или иных случаях.

Цель декларирования – осветить потенциальный конфликт интересов. Декларации интересов или принятой позиции, подаются в регулярные временные

промежутки. Декларации интересов могут подаваться в установленном порядке или по мере необходимости, чтобы заявить о своей заинтересованности перед обсуждением того или иного вопроса. Это подразумевает, что во время работы в парламенте проводится учет всех интересов членов парламента. Подобная практика облегчает определение скрытых интересов парламентариев, а также позволяет следить за их доходами.

В декларациях, как правило, регистрируются активы, доходы, подарки и путешествия. Активы подразумевают под собой собственность, акции, управление, фонды, партнерство и т.д. Доходы: в некоторых странах предполагается декларировать доходы от любой деятельности, кроме парламентской. Однако, в других странах, многие парламентарии сочетают работу в парламенте с иными профессиями, такими, как журналистика, медицина или юриспруденция. В этих случаях, парламентарии заявляют, на кого они работают, и какой доход с этой работы имеют. Также в декларациях надо указывать доходы от спонсорства или оплачиваемой службы. Подарки и путешествия: требования декларировать подарки или путешествия есть в большинстве парламентов. В некоторых странах, например, в Аргентине, наложен запрет на все подарки, так или иначе, связанные с позициями члена парламента. В Австралии членам парламента позволено принимать подарки, если они не представляют прямого конфликта интересов. В Великобритании подарки позволены, и не должны быть задекларированы, если не связаны с членством в парламенте. Однако, они не должны превышать одного процента от заработной платы парламентария, и их стоимость должна декларироваться в регистре интересов. В США подарки стоимостью более ста долларов не могут быть приняты государственными служащими.

Аргументы против декларирования конфликта интересов, как правило, строятся на том, что подобные декларации не согласуются с принципами парламентского иммунитета. Однако цель парламентского иммунитета заключается в том, чтобы член парламента имел достаточно свободы для полного выполнения своих обязанностей, которые могут вовлечь его в конфликт с

различными государственными институтами. При этом член парламента должен выполнять их безо всякого опасения быть подвергнутым каким-либо гонениям со стороны власти. «Парламентский иммунитет должен быть функциональной частью парламента, защищать парламентария от политически мотивированных преследований, но при этом и внушать уверенность, что парламентарии подотчетны закону»²²⁰ (Перевод мой – Ю.Н.).

Несмотря на то, что схемы *парламентского иммунитета* различны, они имеют тенденцию следовать либо *французской модели неприкосновенности*, либо *британской модели неподотчетности*.

Британская модель неподотчетности защищает свободу речей членов парламента. Это означает, что депутаты не могут преследоваться за какие-либо мнения или голосования в ходе парламентской работы. Данное правило распространяется и на свидетелей в парламентских слушаниях. В некоторых случаях это также касается и действий вне парламента, таких, как работа с избирателями, при условии, что это может определяться как парламентская работа.

Французская система неприкосновенности – более широкая форма парламентского иммунитета. Здесь избранные депутаты не могут преследоваться за какие-либо криминальные действия, кроме тех, в которых они были уличены. Существуют три главных формы неприкосновенности. В системе с вестминстерским стилем председатель парламента просто уведомляет об аресте любых членов парламента. В некоторых странах (Либерия, Сьерра-Лионе, Норвегия) члены парламента не могут быть арестованы по дороге в парламент. Однако, в большинстве других стран, члены парламента не могут быть подвержены преследованию в течение срока действия парламентского мандата, без одобрения парламента.

Принцип парламентского иммунитета наиболее важен в тех парламентах, которые существуют в пост-конфликтном обществе.

²²⁰ Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией (Электронный ресурс). – URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013)

В мире более распространенной является модель иммунитета, основанная на принципе «неподотчетности», в силу большей конкретности и лимитированности, чем принцип «неприкосновенности», это объясняется тем, что многие страны опасаются, что защита членов парламента от преследования будет использована в коррупционных целях и злоупотребления властью.

Главный принцип парламентского иммунитета подчинен защите политической позиции парламентария, а не его индивидуальных интересов.

Ограничения. Предполагается, что правила по предотвращению конфликта интересов должны быть сформированы так, чтобы *минимизировать* возможность ситуации конфликта интересов. Например, это касается правил на ограничение на последующее трудоустройство.

Так, по окончании парламентского срока, ограничению на последующее трудоустройство подвергаются такие группы парламентариев, как: бывшие парламентарии, которые могут использовать конфиденциальную информацию, приобретенную в период работы для персональных выгод или выгод посторонней организации; бывшие парламентарии, которые могут повлиять на государственных служащих. Чаще всего это ограничение касается министерских должностей, так как существует риск использования полученной информации в личных целях, особенно, в вопросах, связанных с бизнесом. Кроме того, ограничения распространяются и на совмещение должностей во время работы в парламенте, что также делается ради предотвращения конфликта интересов. Так, например, запрет на совмещение должностей действует во многих странах в таких профессиях, как вооруженные силы, службы охраны, гражданские служба и различные должности в суде. В некоторых странах также существует запрет на работу в парламенте представителей духовенства. Во всех этих случаях предполагается сложение полномочий до прихода на работу в парламент. В некоторых странах парламентариям в период парламентского срока запрещено совмещать любые профессии, кроме научной, преподавательской или писательской деятельности. Ограничение трудоустройства после окончания срока работы в парламенте.

Запрет на определенные действия в парламенте и вне парламента. Эта группа правил, направленная на предотвращение конфликта интересов наиболее многочисленная и подробная.

Анализируя документы, касающихся парламентского режима, на примере таких демократических стран, как Великобритания, Индия, Чехия, мы исходили из того, что это - страны с разным уровнем демократического развития, с разными культурными и историческими традициями, с разным парламентским опытом. Поэтому на их примере можно определить эволюцию этических систем и проанализировать факторы, влияющие на их развитие²²¹. В Великобритании существует кодекс парламентской этики, четкие правила депутатского поведения и регулирующий орган (комитет по нормам и привилегиям). Депутаты обязаны декларировать свое финансовое положение не позднее 3 месяцев после вступления в должность. В Великобритании необходимо декларировать любой подарок, связанный с их должностью, стоимостью свыше 125 фунтов стерлингов. То же правило распространяется на членов их семей. Также декларируются любые выплаты, превышающие полпроцента от суммы жалования. Если зарубежная поездка оплачивается не депутатом, эти средства подлежат декларированию. При поездках по стране декларируется проживание и транспортные расходы.

«*Реестр интересов*», существующий в Великобритании, заполняется депутатами ежегодно. После заполнения он подается в специальный регулирующий орган – комитет по нормам поведения и привилегиям. Реестр интересов ежегодно публикуется. В «Реестре интересов» необходимо давать информацию о побочной работе, о лицах, которых консультирует член парламента. Во время парламентских слушаний депутат обязан сделать заявление о личной заинтересованности, если тема голосования затрагивает его личные интересы. Депутатам запрещено брать плату за выступление в парламенте, за снятие вопросов с обсуждения, за голосование, депутатский запрос и проч. Существуют ограничение на совмещения должностей. Депутат не может

²²¹ Парламентская этика: сравнительный анализ. М.: Нац. Демократич. ин-т междунаодн. отношений, 2000.

одновременно занимать должность в полиции, вооруженных силах, быть священником, государственным служащим.

Таким образом, в Великобритании все вышеперечисленные правила реализуют основные принципы депутатской деятельности. Это, во-первых, «Семь принципов для публичной сферы», общие тезисы правил поведения, обращенные ко всем публичным деятелям. Во-вторых, это «Кодекс поведения членов парламента», рассматривающий семь принципов в контексте парламентской этики. В-третьих, «Комитет по стандартам в публичной сфере» обеспечивает этическое регулирование депутатской деятельности. Однако для регулирования нарушений, происходящих в рамках парламента как корпорации, существует Парламентский уполномоченный по этическим нормам.

В Индии нет отдельного этического кодекса для депутатов. Этический режим во всех сферах публичной политики призван обеспечивать «Закон о борьбе с коррупцией», определяющий в качестве возможной санкции уголовное наказание. Как и в Великобритании, требования соблюдения этических принципов индийскими депутатами вплетены в общую политическую систему. Закон запрещает депутатам брать любое денежное вознаграждение. Расследование дел о коррупции возлагается на Центральное бюро расследований и особых судей. Тем не менее, принятие подарков не запрещено, что обусловлено, по всей видимости, культурными и историческими особенностями. Финансовая информация не декларируется и становится достоянием общественности только в случаях, когда ведутся дела о коррупции.

Поведение чешских парламентариев регулирует закон «О действиях, не совместимых с должностью депутата». Согласно этому закону, предметом этического регламентирования является стоимость подарков, а также информация о пакетах акций и недвижимом имуществе, являющихся собственностью депутатов. Депутаты ежегодно заполняют финансовый отчет. Финансовая информация о депутатах открыта для общественности и ежегодно публикуется. В финансовых отчетах содержатся сведения о подарках, стоимость которых превышает зарплату за месяц, о принадлежащих депутатам пакетах акций,

недвижимости. Декларации подают также и супруги. Декларации также подаются председателям палат. В Чехии также, для предупреждения возможного конфликта интересов, действует запрет на совмещение должностей. Депутаты не могут одновременно занимать должности прокурора, судьи, президента. Запрещено использовать служебное положение в связи с коммерческой деятельностью или постоянной работой

В некоторых странах, например в Канаде, парламентская деятельность входит в сферу регулирования правительственной этики. Правительственная этика включает в себя принципы, правила и процедуры. Принципы и правила находят свое выражение в Кодексе разрешения конфликта интересов и в Кодексе поведения лоббистов. Правительственная этика в Канаде направлена, в первую очередь, на предупреждение возможного конфликта интересов. С предупреждением конфликта интересов связаны декларирование финансовой информации депутатов и членов их семей, запрет на совмещение должностей, ограничение на трудоустройство по истечении срока полномочий. В сферу этического регулирования парламентской деятельности в Канаде входят и правила, касающиеся деятельности лоббистов. Контроль за применением Кодекса разрешения конфликта интересов, а также контроль за достоверностью данных финансовых деклараций осуществляет Советник по этике при правительстве Канады²²².

Пути разрешения конфликта интересов через *собственную стратегию предотвращения конфликта интересов*, по мнению Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией, заключаются в следующих трех принципах:

1. Умение идти на компромисс, невзирая на собственные пристрастия
2. Законодатели должны решить, как сохранить оптимальный баланс между личными и общественными интересами

²²² Апресян Р.Г. Этика в Канаде, этика в России: современная диспозиция. Ведомости. Вып. 24: Политическая этика: социокультурный контекст / Под ред. В.И. Бакштановского и Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИПЭ, 2004. С. 128-138.

3. Кодекс поведения должен служить основой для оптимального решения²²³.

Об этом упоминает и Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией: «Никакие правила не могут быть эффективными для тех, кто самостоятельно не желает соблюдать дух этих правил, и никакое правило не может предвидеть все возможные случаи человеческой изобретательности

Кодекс поведения формулируется как можно проще и прямее. Его успех зависит целиком и полностью от честности и чувств тех, кому они предназначены. Следовательно, верное следование правилам зависит только от самих парламентариев» (Перевод мой – Ю.Н.)²²⁴.

Таким образом, несмотря на рекомендацию руководствоваться кодексом поведения, то есть, нормативной основой при принятии решения по поводу выбора между частными и общественными интересами, Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией, признает тот факт, что в принятии этого решения не менее важная роль должна отводиться индивидуальной этике парламентариев. Пути формирования индивидуальных этических представлений определено *этическим образованием*, которое так же, как и этический режим, является неотъемлемой частью парламентской культуры.

Этическое образование

Выше мы рассмотрели различные правила, включенные в этический режим в форме кодексов поведения парламентариев. Было установлено, что кодекс поведения призван создавать политическую культуру, которая включает в себя корректность, уместность, прозрачность и честность поведения парламентария. Тем не менее, одно лишь наличие кодекса поведения не подразумевает, что такое поведение сформируется само по себе.

Цель этического режима – утверждение четких стандартов поведения среди парламентариев. Развитие этики и режима поведения подразумевает большее, чем просто написанные правила или принципы и нормы регулирования. Это означает

²²³ Там же.

²²⁴ Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией (Электронный ресурс). – URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013).

политическое согласие с самой целью этического режима и построение культуры его поддержания.

Парламентарии должны быть вовлечены в процесс развития этического режима на каждом его этапе. Это может быть достигнуто многими путями. Начальный путь – установление принципов этического поведения через дебаты и дискуссии. На более поздних стадиях формирования этического режима более эффективно давать поручения по написанию правил особым комитетам, но это, опять-таки, должно осуществляться, после проведения дебатов, консультаций и дискуссий, объясняющих эти правила.

Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией устанавливает следующую систему построения этической культуры, которая разбита на несколько стадий.

Первая стадия – это построение коалиции для изменений внутри парламента, вокруг нужд этики и режима поведения. Построение такой коалиции может быть спровоцировано внешними факторами: политическим кризисом, инцидентами, связанными с коррупцией, или вопросами, касающимися доверия общества к парламенту. Политики должны понимать, для чего нужна эффективная этическая система, и что необходимо для ее формирования.

Вторая стадия построения этической культуры – достижение соглашения по поводу этических принципов. Этот этап очень важен по следующим причинам. Во-первых, большинство институтов уже имеют определенные ценности, включенные в их уставы или основные законы. Во-вторых, легче найти соглашение насчет основных принципов, чем среди различных элементов правил.

Третья стадия – установление системы регулирования и этического образования членов парламента.

Рассмотрим этапы формирования этической культуры в парламенте более подробно.

Определения целей этики и режима поведения (первая стадия). Во-первых, некоторые страны нуждаются в построении нового и более понятного режима регулирования, который могла бы уточнить и укрепить правила парламентской

этики. Во-вторых, в некоторых странах существует необходимость создания новых правил поведения. Например, в Австралии, дебаты вокруг кодекса поведения были результатом скандалов, связанных с неправильным использованием общественных фондов и уменьшения уровня доверия общества к политикам. В этом случае, создание нового этического режима являются попыткой повышения уровня доверия общества к парламентариям. В-третьих, несмотря на то, что этический режим является инструментом борьбы с коррупцией и неправильным поведением, он также корректирует и другие действия, мешающие работе парламента. Так, часто он выступает как средство укрепления парламентских процедур, и этикета в палатах, работы комитетов, и даже взаимоотношений с избирателями.

В более широком смысле, этический режим необходим членам парламента еще и для того, чтобы понять свои собственные роли. Чаще всего члены парламента встречаются со следующими проблемами, которые мог бы помочь преодолеть этический режим. У парламентариев часто возникают проблемы с пониманием того, как работает институт парламента, особенно, если они избраны впервые. Правила парламентских процедур – это комплексные юридические документы. Они часто сложны для понимания, и интерпретация одной части правил часто зависит от понимания содержания других частей. Хотя в правилах описано, как работает институт, они не рассказывают о том, как нужно себя вести. Они описывают только роли членов парламента, но даже в этом случае являются лишь путеводителем, и редко описывают должное качество работы или ее содержание. Таким образом, члены парламента испытывают потребность в понимании правил парламентских процедур и стандартов поведения.

Самым очевидным выходом из этой ситуации было бы создание процедур вступления в должность новых членов парламента или тренингов для новичков. Несмотря на то, что многие парламентарии не понимают практической значимости таких тренингов, они необходимы, что неоднократно было доказано на опыте, в силу того, что многие новоизбранные парламентарии не знакомы даже с изначальной парламентской терминологией. Во многих парламентах, например,

в парламентах Австралии, Индии, Японии, раздаются путеводители, в которых описываются такие аспекты, как правила дебатов, правила оформления запросов министрам, технические аспекты законов и т.д.

Для дальнейшего развития этической культуры необходимо на первоначальном этапе, во-первых, выделить причину необходимости этического режима, определить его эффективность в решении этой проблемы. Во-вторых, установить, как новая система будет дополнять другие инициативы и, таким образом, изменять представления в понимании правил среди членов парламента, и, в-третьих, определить, какие меры будут наиболее подходящими для достижения целей.

Установление принципов для этики и режима поведения (вторая стадия). Принципы этического поведения служат основой для создания более подробных правил. Парламентарии должны учитывать ряд факторов при определении подобных принципов; 1. общие правила законов или конституции; 2. опыт этических режимов в других парламентах; 3. международные стандарты, такие как конвенция объединенных наций против коррупции.

Этический режим должен опираться на *культурные принципы* парламента; прежде всего на принципы политической культуры. Большинство институтов уже имеют определенные ценности, включенные в законодательство. Некоторые страны уже включили эти принципы в парламентские правила как часть закона или часть конституции.

Международный опыт парламентского режима предполагает следующие принципы, как например 7 принципов публичной политики Великобритании (Комитет по стандартам в публичной сфере):

1. Альтруизм: нужно действовать только в интересах общества, недопустимы финансовые или иные предпочтения для самих служащих, членов их семей или друзей.
2. Прямота: публичные политики должны избегать любых финансовых или иных обязательств, перед организациями, или

частными лицами, которые могут повлиять на них при исполнении служебных обязанностей.

3. **Объективность (беспристрастность):** в делах, включающих решения о сделках, контрактах, назначения на должности, рекомендациях, даваемых частным лицам или организациям, публичные политики должны руководствоваться выбором, основанном на убежденности в реальных заслугах соискателей.
4. **Ответственность (подотчетность):** публичные политики несут ответственность за свои действия перед обществом и должны принимать тот факт, что обществу свойственно критическое отношение к их работе.
5. **Открытость:** Они должны быть открыты, насколько это возможно, во всех решениях и действиях, которые предпринимают, объяснять все свои решения, ограничивать информацию только в случае явной необходимости.
6. **Честность:** они должны декларировать любые частные интересы, относящиеся к их общественному долгу, и делать шаги к разрешению любых конфликтов, возникающих при защите общественных интересов.
7. **Лидерство:** они должны продвигать и поддерживать эти принципы, чтобы лидировать и быть примером для других²²⁵.

Данные принципы необходимы для того, чтобы поддерживать общественное доверие к честности парламентариев в частности, и уважение и доверие общества к парламенту, как к институту; убедить общество в том, что все парламентарии придерживаются стандартов, которые ставят общественный интерес над частными интересами, и продвигать прозрачную систему, благодаря которой общество может судить об эффективности их работы; обеспечивать руководство парламентариями в таком русле, которое разделяло бы их частные и публичные

²²⁵ Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Институт права и публичной политики, 2005.

интересы; воспитать согласие среди парламентариев по поводу установления общих правил.

Другие парламенты имеют стандарты, похожие на семь принципов публичной политики Великобритании. Так, в Уганде главными принципами являются альтруизм, прямота, объективность, ответственность, открытость, честность, и продвижение эффективного управления. В Эфиопии основополагающими принципами являются «лояльность и честность служащих, которые должны служить примером для народа Эфиопии... защита и уважение национальных интересов, и соблюдение престижа и достоинства Палаты»²²⁶.

Необходимо отметить, что существуют международные стандарты требований и правил для парламентариев. Так, путеводитель законодательства по реализации конвенции Объединенных наций против коррупции описывает подход, включающий три этапа, которые устанавливают следующие положения:

- обязательные требования, которым должны следовать государства
- дополнительные требования, которые государства должны принять к рассмотрению
- дополнительные требования, которые государства могут рассмотреть по своему желанию²²⁷.

Система этического регулирования – это больше, чем система наказания. Она может быть эффективна, только тогда, когда члены парламента знают и понимают правила этического режима. Система этического режима должна предупреждать возможные нарушения, она нуждается в ясных правилах, которым удобно следовать. Данная система должна включать этическое образование, заключающееся в обучении трактовке правил этического режима, в советах и руководстве по использованию этих правил.

Процесс развития этики поведения – это становление этической культуры, включающей в себя ясные стандарты поведения, которые доступны для

²²⁶ Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией (Электронный ресурс). – URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013).

²²⁷ Там же.

понимания; к которым члены парламента относятся как к законным основаниям поведения, и понимают необходимость их соблюдения.

В становлении парламентской культуры важна роль *авторитетных лиц*, их поддержка в процессе становления этической системы. Авторитет таких лиц, и их следование правилам этического поведения, порой может дать большие результаты, чем самые точно прописанные правила. Так, председатель парламента может быть ключевой фигурой в развитии этического режима. Так же важна и роль политических партий. Лидеры и авторитетные депутаты от этих партий в начале становления этического режима могут оказать значительную поддержку процессу, приняв участие в этическом образовании членов своей партии.

В этом смысле интересен опыт Индии. Приняв решение о развитии правил этического поведения, этическая комиссия индийского парламента рекомендовала следующее: «Согласованные усилия могли бы укоренить среди парламентариев основные этические ценности... Этическая культура расширяет свое значение, и смысл дисциплины и ответственности должен формироваться в самом парламенте»²²⁸. Комиссия рекомендовала провести семинар, посвященный современному парламенту – с целью самоанализа, в котором участвовали бы лидеры партий, члены этической комиссии, и члены правления парламента. Кроме того, ключевые принципы и правила парламентской этики должны быть открыты для свободного доступа – в статьях и веб-сайтах; книгах и пособиях по толкованию этических правил, в печатной или электронной форме.

Часто парламентарии нуждаются в специальном обучении, когда представляется новая система этического регулирования, или во время парламента нового созыва. Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией отмечает, что такие образовательные программы должны быть включены в процедуры официального введения в должность для всех новых парламентариев. Принятие ключевых ценностей и понимание правил – это старт для формирования этической культуры.

²²⁸ Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией (Электронный ресурс). – URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013).

Еще один элемент в установлении этического поведения – это наличие постоянного источника руководства и советов для членов парламента. Поскольку правила часто бывают сложными для интерпретации, комплексными, парламентарии нуждаются порой в советах экспертов. Часто такая роль отводится комитету по этике, или комиссару по этике.

Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией отмечает, что существуют следующие основные принципы, коррелирующие парламентский режим этического поведения:

1. Эффективность (effectiveness) парламента должна быть утверждена позициями, точками зрения и поведением его членов, в той же степени, что и конституционной властью.
2. Новый этический режим *должен учитывать специфические черты парламента*, определить его специфику. Члены парламента должны понимать, что уважение авторитета и законности этических правил находится в сфере их собственных интересов.
3. Развитие этических правил не должно быть единственной целью этического режима; чтобы правила были эффективны, члены парламента должны включиться в процесс построения институциональных ценностей.

Создание этического режима не может решить всех проблем, которые стоят перед институтом парламентаризма. Принципы, правила и способы регулирования, должны рассматриваться только как одна из частей широкой попытки усовершенствования института парламента.

Таким образом, анализ документов Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией, позволил сделать следующие предварительные выводы. Понятие «этическая культура» включает *этический режим*, состоящий из *принципов, норм и механизмов осуществления правил*, а также *систему этического образования* парламентариев. Не существует универсального этического режима, каждый парламент уникален. Создание режима этики не сможет решить, само по себе, проблем, которые встают перед институтом

парламентаризма. Эти принципы и правила, а также способы регулирования – всего лишь часть более широких попыток улучшения работы института парламентаризма. Успех этического режима заключен не в его наличии, а в том, как он понимается, соблюдается и претворяется в жизнь. Важен не только сам этический режим, но и процесс его созидания и развития.

В конечном счете, каждая этическая система должна быть принята членами парламента. Даже если они согласны не со всеми позициями этой системы, они, по крайней мере, должны уважать ее авторитет. В процессе становления этического режима должны учитываться политические условия страны, культурные ценности парламентского института, и позиции авторитетных членов парламента.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим заключениям. *Этическая культура (Ethics Culture)* – термин, предложенный Всемирной организацией парламентариев против коррупции, обозначающий особую парламентскую систему, включающую в себя как этический режим (*Ethics and conduct regime*), так и систему этического образования. **Этический режим** – это совокупность принципов, норм парламентской деятельности, и механизмов их осуществления и регулирования. **Этическое образование** – это ряд программ, мониторингов, тренингов и мероприятий, направленных на повышение уровня профессиональной этики.

В предыдущей части исследования на основании анализа зарубежных исследований, было установлено, что в англоязычных странах (США, Канада, Англия) практика использования ценностей нацелена на результативность, эффективность деятельности парламентариев, что, обусловлено принципом рационализма, и, в конечном счете, по мнению некоторых исследователей, привело к появлению характерных бюрократических черт в модели общественного служения.

Бюрократическая и демократическая модели общественного служения в современной ситуации редко проявляются в характерном для каждой модели виде. Чаще всего, модели общественного служения имеют и те, и другие черты, но, как

правило, одно заметно преобладает над другим. Для бюрократической модели характерно полное или частичное нивелирование ценностей индивидуальной этики, что приводит к обезличиванию, замкнутости и элитарности государственных служащих, и это само по себе противоречит самой идее общественного служения, построенной на идеалах либерализма и демократии.

Основной проблемой определения содержания современной парламентской этической культуры является *конфликт* между индивидуальной и нормативной этикой, этикой предпочтений и этикой ограничений. «Этические режимы» в большей степени построены на *этике ограничений* и норм. С другой стороны, этическая культура, особенно такая ее часть, как этическое образование, направлена на предупреждение, профилактику возможных конфликтов, таким образом, сама идея этической культуры основывается на *этике предпочтений*. Тем не менее, несмотря на то, что Всемирная организация парламентариев против коррупции заявляет, что эффективность этической культуры зависит лишь от самих парламентариев, отказаться от этики ограничений не представляется возможным. Поэтому некоторые исследователи, такие, как Дж. Гоу, настаивают на том, что этическая культура должна сочетать в себе и индивидуальную, и нормативную этику.

Было установлено, что для верного определения приоритетов и направления парламентской этической культуры, необходимо определить ее базовые ценности, сфокусированные на идее общественного служения, различной для культуры каждого конкретного государства. Как было видно из анализа литературы, западные исследователи выделяют ряд ценностей, которые могут вступать в конфликт друг с другом. Данные ценности определяются, преимущественно, на основании различных нормативных документов, такие как конституции, регламенты, этические кодексы, которые, в свою очередь, базируются на культурно-исторических и религиозных ценностях, определенных национальной формой исторического развития. Поэтому ценности общественного служения, выделенные на основании нормативных документов, не имеют четкой системы и

не являются базовыми, что и определяет их разброс, и в конечном, итоге, – конфликт.

Кроме того методология данной аксиологической модели имеет *несистематический* характер, отчасти, в связи с ее направленностью на эффективность и полезность, с другой стороны, – *отсутствие систематики*, когда ценностный подход основывается только лишь *на ситуативности* как определяющем факторе при выборе ценностей, сами ценности представляют собой некий *набор рядов ценностей*, который необходим как средство *выбора* той или иной ценности для подходящей *ситуации* или контроля, как *возможности ориентироваться в выборе* соответствующего поведения для парламентария. Соответственно, норма превращается в регламент, что не предполагает свободы выбора.

В. Бейрд, главный консультант Комиссии по этике Сената США констатировал факт дискуссии о назначении кодексов, которые базируются на ценностных основаниях. При этом стоял вопрос «принимать какие-либо четкие, детально прописанные правила поведения или ограничиться какими-то общими принципами – «кредо депутата». В результате было принято решение, что необходим *некий набор запретительных правил* (выделено мной – Ю.Н.), которые я называю правилами, предотвращающими искушение». Поэтому, «для того чтобы ограничить возможности подкупа депутатов при исполнении ими своих служебных обязанностей, было принято решение о необходимости введения правила ограничения приема подарков вне зависимости от источника дарения и от того, связано ли дарение с исполнением служебных обязанностей или нет». Как видим, формат «этического стандарта» весьма далек от формата моральной нормы. В подтверждение этого вывода приведем рассуждение одного из участников слушаний, директора правового отдела Фонда развития парламентаризма в России, А.С. Автономова, поддерживающее идею заимствования отечественным парламентаризмом зарубежного опыта разработки формата «этический стандарт», утверждающего, что в основе этого формата – детально расписанные внешние (внеморальные) регулятивы, так как «внешнее

регламентирование людей при всей его формалистичности необходимо». Автор отдает себе отчет, что при создании кодекса в этом формате «моральные нормы ...превращаются в чисто внешние, регулирующие поведение того или иного человека в виде свода правил вне зависимости от того, готов ли внутренне человек к их использованию». И все же заключает, что «такой кодекс, конечно, нужен»²²⁹. Понятно, что соответствующая аксиологическая модель будет создавать *проблемы выбора*, хотя по замыслу ориентирована именно на *свободу выбора*, а не на стандарты, регламентирующие поведение.²³⁰

Именно поэтому нами предлагается **ценностная система**, которая предполагает следующую структуру: 1. **принципы свободы, мира и справедливости, представленных во Всеобщей Декларации прав человека**; соблюдение конституционных ценностей; понимание цели и предназначения института парламентаризма; обеспечение уважения к институту парламентаризма. 2. **нормы** закреплены в кодексах; 3. **механизмы регулирования**: а) через систему правовых норм, посредством этического режима как совокупности норм и принципов, обуславливающих систему мотивации и свободы выбора; б) **этическое образование**: программы этико-правового образования в области конституционного права и прав человека, направленные на *усвоение* этико-правового знания (норм, правил, принципов) с целью повышения *мотивационной составляющей, стимулирующую факторы готовности к пониманию необходимости выполнения соответствующих принципов и волеизъявления* как *установки* к профессиональной деятельности, поступку.

Таким образом, выводы, сделанные в данных параграфах, показали следующую модель парламентской этической культуры (наглядно представленную в *таблице в Приложении* к диссертации (прил. 2, табл. 2).

²²⁹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень, 2005. С. 230.

²³⁰ «Мир идеально-должного, с его морально безупречной мотивацией, взаимодействует с миром реально-должного, с его смешанной по истокам и по итогам мотивацией, оформляясь в «сцеплениях» институциональных и безинституциональных регулятивов, моральных по происхождению и функциям норм, ценностей, санкций и т.п. с множеством иных регулятивов – правовых, политических, экономических» в силу чего актуализируется проблема этической аутентичности инфраструктуры «малых систем», например, профессионально-нравственных кодексов. Отсюда необходимость в процессе этического проектирования профилактировать подмену кодексов «регламентами», «функциональными стандартами» и т.п.». См.: Там же.

Ценности этической культуры формируют *принципы* – принципы формируют *нормы* парламентской деятельности – нормы нуждаются в *механизмах реализации* – не все принципы можно обеспечить механизмами реализации, поэтому для воплощения таких принципов необходимо *этическое образование*; не все нормы могут реализоваться полностью, и тогда этическое образование может помочь их реализации. Так, обозначается следующая модель взаимодействия отдельных ценностей, принципов, норм, механизмов их осуществления и этического образования.

1. Ценности этической культуры публичной политики *1. Всеобщее благо*
Принципы парламентской деятельности человека; уважение и защита прав человека; уважение и защита прав человека; Соблюдение конституционных ценностей; Понимание цели и предназначения института парламентаризма; Обеспечение уважения к институту парламентаризма. **Нормы парламентской деятельности** Данные принципы обязательны для всеобщего исполнения, и нормативно закреплены во Всеобщей декларации прав человека и конституциях государств, а также в преамбулах этических кодексов. **Механизмы осуществления принципов и норм:** Правовая система государства; институт парламентаризма; этический режим в целом. **Этическое образование:** Программы этико-правового образования в области конституционного права и прав человек

2. Ценности этической культуры публичной политики: *Политическое благородство.* **Принципы парламентской деятельности:** соблюдение общественного долга; верность и преданность государству; обязанность перед избирателями²³¹; соблюдение закона²³²; служение обществу. **Нормы парламентской деятельности:** эти принципы нормативно закреплены в таких документах, как Конституция, Регламент Парламента; законы о статусе депутата. **Механизмы осуществления принципов и норм:** правовая система государства; институт парламентаризма; этический режим в целом. **Этическое образование:**

²³¹ Восьмой доклад Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании, ноябрь, 2002.

²³² Кодекс парламентской этики Государственной Думы РФ. Проект от 17 января 2003 года.

Образовательные программы по принятию ключевых ценностей и пониманию правил, Всеобщая организация парламентариев по борьбе с коррупцией рекомендует включить в процедуры официального введения в должность для всех парламентариев.

3. Ценности этической культуры публичной политики: *политическая целостность и полнота.* **Принципы парламентской деятельности** Поддержка идеи парламентаризма как объединенного народного представительства, защита и уважение национальных интересов, соблюдение престижа и достоинства парламента. **Нормы парламентской деятельности** Конституция, Регламент Парламента; законы о статусе депутата. Парламентские этические кодексы. **Механизмы осуществления принципов и норм:** Депутатская неприкосновенность. Предупреждение конфликта интересов. Ограничение на совмещение должностей и последующее трудоустройство. **Этическое образование:** семинары с целью создания этического режима; обмен международным опытом этического регулирования; вступление в международные парламентские ассоциации и объединения; формирование этического кодекса и его постоянное изменение с учетом парламентских реалий.

4. Ценности этической культуры публичной политики *Политическая чистота в отношении к общественному интересу и общественному долгу* **Принципы парламентской деятельности:** Честность, Открытость Прямота Беспристрастность. **Нормы парламентской деятельности:** Конституция; Законы, направленные на борьбу с коррупцией; Общие законы об этике публичных политиков или государственных служащих; Этические кодексы; служащих; Этические кодексы; Регламенты палат; Реестры интересов. **Механизмы осуществления принципов и норм:** Депутатская неприкосновенность. Предупреждение конфликта интересов. Ограничение на совмещение должностей и последующее трудоустройство. **Этическое образование:** Консультативная деятельность Советника по этике или комиссии по этике.

5. Ценности этической культуры публичной политики. *Политическая справедливость*; Политическая мудрость; политическое мужество; политическое самообладание. **Принципы парламентской деятельности:** уважение человеческого достоинства; справедливость и гражданственность; гражданская ответственность; открытость и уважение различий. **Нормы парламентской деятельности:** Правила парламентской этики при работе с избирателями; с государственными органами и должностными лицами; со СМИ; при пребывании в иностранных государствах и встречах с иностранными гражданами. **Механизмы осуществления принципов и норм:** данные добродетели являются индивидуальными и ситуативными политическими добродетелями, поэтому сложно найти правовые механизмы их осуществления. Они могут быть лишь *задекларированы в кодексе*. Это значит, что формирование и поддержка таких добродетелей лежит в сфере этического образования. **Этическое образование:** Программы взаимодействия с избирателями; Семинары, конференции и дискуссии по вопросам гражданственности и терпимости. Программы, направленные на обучение алгоритму принятия оптимальных политических решений.

6. Ценности этической культуры публичной политики: *любовь к ближнему, справедливость и милосердие, направленность на чужую личность и признание ее равного достоинства.* **Принципы парламентской деятельности:** альтруизм; милосердие, сострадание, терпимость **Нормы парламентской деятельности** Всеобщая декларация прав человека; Конституция; общие законы об этике публичных политиков или государственных служащих; этические кодексы. **Механизмы осуществления принципов и норм** Данные добродетели являются индивидуальными и имеют в своей основе *этико-религиозные принципы*, поэтому сложно найти правовые механизмы их осуществления. Они могут быть лишь *задекларированы в кодексе*. Это значит, что формирование и поддержка таких добродетелей лежит в сфере этического образования. **Этическое образование:** семинары, конференции и дискуссии по вопросам

гражданственности и терпимости; программы этико-правового образования в области конституционного права и прав человека

7. Ценности этической культуры публичной политики: политическая надежность и верность, влияние на политическую систему с позиций справедливости; поддержка общественного доверия; служба общественному интересу направленность на чужую личность и признание ее равного достоинства. **Принципы парламентской деятельности:** Верность принципам политической справедливости; надежность и верность по отношению к избирателям. Верность интересам своей политической партии **Нормы парламентской деятельности:** Конституция, Регламент Парламента; законы о статусе депутата. Парламентские этические кодексы Правила парламентской этики при работе с избирателями; с государственными органами и должностными лицами, преамбулы этических кодексов; Программные документы политических партий. **Механизмы осуществления принципов и норм:** Данные добродетели являются индивидуальными и имеют в своей основе этико-религиозные принципы, поэтому сложно найти *правовые механизмы* их осуществления. Они могут быть лишь задекларированы в кодексе. Это значит, что формирование и поддержка таких добродетелей лежит в сфере этического образования. **Этическое образование:** семинары, конференции и дискуссии по вопросам гражданственности и терпимости; программы этико-правового образования в области конституционного права и прав человека.

8. Ценности этической культуры публичной политики: Политическая надежность и верность, влияние на политическую систему с позиций справедливости; поддержка общественного доверия; служба общественному интересу. **Принципы парламентской деятельности:** Верность принципам политической справедливости; надежность и верность по отношению к избирателям. Верность интересам своей политической партии **Нормы парламентской деятельности:** Конституция, Регламент Парламента; законы о статусе депутата. Парламентские этические кодексы Правила парламентской этики при работе с избирателями; с государственными органами и должностными

лицами, преамбулы этических кодексов; программные документы политических партий. **Механизмы осуществления принципов и норм:** Присяга на верность; торжественное обещание, клятва, или заявление о верности при вступлении в должность; Депутатские запросы. Наказы избирателей. Предупреждение конфликта интересов. Ограничение на совмещение должностей и последующее трудоустройство Доступ общественности к декларации. **Этическое образование:** Консультативная деятельность Советника по этике или комиссии по этике Программы взаимодействия с избирателями. Семинары, конференции и дискуссии по вопросам гражданственности и терпимости. Образовательные программы по принятию ключевых ценностей и пониманию правил, предлагающиеся для изучения в начале депутатского срока.

9. Ценности этической культуры публичной политики: Политическая правдивость и искренность. **Принципы парламентской деятельности:** открытость, подотчетность и объективность. **Нормы парламентской деятельности:** Нормативные акты и документы, касающиеся вопросов декларирования финансовой информации (например, Реестр интересов в Великобритании) Законы, направленные на борьбу с коррупцией. Правила взаимоотношений со СМИ. **Механизмы осуществления принципов и норм:** Депутатская неприкосновенность. Декларирование недвижимости, финансов, подарков, в том числе, принадлежащих ближайшим родственникам. Доступ общественности к декларации. Процедура заявления о личном интересе (честное лоббирование). **Этическое образование:** Консультативная деятельность Советника по этике или комиссии по этике

10. Ценности этической культуры публичной политики *Совесть и сознание вины.* **Принципы парламентской деятельности** открытость, подотчетность, честность, прямота, беспристрастность. **Нормы парламентской деятельности:** правила досрочного сложения полномочий; правила «честного лоббирования». **Механизмы осуществления принципов и норм:** добровольное сложение полномочий. Процедура заявления о личном интересе (честное

лоббирование). **Этическое образование:** консультативная деятельность Советника по этике или комиссии по этике.

11. Ценности этической культуры публичной политики: Любовь к дальнему Программы этико-правового образования в области конституционного права и прав человека; образовательные программы по принятию ключевых ценностей и пониманию правил. **Принципы парламентской деятельности:** ответственность перед будущими поколениями. **Нормы парламентской деятельности** Общие положения кодексов парламентской этики Программные документы политических партий. **Механизмы осуществления принципов и норм:** присяга на верность; торжественное обещание, клятва, или заявление о верности при вступлении в должность или при вступлении в политическую партию. Наказы избирателей. **Этическое образование:** Программы этико-правового образования в области конституционного права и прав человека. Образовательные программы по принятию ключевых ценностей и пониманию правил.

12. Ценности этической культуры публичной политики: *дарение и принятие дара, дар и благодарность.* **Принципы парламентской деятельности:** открытость и прямота **Нормы парламентской деятельности.** Законы, направленные на борьбу с коррупцией; общие законы об этике публичных политиков или государственных служащих; этические кодексы; регламенты палат; реестры интересов. **Механизмы осуществления принципов и норм:** декларирование подарков, выходящих за границы определенной стоимости. **Этическое образование:** консультативная деятельность Советника по этике или комиссии по этике.

13. Ценности этической культуры публичной политики. Профессиональная ответственность и долг. **Принципы парламентской деятельности:** беспристрастность. Профессиональное мастерство, лидерство. Эффективность. **Нормы парламентской деятельности:** общие положения кодексов парламентской этики. **Механизмы осуществления принципов и норм:** механизмы осуществления данных принципов лежат в сфере этического

образования. **Этическое образование:** программы этико-правового образования в области конституционного права и прав человека; образовательные программы по принятию ключевых ценностей и пониманию правил. Программы, направленные на обучение алгоритму принятия оптимальных политических решений. Консультативная деятельность Советника по этике или комиссии по этике. Мониторинги, направленные на определение профессиональных ценностей; программы повышения квалификации. Лекции по истории парламентаризма и парламентской этике.

14. Ценности этической культуры публичной политики: Ценности внешнего обхождения (ценности парламентского поведения. **Принципы парламентской деятельности:** уважение к многообразию мнений; свобода слова; охрана репутации; поддержание авторитета депутата и авторитета парламента; соблюдение собственного и чужого достоинства²³³. Лидерство в установлении высоких этических стандартов (депутаты должны собственным примером продвигать принципы этического поведения: «Люди ожидают, что парламент подаст пример в виде собственной системы регулирования»)²³⁴. **Нормы парламентской деятельности:** правила поведения на заседаниях палаты, в комитетах и комиссиях. Правила поведения во время парламентских слушаний. Правила внутреннего распорядка парламента. Парламентский регламент. **Механизмы осуществления принципов и норм:** Лишение слова или права голосования на одно или на несколько заседаний; моральное осуждение. **Этическое образование:** Консультативная деятельность Советника по этике или комиссии по этике Дискуссии, обсуждения, семинары по вопросам, связанным с нарушением принципов и правил депутатского этикета; ситуационный анализ и разбор конфликтных ситуаций.

Проведем презентацию данной модели этической культуры публичной политики. Представленная модель является *условной*: базовые ценности

²³³ Кодекс парламентской этики Государственной Думы РФ. Проект от 17 января 2003 года.

²³⁴ Восьмой доклад Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании, ноябрь, 2002.

парламентской/политической деятельности могут быть различными в разных государствах.

1. *Ценности всеобщего блага, политического благородства и политической целостности и полноты* являются базовыми для парламентской этической культуры, определяют основную идею парламентаризма. *Принципы*, сформированные этими ценностями (принципы свободы, мира и справедливости; уважения и защиты прав человека; соблюдения конституционных ценностей; понимания цели и предназначения института парламентаризма; обеспечения уважения к институту парламентаризма; соблюдение общественного долга; верность и преданность государству; поддержка и соблюдение закона; обязанность перед избирателями; служение обществу) представлены в общем виде во Всеобщей декларации прав человека; в конституциях; в основных государственных законах.

2. Наибольшей *нормативной регуляцией* подвергаются следующие ценности: политическая чистота в отношении к общественному интересу и общественному долгу; политическая надежность и верность, влияние на политическую систему с позиций справедливости; поддержка общественного доверия; служба общественному интересу; политическая правдивость и искренность; дарение и принятие дара, дар и благодарность; дар и благотворительность. Базовой ценностью с позиции этики *ограничений* является *политическая чистота* в отношении к *общественному интересу и общественному долгу*. Эта ценность включает в себя дополнительно уже такие нормативно регулируемые ценности, как политическая надежность и верность, влияние на политическую систему с позиций справедливости; поддержка общественного доверия; служба общественному интересу; политическая правдивость и искренность; дарение и принятие дара, дар и благодарность; дар и благотворительность. Все эти ценности можно обозначить как ***ценности нормативной этики парламентской/политической деятельности***. Таким образом, сформированные на основании этих ценностей принципы (честность, открытость, прямота; беспристрастность; верность принципам политической справедливости;

надежность и верность избирателям; верность интересам своей политической партии подотчетность и объективность) требуют продуманной и четкой нормативной регуляции, и, в большей степени, чем другие принципы должны быть обеспечены *правовыми* механизмами регуляции.

3. Наименьшей нормативно-правовой регуляции подвержены такие ценности, как: а) политическая справедливость; политическая мудрость; политическое мужество; политическое самообладание; б) любовь к ближнему, справедливость и милосердие, направленность на чужую личность и признание ее равного достоинства; в) профессиональная ответственность и долг. В данном случае более высокими являются *ценности политической справедливости, мудрости, мужества и самообладания* – они могут включать в себя такие ценности, как *любовь к ближнему, справедливость и милосердие*, направленность на чужую личность и признание ее равного достоинства; профессиональную ответственность и долг. Эти ценности можно условно обозначить как *ценности индивидуальной этики парламентской / политической деятельности*. Сформированные на основании этих ценностей принципы (уважение человеческого достоинства; справедливость и гражданственность; гражданская ответственность; открытость и уважение различий; альтруизм; милосердие, сострадание, терпимость) требуют развития системы этического образования.

4. Такие ценности, как совесть и сознание вины; любовь к дальнему; ценности внешнего обхождения (ценности парламентского поведения) – имеют качества как нормативной, так и индивидуальной этики. Данные ценности формируют такие принципы, как открытость, подотчетность, честность, прямота, беспристрастность, ответственность перед будущими поколениями; уважение к многообразию мнений; свобода слова; охрана репутации; поддержание авторитета депутата и авторитета парламента; соблюдение собственного и чужого достоинства; лидерство в установлении высоких этических стандартов. Эти принципы требуют не только нормативно-правового обеспечения, но и поддержку системой этического образования. Очевидно, что этическое образование необходимо для поддержания большинства ценностей этической культуры, и

обеспечения действенности ее принципов, некоторые из которых никак не подпадают под нормативное регулирование.

Итак, на данном этапе исследования было проанализировано *нормативное содержание* современной парламентской культуры, определена ее *ценностная структура* (нормы, принципы, регуляция), *основные элементы конкретизации* нормативности (*этический режим*: правила, процедуры, кодификация – этические кодексы) и *образование*, как *способ проецирования* нормативности в *практику* парламентской деятельности на примере парламентов таких стран как Австралия, Аргентина, Великобритания, Германия, Ирландия, ЮАР и др., в их национально-культурном и политическом своеобразии.

Анализ парламентских документов, основанных на *международном опыте* различных стран, позволил выделить такие понятия, характерные для *парламентской практики* как *этическая культура (Ethics Culture)* – особая парламентская система, включающая в себя как *этический режим (Ethics and conduct regime)*, так и систему *этического образования*.

Этический режим – это совокупность принципов, норм парламентской деятельности, и механизмов их осуществления и регулирования. **Этическое образование** – это ряд программ, мониторингов, тренингов и мероприятий, направленных на повышение уровня профессиональной этики.

Рассмотрены черты понятия *этической культуры в контексте этического режима*, на примере парламентов различных стран, в связи с чем было подчеркнуто культурно-национальное и политическое разнообразие подходов. С другой стороны, нами были вычленены *общие характеристики* в формировании *стадий (ступеней) становления этической культуры*: а) создание коалиции для изменений внутри парламента и формирование понимания эффективности этической системы; б) достижение соглашения по поводу этических принципов; в) установление системы регулирования и этического образования членов парламента. Выделены *общие принципы* публичной политики (альтруизм, прямота, объективность, открытость, ответственность, честность, лидерство), международные требования и стандарты; основные принципы этического режима

В исследовании представлена *условная* модель этической культуры парламентаризма, которая включает в себя *синтез* правовых и моральных нормативов, подчиненных *идее всеобщего блага*. В целом, этическая культура парламентаризма обусловлена системой моральных ограничений. Это означает, что внешние правила, кодексы и нормы являются средством ограничения поступков, не соответствующих идеям и нормам профессиональной деятельности парламентария. Поэтому можно утверждать, что модель этической культуры обусловлена *этикой ограничений*. Этика ограничений является *условием и содержанием* этического режима.

4.2. Практики образования человека в парламентской культуре

В данном параграфе будет рассмотрен феномен *этического образования*, являющегося частью аксиологической модели парламентской культуры, определяющий пути совершенствования, профилактики и корректировки профессиональной деятельности парламента и парламентария.

Этическое образование представляет собой систему консультативной помощи, тренингов и мероприятий, направленных на поддержание и развитие «этического режима» в парламенте. Рассмотрение феномена этического образования предполагает: анализ этико-философского обоснования идеи этического образования; выявление модели уровней этического образования в парламентской этической культуре; рассмотрение формы парламентского этического образования: способы разрешения дилемм профессиональной этики (на основании алгоритма определения этических критериев решения); способы разрешения парламентских конфликтов (на основании ситуационного анализа); консультативную деятельность Советника по этике (на основании международного парламентского опыта).

Этическое образование играет важную роль в предотвращении и профилактике возможных нарушений и конфликтов в парламенте, в нахождении верного, с нравственной точки зрения решения, в поддержании этических норм парламентской деятельности. Таким образом, этическое образование является

важной частью парламентской этической культуры и дополняет «этический режим».

Понятие «этического образования» в литературе о парламентской этической культуре четко не сформировано. Мы выделили это понятие, обозначив, «этическое образование» как комплекс мер, которые, помимо «этического режима», направлены на профилактику нарушений, консультационную деятельность по этическим вопросам, различные образовательные программы этического характера. Выделение нами понятия «этического образования» сделано на следующем основании. Как было показано в предыдущих параграфах, этический режим содержит характеристики дисциплинарной этики, что, по замечаниям некоторых исследователей, порождает поиск виновных, несущий за собой пагубные последствия: «Поиск вины заставляет забывать о недостатках системы, породившей нарушения, не обращать на них внимания. Возможно, было бы более целесообразно делать акцент на реформах системы и организаций, чем только на одних наказаниях и атмосфере страха»²³⁵.

В то же самое время, цель этической культуры, как уже было сказано в предыдущих частях данного исследования – предотвращение, а не наказание²³⁶. Следовательно, только этического режима недостаточно для полноценной системы парламентской этики; этическую культуру образует не один только этический режим, но и вся другая деятельность, имеющая не дисциплинарный, а *профилактический* характер. Меры, предотвращающие возможные нарушения, и формирующие этическую культуру, этическую инфраструктуру в парламенте, характеризуют разные исследователи, например, как контроль за предосудительными действиями; координация, управление и оценка этических программ. Эти меры, наряду с нормами, принципами и механизмами их регулирования, являются частью этической инфраструктуры²³⁷.

²³⁵ Gow J.I. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

²³⁶ Парламентская этика: сравнительный анализ. М., 2000.

²³⁷ Gow J.I. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

Некоторые исследователи подчеркивают значимость этического самообразования парламентариев, которое достигается посредством таких мероприятий как: проведение семинаров, дискуссий и консультаций по проблемам этики, справедливо полагая, что: « этический режим сам по себе не может разрешить проблему неэтичного поведения, он также не может помочь найти универсальные решения в каждой конкретной ситуации; в этических нормах всегда будут пункты, сложные для трактовки» ²³⁸. Все эти меры преследуют цель познакомить парламентариев с этически верными направлениями принятия решений в ситуации выбора.

Таким образом, та часть парламентской этической культуры, которая не обладает чертами дисциплинарной этики, имеет следующие *характеристики и функции*: 1) функции *профилактики правонарушений, консультаций*, так как возникает перманентная необходимость консультирования по проблемам нормативности, а также в связи с ситуациями индивидуального морального выбора, не подпадающих под нормативное регулирование; 2) характеризуется чертами: открытости, корпоративной идентичности, взаимной поддержки и самообразования, потому что парламентарии сообща могут разрешать конфликты ценностей и конфликты интересов, посредством дискуссий и семинаров.

Как можно заметить, этическая культура нацелена на формирование политических ценностей и добродетелей, наличие которых обеспечивает соблюдение принципов и норм парламентской этики. Но тут возникает вопрос – не надумана ли эта цель? Возможно ли обучение добродетели?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к определению сущности добродетели как цели обучения, и, в частности, политическим/парламентским добродетелям.

Античная традиция понимания добродетели как знания, со времен Сократа, говорит о том, что добродетели можно научиться, поскольку зло делается не ради самого зла, а из-за непонимания и незнания блага (рационалистический подход к

²³⁸ Power G. A Guide for Parliamentarians/Global Task Force on Parliamentary Ethics. Paper prepared by Westminster Foundation for Democracy (WFD). (Электронный ресурс) URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013).

пониманию добродетели). Платон, в диалоге «Менон», устами Сократа, поставил вопрос о происхождении добродетелей, о возможности обучения добродетели²³⁹. В диалоге «Менон» формулируется основная дилемма обучения добродетели. С одной стороны, если добродетель – это нечто привнесенное извне, то тогда ей можно научить, однако в этом случае нужно признать, что добродетель придумана человеком, а раз так, то ее содержание относительно, и, по этим причинам, добродетель нельзя определить обязательной к принятию и исполнению. В этом случае, стираются ценностные границы зла и блага. С другой стороны, если добродетель является врожденным качеством человеческой души, то ей нельзя научить, но она может быть забыта, и поэтому можно не научить добродетели, а помочь вспомнить о ней. Именно во второй части дилеммы скрывается суть этического образования.

Этическое образование – это сократовская майевтика, помогающая человеку, путем наводящих вопросов, вспомнить о врожденной добродетели, помочь ей появиться на свет. В этом смысле, если этическое образование понимать не как передачу неких знаний о добродетели, а как помощь извлечения врожденного знания о добродетели, получается, что обучение добродетели возможно. Но извлечение (то есть, обучение) добродетели не может быть спонтанным, оно может быть только постепенным и поэтапным, когда с каждой ступенью пробуждения добродетели формируются особые уровни нравственного сознания.

На этой логике строится теория нравственного обучения Л. Кольберга, в основании которой – иерархия ступеней обучения, соответствующих определенным уровням нравственного сознания. Несмотря на то, что Кольберг создал эту систему с целью обучения детей и подростков, ее впоследствии стали использовать как схему для построения теорий профессиональной этики. Алгоритм выведения ступеней нравственного обучения был следующим: Л. Кольберг предлагал различные моральные дилеммы, и наблюдал за процессом

²³⁹ Платон. Менон. Перевод С.А. Ошерова // Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Том 1. М., 1990.

принятия решения и рассуждениями. Ниже мы приводим описание ступеней нравственного обучения по Кольбергу²⁴⁰:

«Ступень 1. Характеризуется эгоцентрической точкой зрения: индивид не учитывает интересов других людей и не осознает их отличными от своих интересов, а также не соотносит между собой две различные точки зрения. Действия оцениваются в терминах скорее физической последовательности, чем психологической заинтересованности других лиц. Авторитетная точка зрения смешивается со своей собственной.

Ступень 2. Индивид отделяет собственные интересы и точки зрения от интересов и точек зрения авторитетов и других людей. Он сознает, что каждый преследует свои индивидуальные интересы, а последние противоречат друг другу так, что право становится относительным (в конкретном индивидуалистическом смысле). Индивид интегрирует противоречащие друг другу индивидуальные интересы или соотносит их друг с другом посредством инструментального обмена услугами ввиду инструментальной потребности в других людях и в их доброй воле либо честного придания каждому лицу одинаковой значительности.

Ступень 3. Индивид сознает разделяемые им с другими чувства, а также соглашения и ожидания, которые получают первенство перед индивидуальными интересами. С помощью «конкретизированного Золотого правила» он соотносит между собой различные точки зрения, входя в положение другого лица. Однако он не принимает в расчет обобщенную «системную» точку зрения.

Ступень 4. Общественная точка зрения отличается от межличностных соглашений или мотивов. Индивид принимает системную точку зрения, определяющую роли и правила игры; учитывает отношения между индивидами с точки зрения занимаемого ими места в системе.

Ступень 5. Принимается точка зрения общественных приоритетов, свойственная индивиду, сознающему ценности и права, приоритетные для общественных соглашений и договоров. Индивид интегрирует различные перспективы с помощью формальных механизмов согласия, договора,

²⁴⁰ Kohlberg L. The development of children's orientations toward a moral order. Vita Humana, 1963, N 6, pp. 11-35.

объективной беспристрастности и соответствующих процессов. Он принимает во внимание моральную точку зрения и точку зрения закона, осознает противоречие между ними и затрудняется их интегрировать.

Ступень 6. Характерна перспектива моральной точки зрения, из которой выводятся или на которой основываются общественные установления. Эта точка зрения свойственна любому разумному индивиду, который в своем поведении стремится руководствоваться моральным принципом, требующим уважения к другому как к цели, а не к средству».

Система нравственных уровней и ступеней обучения Л. Кольберга формировалась на основании разрешения моральных дилемм, которые предлагались для анализа в экспериментальных группах.

Моральная дилемма – это то, что стоит в основании ситуации конфликта интересов, который является основной проблемой парламентской этической культуры. Вот какое определение дается моральной дилемме: «моральная дилемма представляет собой проблемную ситуацию, выход из которой предполагает лишь два взаимоисключающих решения, причем оба эти решения не являются безупречными с моральной точки зрения. Главный вопрос, по которому в отношении моральных дилемм в этике ведется полемика, это вопрос природы моральных дилемм, а именно: являются ли они следствием непоследовательности моральной теории или же выражают существенную особенность моральной жизни?

Анализ моральных дилемм широко используется в преподавании этики. Помимо того, что различные моральные дилеммы рассматриваются в курсах по общей, нормативной и прикладной этике, существуют также специальные курсы, посвященные исследованию моральных дилемм. Моральные дилеммы также используются в качестве учебных материалов. Анализ конкретных моральных дилемм, попытка найти решение проблемной ситуации содействуют развитию способности у студентов к морально-философской аргументации, к моральной

рефлексии и т.д.²⁴¹. Моральная дилемма является, своего рода, краеугольным камнем прикладной этики. Если говорить о парламентской деятельности, то моральная дилемма находится не в области этики ограничений, а в области этики предпочтений. Поэтому в этом случае необходимо ориентироваться только лишь на правила и нормы парламентской деятельности при разрешении моральных дилемм. Именно моральные дилеммы предрасполагают к совместному обсуждению проблем, или могут быть использованы в качестве инструмента в нравственном обучении.

Процесс разрешения моральных дилемм помогает решить следующие задачи в сфере этической культуры парламента:

1. Развивает и повышает уровень нравственного обучения;
2. Помогает выработать алгоритм принятия нравственно верного решения;
3. Помогает осознать и выработать актуальные ценности парламентской деятельности.

Основными дилеммами профессиональной этики являются дилеммы выгодных связей и дилеммы служебного информирования. Проблемы, связанные с подобного рода дилеммами, часто проявляются в парламенте, в ситуации конфликта интересов. Рассмотрим их содержание.

Дилемма служебного информирования заключается в проблеме морального выбора в ситуации, когда индивид обладает информацией о тех или иных этических нарушениях.

С одной стороны, добродетель политической правдивости и искренности требует информировать этическую комиссию или Советника по этике об известных нарушениях, в противном же случае, с другой стороны, - утаивание информации может привести к сокрытию преступления, что является нарушением нормы. В то же самое время дилемма служебного информирования может поставить человека перед ценностным конфликтом «лжи во спасение», если речь идет об интересах собственной партии, избирателей и так далее. Здесь

²⁴¹ См.: Моральные дилеммы. Сайт Института философии РАН. (Электронный ресурс) URL: http://iph.ras.ru/ethics_dilem.htm (дата обращения: 29.05.2013).

определяющим ценностным критерием при решении должен являться *мотив* служебного информирования. Если этот мотив лежит вне сферы личных интересов, и не может стать причиной конфликта личного и общественного интереса, то служебное информирование оправдано. В процессе принятия морального решения по данному вопросу важна добродетель беспристрастности, которая помогает определить истинный мотив служебного информирования. Однако, поскольку этот вопрос делает отсылку к индивидуальной добродетели, его рассмотрение возможно при помощи *метода ситуационного анализа*, о котором будет сказано ниже.

Дилемма выгодных связей непосредственно связана с проблемой коррупции, и может носить как личный, так и корпоративный характер. Этический режим в парламенте помогает в разрешении этой дилеммы, однако, существуют моменты, когда решение должно приниматься *ситуативно*, с учетом многих факторов. Так, например, подарок может являться скрытой формой взятки. В некоторых парламентах нет норм, описывающих правила приема подарков.

В этом случае, возможен следующий моральный алгоритм действий: во-первых, обращение к Советнику по этике или этической комиссии за консультацией. В том случае, если некое лицо, наделенное определенными полномочиями (т.е. «используя служебное положение»), намерено оказать личную услугу, необходимо задать себе следующие вопросы: имеет ли данное лицо законные права на продукты или услуги, которые он вам предоставляет, или он фактически крадет их? Что позволяет ему вести себя так в данном случае? Кому на самом деле принадлежат эти продукты или услуги? Имеют ли другие люди, кроме вас, подобную возможность? Справедливо ли распространяется услуга или возможность и все ли в организации имеют равный доступ к ней? Считать ли оказанную услугу не подлежащей разглашению? Можно ли сообщить о ней другим, не попав в неловкое положение или без негативных последствий²⁴²?

²⁴² См.: Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2004.

Одним из наиболее действенных методов разрешения моральных дилемм является *метод ситуационного анализа*. Этот метод часто используется для обучения в гуманитарных науках, для комплексного исследования ситуации.

Сектор этики Института философии РАН имеет солидный опыт использования метода ситуационного анализа для рассмотрения проблем прикладной этики. Вот какое определение дается данному методу: «метод ситуационного анализа (case studies) представляет собой метод активного обучения на основе реальных ситуаций. Суть его в том, что учащимся предлагают осмыслить реальную жизненную ситуацию, описание которой одновременно отражает не только какую-либо практическую проблему, но и актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо усвоить при разрешении данной проблемы. При этом сама проблема не имеет однозначных решений. Преимуществом кейсов является возможность оптимально сочетать теорию и практику, что представляется достаточно важным при подготовке специалиста»²⁴³. На наш взгляд, наиболее удачно метод ситуационного анализа работает в процессе изучения конфликтных ситуаций в парламенте, так как помогает выявить скрытые мотивы поведения, политическую составляющую конфликта, понять истинные причины конфликта, и найти правовые или этические способы его регулирования. Необходимо отметить, что схема ситуационного анализа не может быть статичной, однако существуют некоторые детали, которые помогут лучше ориентироваться при построении алгоритма анализа.

Приведем их примерную систематизацию:

- 1) описание ситуации или предыстория конфликта, в которой показаны действительные факты, в результате которого возникла конфликтная ситуация;
- 2) динамика конфликта, реконструирующая эмоциональный фон и мотивы установления определенных санкций в отношении нарушителей;
- 3) санкции, их содержание и реакция на предложенные санкции;

²⁴³ Ситуационный анализ. Сайт Института философии РАН. (Электронный ресурс) URL: http://iph.ras.ru/ethics_case.htm (дата обращения: 29.05.2013).

4) контекст ситуации, в котором будут определены политическая и общественная составляющая конфликта;

5) мотивы, реконструкция которых позволит выделить правовое и нравственное содержание поступков депутатов, определить их общественную значимость.

6) формулировка моральной дилеммы, основанная на всех вышеперечисленных факторах

7) Этапы рассмотрения моральной дилеммы: а) моральная оценка ситуации, согласно предложенным вопросам; б) оральная оценка двух вариантов решений, согласно предложенным вопросам; в) поиск нестандартного варианта решения и его моральная оценка.

Метод ситуационного анализа при рассмотрении конфликтных ситуаций может стать частью этического образования по следующим причинам:

1. Данный метод позволяет найти верное решение для урегулирования конфликта и его купирования, что само по себе является профилактикой проблем парламентской этики
2. Совместный поиск решения, путем обсуждений и дискуссий, объединяет парламентариев в стремлении поддерживать этическую культуру.
3. Открытое обсуждение конфликта дает представление о методе принятия моральных решений
4. Анализ с целью моральной оценки позволяет определить реальные ценности парламентской деятельности.
5. Метод ситуационного анализа конфликта, вместе с формулировкой его моральной дилеммы, помогает в нравственном обучении, повышая этический уровень парламентариев.

Таким образом, на основании вышеизложенного, предлагается условная модель этического образования, формирующаяся из следующих составляющих.

1. Содержание этического образования может выражаться в *нравственном обучении парламентариев*. **Способы реализации нравственного обучения** могут осуществляться через формирование программы нравственного обучения по методу Л. Кольберга. Как отмечают некоторые исследователи, именно метод Кольберга помогает разрешить спор между этикой предпочтений и этикой ограничений: «Спор между ценностями и дисциплинарной этикой отсылает к изысканиям Л. Кольберга и тех, кто разделял его теорию, доказывающим, что обращение к этическим проблемам само по себе поднимает уровень моральной мотивации»²⁴⁴.

Функции комиссии по этике или Советника по этике в системе этического образования, в

²⁴⁴ Gow J.I. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

данном случае, заключаются в организации программ нравственного обучения; проведении мониторингов с целью выявления базовых ценностей парламентской деятельности; в создании тренингов с целью нравственного обучения.

2. Содержание этического образования может заключаться также в *анализе моральных дилемм*, как а) выделение моральных дилемм как моделей для этического анализа; б) анализе реальных моральных дилемм. **Способы реализации этического образования**, в данном случае, могут проходить через ситуационный анализ дилеммы в условиях семинара или дискуссии; выделение ценностей; определение нравственных критериев выбора. **Функции комиссии по этике или Советника по этике** здесь заключаются в организации дискуссий и форумов по поводу моральных дилемм; в индивидуальном консультировании; создании алгоритма разрешения моральных дилемм; создании банка моделей моральных дилемм, основанных на реальной парламентской практике; а также, в этико-правовой консультации.

3. Содержание этического образования может проявляться и через анализ конфликтных ситуаций. **Способы реализации этического образования**, таким образом, заключаются в ситуационном анализе конфликта в условиях семинара или дискуссии; определении причин ситуации и истинных мотивов конфликтующих сторон; формулировании моральной дилеммы, являющейся сердцевиной конфликта; в поиске оптимального решения; в поиске альтернативного решения; в определении ценностного выбора из возможных решений. **Функции комиссии по этике или Советника по этике в системе этического образования**, в данном случае, заключаются в выделении конфликтов в парламентской среде и приглашении участников к их открытому обсуждению, с позиций парламентской этики; в организации дискуссий и форумов по поводу конфликтных ситуаций; в создании неcodифицированного алгоритма разрешения конфликтных ситуаций.

4. Содержанием этического образования является также и *обеспечение необходимой информацией*. **Способы реализации этического образования**, в этом направлении, заключаются в разработке программ по повышению уровня профессиональной этики парламентариев; в международном сотрудничестве по вопросам парламентской этики; в разработке «handbook» - путеводителей по основным этическим принципам и нормам²⁴⁵. Необходимы развернутые источники информации по парламентской этической культуре (сайты, литература, лекции, конференции и т.п). Особую роль здесь играют Председатель парламента и лидеры политических партий. По утверждению Всемирной организации парламентариев против коррупции, именно лидеры задают тон в отношении к этической культуре в парламенте, и если они проявят свою заинтересованность в этом вопросе, то система

²⁴⁵ Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией (Электронный ресурс) URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013).

этической культуры, и, в частности, этического образования будет формироваться намного быстрее²⁴⁶. **Функции комиссии по этике или Советника по этике в системе этического образования**, в данном случае, заключены в обеспечении необходимой информацией, заключающейся в написании и организации программ по повышению уровня профессиональной этики; в консультативной деятельности по вопросам нормированных и некодифицированных ситуаций; в организации информационно-этического обеспечения, в проведении издательской деятельности, информационном продвижении ценностей и принципов этической культуры.

В качестве примера того, как можно анализировать конфликты, происходящие в парламенте, с точки зрения принципов этической культуры публичной политики, приведем пример ситуационного анализа конфликта, случившегося в Государственной думе (1906-1917), которая была известна обилием конфликтных ситуаций. На примере данного конфликта мы увидим, как явно хулиганская выходка одного из его участников скрывала истинные мотивы конфликта и политические, нравственные и ценностные основания его поведения.

*Конфликт В.М. Пуришкевича и представителей конституционно-демократической партии*²⁴⁷. 21 мая 1914 года правый депутат Н.Д. Крупенский²⁴⁸ произнес речь, в которой оправдывал политику Министерства народного просвещения и, в частности, министра Л.А. Кассо²⁴⁹. Представители конституционно-демократической партии, с мест громко выражали свое недовольство речью Крупенского. Когда заседание подходило к концу, правый депутат В.М. Пуришкевич оскорбил депутатов, находившихся в оппозиции министерству²⁵⁰, обозвав их дурачьем и сказав, что каждый пятый из них достоин виселицы. Председатель Думы М.В. Родзянко²⁵¹, в соответствии с параграфом 143 «Наказа Государственной Думы» предложил поставить на голосование вопрос об исключении В.М. Пуришкевича из зала заседаний.

Динамика ситуации: во время речи Н.Д. Крупенского в защиту политики Министерства народного просвещения с мест раздавались голоса, требовавшие отставки А.И. Кассо. По воспоминаниям свидетелей, обстановка во время заседания была предельно напряженной. Председатель Думы М.В. Родзянко в тот день как никогда строго отмечал каждое нарушение норм публичных выступлений, руководствуясь соответствующими статьями «Наказа». Депутаты

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ См.: Назарова Ю.В. Парламентская этика в России: история и современность. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011. С. 57-73.

²⁴⁸ Депутат IV Государственной Думы. Принадлежал к фракции центра.

²⁴⁹ Министр народного просвещения с 1910 года, тайный советник.

²⁵⁰ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть 4. Стб. 1336.

²⁵¹ Председатель III и IV Дум.

не остались в долгу: с мест в адрес председателя сыпались язвительные замечания. Слыша эти выкрики, Родзянко раздраженно отвечал: «Вы можете оскорблять своего председателя, ибо он один, а вас много». Затем, переговариваясь с одним из депутатов, он неожиданно крикнул: «Я вам не шут полосатый на кафедре!»²⁵² Выступление В.М. Пуришкевича окончательно расстроило председателя. Оппоненты Пуришкевича считали, что в Думе к его высказываниям председатели относились слишком снисходительно. Однако на этот раз Родзянко незамедлительно применил санкции в отношении Пуришкевича.

Санкции. Председатель поставил на голосование вопрос об исключении Пуришкевича из зала на пять заседаний. В ответ на его оправдания и протест, Родзянко прибавил исключение еще на одно заседание, в соответствии с параграфом 144 «Наказа» (неподчинение требованиям председателя). Г.Г. Замысловский предложил применить к Пуришкевичу высшую меру наказания – исключение на пятнадцать заседаний. Предложение было вынесено на голосование. Поскольку правые и националисты, которые в подобных ситуациях поддерживали Пуришкевича, покинули зал задолго до голосования, большинство депутатов проголосовало об исключении. Кто-то из кадетов крикнул: «Наконец, дождались!»²⁵³

Контекст ситуации. Ситуация 21 мая 1914 года произошла в контексте длительного противостояния министерства народного просвещения в лице А.И. Кассо и либеральных фракций Думы, таких как конституционные демократы. Кадеты занимались разработкой законопроектов, касавшихся народного образования, постоянно выступали в Думе в связи с проблемами образования. Их оппонентом был, в частности, В.М. Пуришкевич, один из лидеров праворадикальной партии «Союз русского народа», создатель Русского народного союза имени Михаила Архангела (1908). Пуришкевич часто своими

²⁵² Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 135.

²⁵³ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть 4. Стб. 1336-1338.

выступлениями провоцировал парламентские конфликты, отстаивая интересы монархии.

Протестуя против отмены университетской автономии, кадеты руководствовались, главным образом, своими принципами в отношении образования, которые были сформулированы в программе конституционно-демократической партии (партии народной свободы)²⁵⁴.

Столкновения между правыми, националистами и кадетами постоянно случались в Думе. На заседании 2 апреля 1910 года В.М. Пуришкевич обещал применить к их лидеру «меры физического воздействия». В своей речи во время обсуждения выборов кандидатов в комиссию государственной обороны, Пуришкевич заявил, что «кадеты элемент самый опасный и нежелательный, именно потому, что они – самые вероятные участники государственной власти, осторожные, умные и политически образованные»²⁵⁵. Влияние конституционно-демократической партии на общественные настроения действительно было велико. Кадетам принадлежали многие многотиражные печатные издания, такие как газета «Речь», юридический еженедельник «Право», «Русские ведомости» и т.д. Кадетские журналисты печатали статьи политической направленности и в центральных изданиях. Многие преподаватели ведущих университетов также были кадетами или сочувствовали им.

Вопросы народного образования занимали одно из главнейших мест в программе кадетов. Представители партии считали, что образование должно быть построено на трех принципах: свободы, демократизации и децентрализации.

Как и «Союз русского народа», кадеты полагали, что начальное образование должно быть всеобщим и бесплатным. В остальном взгляды кадетов и «Союза»

²⁵⁴ Исходя из ст. 8 программы к-д партии «По вопросам просвещения», мы выделили следующие принципы: во-первых, образование должно строиться на принципе свободы, поскольку власть не должна вмешиваться в образование. Если это происходит, то образование становится на службе у власти ради субъективных целей и теряет всякую ценность для национальной культуры. Это компрометирует образование в глазах общества. Во-вторых, образование должно строиться на принципе демократизации, потому что являясь всеобщим достоянием, знания должны быть доступны любому человеку, независимо от его пола, национальности, возраста и социального положения. Отнимая право всеобщего образования, власть поступает безнравственно, ставя себя над обществом. В-третьих, образование должно быть децентрализованным для того, чтобы наука получила возможность самостоятельного развития. Наличие университетской автономии и передача среднего и начального образования в органы местного самоуправления призвано отдалить власть от образования.

²⁵⁵ Миллюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М.: Современник, 1990. С. 13.

расходились. В своей программе кадеты требовали полную автономию для высших учебных заведений, уменьшение платы за высшее образование, предоставление свободы студенческим организациям. Политика министра народного образования была направлена на пресечение революционных настроений в университетах.

В.М. Пуришкевич задолго до вышеописанной ситуации выступал с обвинениями в адрес профессоров и студентов Петербургского университета²⁵⁶. Среди студенчества, в частности в Петербургском университете, были сильны антиправительственные и революционные настроения. Пуришкевич, полемизируя с либерально настроенной частью думской аудитории, утверждал, что некоторые профессора являются подстрекателями и организаторами студенческих революционных сходок. В своих скандальных речах 3 и 6 марта 1910 года, при обсуждении доклада бюджетной комиссии по смете расходов Министерства народного просвещения, Пуришкевич обвинял совет старост петербургского университета в пособничестве революционерам, а также в разврате и воровстве²⁵⁷. Эта речь спровоцировала крупный конфликт между «Союзом русского народа», социал-демократами и кадетами. Итогом конфликта стало удаление из зала заседаний семерых депутатов. 5 марта 1910 года студенты приняли резолюцию, в которой выражали протест против речи Пуришкевича: «Общестуденческая сходка 5-го марта 1910 года выражает избраннику бессарабских дворян Пуришкевичу, – говорилось в резолюции, – свое презрение по поводу его наглого и клеветнического заявления (...), инсинуаций по адресу русской учащейся молодежи вообще и чести русской учащейся женщины в частности». Ректор поддержал студентов, послав эту резолюцию в Думу²⁵⁸.

3 декабря 1910 года в Думе обсуждался запрос фракции социал-демократов о студенческих волнениях в университетах и действиях полиции. Оправдывая действия полиции, В.М. Пуришкевич в своем выступлении ярко и красочно

²⁵⁶ Например: 3 марта 1910 года, 3 декабря 1910 года.

²⁵⁷ См.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. II. Стб.3129-3242.

²⁵⁸ См.: Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 179-189.

рассказал о студенческой сходке в Петербурге, во время которой звучали явные призывы к свержению существовавшего государственного строя²⁵⁹.

В 1910 году Дума обсудила законопроект о новом уставе и штатах университетов, который был внесен министром народного просвещения А.Н. Шварцем. Однако 24 ноября того же года этот законопроект был отозван новым министром А.И. Кассо, который вскоре ликвидировал университетскую автономию. 11 января 1911 года городские власти получили право контроля над университетами с целью предотвращения студенческих волнений. Во многих учебных заведениях преподаватели в знак протеста покинули свои рабочие места. Например, в Московском университете добровольно ушли в отставку около 130 преподавателей. Профессоров стали назначать на должности, а не избирать в университетах, как это было раньше.

На заседании 21 мая 1914 года думское большинство выразило неодобрение Кассо, что и спровоцировало очередной конфликт.

Мотивы поведения участников конфликта. Мотивы В.М. Пуришкевича. Партия «Союз русского народа», которой принадлежал В.М. Пуришкевич изначально, особенно во времена второго созыва, ставила перед собой задачу дискредитировать Государственную Думу. Представители партии часто являлись главными участниками или провокаторами крупных думских скандалов. Царь высоко ценил деятельность «Союза»; известно, что в 1907 году он отправил партии телеграмму с благодарностью за верное служение родине.

В.М. Пуришкевич пытался дискредитировать и левые фракции, вовлекая их в скандалы. Один из примеров противостояния Пуришкевича и левых на ранних этапах конфликта по поводу высшего образования – это конфликт 6 марта 1910 года.

Пуришкевич, во время обсуждения доклада бюджетной комиссии по смете расходов Министерства народного просвещения спровоцировал стычку депутатов, в результате которой были удалены из зала семь депутатов, причем шестеро из них было левыми. Модель поведения В.М. Пуришкевича выглядела следующим образом. В.М. Пуришкевич произнес речь «на злобу дня», посвященную наиболее актуальным и наиболее болезненным вопросам. Во время речи

²⁵⁹ См.: Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. Стб. 2491.

Пуришкевич раздражил своих оппонентов, обвинив преподавателей Санкт-Петербургского университета, многие из которых были кадетами, в разврате и воровстве. При этом речь Пуришкевича не была обращена лично к кому-либо из членов Думы. На возмущенные крики левых, назвавших оратора «мерзавцем» не последовало ответного оскорбления. Пуришкевич ожидал такой реакции и добивался ее. В результате, хотя именно он спровоцировал конфликт, у председателя не было формальных оснований накладывать на него дисциплинарные санкции²⁶⁰.

Пуришкевич часто использовал в своей речи бранные слова для того, чтобы речь производила особенно сильный эффект. В этом случае перед председателями Думы вставала дилемма – лишать Пуришкевича слова или не обращать внимания на его поведение. Председатель был вынужден самостоятельно оценивать важность нарушения. Очевидно, что из-за риторической яркости речей Пуришкевича было сложно определить, насколько его слова «совместимы с достоинством Думы». Необходимо отметить, что В.М. Пуришкевич пользовался и еще одним приемом: по свидетельствам современников скорость его речи достигала 90 и более слов в минуту. Можно предположить, что такой шквал слов буквально подавлял слушателей.

В.М. Пуришкевич был искусным оратором, и порой слишком увлекался собственной речью. Так, 3 декабря 1910 года, во время обсуждения запроса социал-демократов о мерах, принятых полицией для подавления волнений в Санкт-Петербургском университете, Пуришкевич в риторической форме описывал сходку революционно настроенных студентов. «А не говорил ли товарищ Борис (председатель сходки), что пора покончить с сатрапами кровавого Николая II?» – кричал Пуришкевич с думской трибуны²⁶¹. Эта фраза, хоть и пересказанная от третьего лица, формально содержала оскорбление величества. Произошло недоразумение – председатель А.И. Гучков не остановил Пуришкевича, так как в контексте его речи слова «сатрапы кровавого Николая»

²⁶⁰ См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. 2. Стб. 3129-3242.

²⁶¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. 1. Стб. 2491. РГИА Ф. 1278. Оп. 4. Д. 338. Первый вариант стенограммы. Л. 186.

не выглядели как оскорбление, а были сказаны, чтобы подчеркнуть революционную решимость студентов университета. Впоследствии эта фраза была изъята из стенографических отчетов.

Поведение В.М. Пуришкевича неоднозначно рассматривалось многими его современниками. Его участие в большинстве парламентских конфликтов выглядело как явная провокация, направленная на подрыв авторитета Думы в стране. Доказательством его провокационного поведения служит и то, что Пуришкевич, являясь участником скандалов, часто избегал наказания. Это возмущало его противников, подозревавших председателей Думы в сочувствии «Союзу», однако в таких случаях фактически Пуришкевич не нарушал никаких норм. По всей видимости, он был хорошо знаком с «Наказом». Вечный оппонент Пуришкевича, П.Н. Милюков, называл его платным скандалистом, однако версия о том, что Пуришкевич лично получал от правительства денежные вознаграждения, до сих пор не доказана.

Анализируя мотивы поведения В.М. Пуришкевича, можно сказать, что он видел в университетской автономии прежде всего угрозу безопасности государственного строя. Н.Е. Марков, состоявший с Пуришкевичем в одной партии, объяснял мотивы поведения правых в конфликтах по поводу высшего образования желанием поддержать действия правительства по обеспечению политической стабильности в стране. При этом правые признавали, что такая поддержка не сможет прибавить им популярности в обществе. Во время одного из своих выступлений в Думе Н.Е. Марков сказал: «Та роль, которая выпала на долю нас, правых, роль, которая многим может показаться ролью гасителей духа, гасителей просвещения, крайне неприятна и несимпатична. Но мы гордимся тем, что мы не разыгрываем симпатичные, выигрышные роли. Это наше достоинство...Короче говоря, та полицейская точка зрения, о которой говорили с таким пренебрежением и презрением, необходима. Необходимо государству с полицейской точки зрения наблюдать за тем, что его подданные затевают. В этом

нет решительно ничего дурного, стоять на полицейской точке зрения есть обязанность правителя»²⁶².

Многие современники Пуришкевича, и даже его противники, в своих воспоминаниях отмечали, что, отстаивая свои позиции в думских конфликтах, он был по-настоящему искренен. Так, В.А. Маклаков, член противостоящей «Союзу» кадетской партии, писал, что главной особенностью Пуришкевича была «не ненависть к конституции или Думе, а пламенный патриотизм»²⁶³. В своих мемуарах французский посол в России Морис Палеолог, которого трудно заподозрить в симпатии к партии «Союз русского народа», отмечал, что у Пуришкевича было «пылкое сердце и скорая воля», и что его главным ценностным принципом являлось поддержание самодержавия. «Пуришкевич человек идеи и действия. Он поборник православия и самодержавия. Он с силой и талантом поддерживает тезис: «Царь – самодержец, посланный Богом»²⁶⁴. Помимо этого, Пуришкевич считал, что некоторые университетские кафедры являются трибунами кадетской пропаганды; тем самым кадеты ставят в невыгодные условия другие партии, борющиеся за своих избирателей.

Одной из возможных причин поведения Пуришкевича является сознательная провокация конфликтов. Он преследовал две цели: во-первых, желая дискредитировать парламент в глазах общества, и, во-вторых, вовлекая в конфликт своих политических оппонентов для того, чтобы их на некоторое время лишили слова или права голосования, удалив из зала заседаний.

Поведение Пуришкевича в парламенте, его нарушения норм публичных выступлений, обеспечило ему большую популярность практически у всех избирателей. В этой связи Л. Троцкий писал: «...Каковы те недостатки механизма демократии, которые позволяют ему, Пуришкевичу, быть вождем, политической фигурой и объектом неисчислимых карикатур?.. В любом европейском парламенте вы найдете нескольких депутатов, популярность которых представляется скверной загадкой. Шуты, трусы, болтуны, злые, но даже не

²⁶² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. 3. Стб. 2216.

²⁶³ См.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 334.

²⁶⁴ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 265, 291.

забавные, состав из канальи, попрошайки и шельмы... Дурацкие бубенцы, звонкие и шумные, приковывают к себе внимание, а внимание – уже предпосылка и составная часть успеха. Кто при этих условиях способен надеть на голову колпак, украшенный дурацкими бубенцами, тот становится героем»²⁶⁵. Тем не менее, необходимо заметить, что В.М. Пуришкевич представлял мнения и настроения немалочисленной части общества, отвергавшей идею парламентаризма.

Мотивы поведения председателя Думы. Причины применения санкций. В ходе заседания левая фракция громко выражает свой протест против речи Н.Д. Крупенского, против действий председателя и президиума. В адрес Кассо раздаются крики «в отставку». М.В. Родзянко делает замечания, но не применяет санкций. Однако Пуришкевич, к выходкам которого все привыкли, удаляется председателем на 5 заседаний, а за возражение против действий председателя ему прибавляется еще одно исключение сверх 5.

Как одна из возможных причин такого поведения председателя предполагается следующее.

Незадолго до данного конфликта, 13 мая 1914 года, после крупного скандала с участием В.М. Пуришкевича и Н.П. Шубинского, с одной стороны, и А.Ф. Керенского и П.Н. Милюкова – с другой, товарищ председателя А.И. Коновалов подал в отставку. Участники скандала были удалены из зала заседания. Однако за предложение удалить Шубинского (предположительно применившего нецензурную брань, не включенную в стенографический отчет) проголосовало 108 депутатов против 111. Таким образом, у председателя не было формальных оснований накладывать на него санкции. Члены президиума воздержались от голосования. Причиной добровольного сложения полномочий послужило неодобрение, выраженное левыми депутатами в адрес Коновалова как члена президиума.

В связи с уходом товарища председателя встал вопрос о переизбрании всего президиума. Председатель М.В. Родзянко, опасаясь, что его не переизберут,

²⁶⁵ Троцкий Л.Д. Слабость как источник силы (Пуришкевич) // Киевская мысль. № 27. 27 января 1909 г.

делает ставку на правое крыло Думы. Не замечая нарушений со стороны представителей правых партий, он обрывает речи левых за любые возражения в свой адрес²⁶⁶. 21 мая состоялось переизбрание. Родзянко остается на посту председателя при поддержке октябристов и правых. Однако было очевидно, что правые не были намерены и впредь поддерживать председателя. Левые партии также были им очень недовольны. Это делает заседание напряженным. Опасаясь усугубить ситуацию, Родзянко меняет тактику, закрывая глаза на нарушения недовольного левого крыла.

Применив к Пуришкевичу более жесткие санкции, чем обычно, он отчасти пытается сгладить напряженность, удовлетворив требования представителей думской оппозиции. Очевидно, что Родзянко прибегает к санкциям не по этическим, а по конъюнктурным соображениям. Санкции, примененные в отношении В.М. Пуришкевича в ходе данного конфликта, в какой-то степени явились средством разрешения другого конфликта – председателя Думы и левых депутатов.

Тем не менее, какой бы в то же самое время анализ различных материалов (мемуаров, биографических данных, журнальных статей, в которых представлены различные позиции и взгляды на события в Думе того времени и др.) даются развернутые характеристики данной нормы, что, на наш взгляд, представляет собой некодифицированный принцип соблюдения достоинства Государственной Думы, который имел неформальный, нерегламентированный характер. Соотношение нормы и принципа, его реконструкция и анализ являются важной характеристикой Государственной Думы того времени в свете регулирования конфликта. С правовой точки зрения В.М. Пуришкевич во время своей речи нарушил норму, упоминание о котором встречается и в «Наказе Государственной думы» и некодифицированный нравственный принцип соблюдение достоинства Государственной думы.

Норма достоинства Думы представлен в §143 «Наказа» (который нарушил В.М. Пуришкевич), где сказано, что оратор не вправе применять в парламенте

²⁶⁶ Об этом см.: Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. М., 2001. С. 130-134.

выражения «несовместимые с достоинством Государственной Думы». Действенность этого принципа обеспечивалась кодифицированными нормами (§143,144) и процедурами (определение степени вины председателем, вынесение решения о принятии санкций на всеобщее голосование, удаление из зала или лишение слова).

Принцип соблюдения достоинства Думы может быть реконструирован также и на основе воспоминаний и работ самих депутатов или служащих Думы.ни была причина применения этих санкций, Родзянко действовал согласно нормам «Наказа»; единственное, что он мог бы изменить в соответствии со своими личными интересами, это вынести на голосование предложение о применении к нарушителю максимального наказания.

В данном конфликте нарушена кодифицированная норма достоинства Думы. В нашем исследовании было рассмотрено содержание данной нормы.

Я.В. Глинка, начальник Канцелярии Государственной Думы, упоминает в своем дневнике об этом принципе. Рассказывая о периоде, когда председателем парламента был А.И. Гучков, он пишет, что председатель на заседаниях не соблюдает достоинство Думы. Далее Глинка объясняет, что имеет ввиду: «он допускает... такие выражения, которые недопустимы никогда и нигде...» Затем Глинка перечисляет действия депутатов, которые не пресекаются председателем и нарушают принцип достоинства Думы: «неуважение к Государственной Думе», «неуважение друг к другу», «разнузданность нравов», словесные оскорбления, беспорядок шум на заседаниях²⁶⁷. По мнению Глинки, это подрывает авторитет Думы в обществе. Однако в большей степени его беспокоит то, что депутаты нисколько не заботятся об авторитете парламента и с явным удовольствием наблюдают за безобразным поведением друг друга. Таким образом, Глинка подразумевал под принципом соблюдения достоинства Государственной Думы такое поведение депутатов, которое соответствовало бы нормам «Наказа». Это

²⁶⁷ См.: Глинка Я.В. «Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906-1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 69

поведение определялось также отношением депутатов к парламенту и к институту парламентаризма.

Ф.А. Головин, председатель II Думы, в своих воспоминаниях также пишет о принципе соблюдения достоинства Думы. Он вспоминает о нем в связи с правыми фракциями, которые, по мнению Головина, делали все возможное, чтобы «уронить достоинство Думы». Ради этого правые мешали работе парламента, сознательно провоцируя скандалы: «на это крыло, шумевшее, кривлявшееся, гоготающее, было противно смотреть, как на уродливое явление: народные представители, не признающие и глумящиеся над народным представительством!» Можно сделать вывод, что под фразой «уронить достоинство Думы» Ф.А. Головин подразумевает не только некорректное поведение парламентариев, их нетерпимость друг к другу, но и неприятие ими идеи парламентаризма²⁶⁸. Другой председатель, М.В. Родзянко, употребляет фразу «достоинство Думы», объясняя в мемуарах, почему в 1917 году Дума не была популярна в народных массах. Родзянко достоинством. Родзянко говорит о достоинстве Думы, имея ввиду не только ее авторитет, но и степень ответственности парламента перед обществом²⁶⁹.

М.О. Меньшиков, принадлежавший к партии националистов, в статье «Письма к русской нации» писал о том, в Думу должны избираться лишь люди «с государственным достоинством». Государственное достоинство, по Меньшикову, предполагает не только «доведенную до инстинкта» верность своему народу и развитое политическое самосознание, но и «духовный аристократизм»: нравственную безупречность. «Под всеми политическими партиями, – пишет Меньшиков, – должна разыскиваться более глубокая, более общая партия – нравственная, партия людей чести и таланта». Процедуру избрания таких людей в парламент Меньшиков называл одним из величайших таинств политической религии²⁷⁰. Таким образом, Меньшиков считал, что нравственные качества каждого депутата, «государственное достоинство», являются неотъемлемой

²⁶⁸ Головин Ф.А. Воспоминания. – (Электронный ресурс) URL: <http://www.1september.ru> (дата обращения: 20.05.2013)

²⁶⁹ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Новая юность. №5 (38). 1999.

²⁷⁰ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 1999. Прил. к журн. «Москва». С. 327.

частью всего института парламентаризма, теми кирпичиками, из которых строится совершенный парламент. «Государственное достоинство» каждого депутата обеспечивало принцип «соблюдения достоинства Думы».

Принцип достоинства Думы имел широкое этическое значение и распространялся как на партии и отдельных депутатов, так и на председателя Думы. Кроме того, он подразумевал поддержание авторитета парламента в стране, что было важнейшей задачей для молодого парламента в тот период времени. Приведенный выше обзор также показывает, что этот принцип имел и более широкое значение, предъявляя членам Думы следующие требования.

А) *Открытость*. Поскольку Дума часто называлась «народным представительством» (с такой формулировкой были согласны представители большинства политических партий), это предполагало открытость (но не отчетность) перед избирателями. Депутаты перед началом работы были обязаны предоставить своим избирателям полную информацию о себе: финансовое состояние, чин, вероисповедание, национальность. Произнося речи, депутаты знали, что каждое их слово фиксируется в стенограмме, которая на следующий же день станет общедоступной.

Б) *Честность*. Депутаты Государственной Думы, имевшей статус особого политического института, само существование которого подразумевало оппозицию исполнительной власти, не имели права вступать в какие-либо отношения с этой властью, кроме тех, которые предполагал депутатский статус. Эти принципы нашли свое выражение в нормах, регулировавших вопрос о совмещении должностей. Вопросы, касающиеся конфликта интересов, иногда выносились на рассмотрение внутри политической партии.

В) *Терпимость*. Депутаты должны были проявлять терпимость как к своим политическим оппонентам, так и к правительству. Примирение и солидарность представителей разных социальных слоев и национальностей, обеспечение действий направленных на благо страны, изначально были основным предназначением Думы. Открытая пропаганда против существующего строя, чаще встречавшаяся во времена первой и четвертой Дум, являлись нарушением

принципа соблюдения достоинства Думы, так как провоцировали ожесточенные конфликты внутри парламента и в обществе, где складывался образ депутата-бунтаря, депутата-болтуна и скандалиста, не способного защитить истинные интересы избирателей. Принцип терпимости нашел свое выражение в «Учреждении Государственной думы». оправдывает это тем, что в отличие от большевиков, дававших народу заманчивые, но заведомо невыполнимые обещания, Государственная Дума была не вправе обещать невыполнимого, не могла давать «дешевых посулов», не поступившись при этом своим

Соотношение принципа, норм и процедуры в конфликте. В случае с В.М. Пуришкевичем принцип соблюдения достоинства Думы подразумевал, в первую очередь, соблюдение норм публичных выступлений, что нашло свое выражение в параграфе 147 «Наказа Государственной думы». В.М.Пуришкевич во время своей речи нарушил и принцип, и нормы «Наказа». Не принимая саму идею парламентаризма и желая дискредитировать Думу в глазах общества, он часто умышленно поступал вразрез с этим принципом.

Принцип и нормы осуществились через процедуру принятия решения о вынесении санкций. Правота действий председателя М.В. Родзянко вряд ли может вызвать сомнения, однако было необходимо установить истинную причину принятия решения (об этом см. выше). Это немаловажно, если учитывать, что полнота ответственности при выборе (или невыборе) санкций возлагалась на председателя. Однако процедура принятия решения предполагала и участие депутатов, которые голосовали за предложение председателя об исключении ораторов.

Итак, конфликт протекал в контексте политического противостояния правых и левых фракций Думы по поводу высшего образования. Это противостояние неоднократно проявлялось в нарушениях представителями конфликтующих сторон норм публичных выступлений, представленных в «Наказе Государственной думы».

Таким образом, в ходе анализа ситуации выявлены истинные причины конфликта: а) мотивы поведения в конфликте В.М. Пуришкевича, которые основывались на

мировоззренческих и политических убеждениях заявителя конфликта и заключались в дискредитации Думы; б) имели глубинный нравственный подтекст мотивации – патриотизм; в) нарушение кодифицированной парламентской нормы определяется как нарушение закона; г) нарушение некодифицированного принципа соблюдения Достоинства Думы как нарушения принципа должного.

Причина принятия решения о вынесении санкций В.М. Пуришкевичу, с учетом поведения председателя как главного лица, уполномоченного определять степень ответственности. Немаловажное значение в данном конфликте занимает позиция председателя Думы (Родзянко), способствовавшего усугублению конфликта. Его роль в данном конфликте определяется: а) мотивацией по вынесению санкций к заявителю конфликтной ситуации (Пуришкевичу), что определялось личными интересами, а не интересами парламентского сообщества; б) жесткими санкциями – вынесением максимального наказания. В данном случае было нарушено соотношение нарушения нормы публичных выступлений и выборочная мера процедуры санкций. Таким образом, председателем было нарушено равновесие сил между правыми и левыми фракциями, что может быть определено как нарушение справедливости.

Установлено, что В.М. Пуришкевич в ходе конфликтов всегда использовал определенную модель поведения. Данная ситуация не была исключением. На основе проведенного анализа можно выделить следующие мотивы его поведения: 1) провокация скандала и вовлечение в него представителей левых фракций. Это могло привести к удалению их из зала до 15 заседаний. Таким образом, при голосованиях левые не набирали бы достаточного количества голосов; 2) желание дискредитировать парламент, представив его в обществе как сборище скандалистов и революционеров. Таким образом, ослаблялось влияние парламента на общество, он потерял бы политическое значение.

Анализ причин применения санкций М.В. Родзянко раскрывает следующие мотивы поведения председателя: 1) необходимость опереться на левое крыло Думы; 2) желание создать вокруг себя в парламенте блок поддержки.

Председатель действовал в соответствии с «Наказом», но при этом он открыто продемонстрировал свою готовность поддерживать левую фракцию. Можно сказать, что степень вины нарушителя была определена им объективно, но меру ответственности он определил в соответствии со своими интересами.

Таким образом, мы делаем вывод, что В.М. Пуришкевич использовал конфликт как средство в политической игре. М.В. Родзянко также воспользовался создавшейся ситуацией исходя из конъюнктурных соображений, т.к. хотел остаться и утвердиться в председательском кресле.

При помощи анализа данной ситуации, в основании которой лежит нарушение депутатом В.М. Пуришкевичем норм публичных выступлений, реконструированы и продемонстрированы следующие аспекты парламентской этики.

Принцип соблюдения достоинства Государственной думы, пренебрежение которым явилось основанием ситуации. Принцип соблюдения достоинства Думы представлен в §143 «Наказа». Его реконструкция проведена также на основании мемуаров, дневников и публицистики. Реконструкция и анализ этого принципа позволила установить, что он предъявлял депутатам требования честности, терпимости и открытости, имевшие для парламента, как для нового института, важное политическое и этическое значение.

Кодифицированные в «Наказе Государственной думы» нормы, конкретизирующие принцип. Эти нормы были применены в соответствии с §143. Также в отношении Пуришкевича были применены санкции в соответствии с §144: неподчинение требованиям председателя.

На примере процедуры принятия решения об исключении В.М. Пуришкевича из зала заседания показан способ применения принципа и норм. Председатель остановил В.М. Пуришкевича и предложил применить к нему санкции согласно соответствующему параграфу «Наказа». Предложение было вынесено на голосование, результаты которого оказались не в пользу Пуришкевича.

На основе различных источников установлено, что общество негативно или иронично относилось к конфликтам, участниками которых нарушались нормы публичных выступлений. Можно предположить, что подобные конфликты имели первостепенное значение в отношениях общества к Думе, привлекая нездоровое внимание к ситуации скандала. Большинство депутатов, как ни странно, это устраивало: они неохотно поддерживали предложения, направленные на то, чтобы повысить уровень депутатских нравов.

Конфликты, в ходе которых нарушались нормы публичных выступлений, подрывали и без того шаткий авторитет Думы, умаляли ее политическое значение. Можно предположить, что в сознании обывателя подобные ситуации

представляли парламент как неорганизованный институт, несущий разлад и агрессию в повседневную налаженную жизнь, сеющий смуту, ломающий устоявшиеся традиции.

Таким образом, в данном параграфе рассматривается феномен этического образования, который является *элементом* аксиологической модели современной парламентской культуры. Показано, что этическое образование – *система консультативной помощи, тренингов, мероприятий*, направленных на *профилактику и совершенствование* профессиональной деятельности парламента. В аксиологической модели парламентской культуры этическое образование осуществляет *функцию* ценностного и нормативного *проектирования* в *профессиональную культурную практику*.

В нашем исследовании представлена модель *нравственного обучения* в системе профессиональной этики в целом и в парламентской этике, в частности, которая построена на основе разрешения моральных дилемм. Указаны способы разрешения моральных дилемм в рамках профессиональной парламентской деятельности как *средства коллективного творчества и инструмента в системе нравственного обучения*.

Нами выделены дилеммы профессиональной парламентской деятельности, такие как *дилеммы выгодных связей и служебного информирования в конкретных ситуациях конфликта интересов*.

Можно сделать следующие выводы. В данном исследовании были обозначены следующие понятия.

1. *Этическая культура*. Термин, введенный Всемирной организацией парламентариев по борьбе с коррупцией. Было установлено, что этическая культура в парламенте – это совокупность *профессиональных ценностей, этического режима, и этического образования в парламенте*.

2. *Профессиональные ценности в парламенте* – формируются, благодаря следующим факторам: а) ценностям общественного служения, сложившимся исторически, и характерным для культуры публичной политики определенного государства; б) современным представлениям о содержании всеобщего блага; в) пониманию общественного интереса; г) целям, задачам и предназначению

парламента. Ценности публичной политики можно оформить в следующие иерархические группы:

А) Основные ценности публичной политики, связанные с категорией блага в его отношении к добру и злу. Понимание категории всеобщего блага определяет общее нравственное содержание политической деятельности. Это следующие ценности: всеобщее благо; политическое благородство; политическая целостность и полнота; политическая чистота в отношении к общественному интересу и общественному долгу.

Б) Ценности публичной политики, в основании которых лежат политические ценности, известные со времен Античности. Это традиционные политические ценности, для стран, испытавших на себе влияние античной культуры, которые традиционно лежали в основании морали политических деятелей: политическая справедливость; политическая мудрость; политическое мужество; политическое самообладание.

В) Ценности публичной политики, в основании которых лежат христианские ценности, явившиеся основанием для политической культуры некоторых стран: любовь к ближнему, справедливость и милосердие, направленность на чужую личность и признание ее равного достоинства; политическая надежность и верность, влияние на политическую систему с позиций справедливости; поддержка общественного доверия; служба общественному интересу: политическая правдивость и искренность; совесть и сознание вины.

Г) Современные этические ценности, представленные, в основном, ценностями профессиональной этики. Современные исследователи, о которых было упомянуто в предыдущей части исследования, рассматривают ценности политической культуры именно с точки зрения профессиональной этики, с точки зрения эффективности профессиональной деятельности, с позиций нормативной этики и рационализма (ценности добродетелей третьей группы): любовь к дальнему; дарение и принятие дара; дар и благодарность; дар и благотворительность; профессиональная ответственность и долг; ценности внешнего обхождения.

Помимо ценностей, были выявлены также и оппозиционные ценности, каждая из которых является противоположностью по отношению к определенной ценности. Содержание ценностей и оппозиционных ценностей, их взаимодействие, их значение, было выявлено исходя из: а) принципов соотношения ценностей и оппозиционных ценностей; б) оценки силы ценностей (исходя из ценностного ответа) в) расположения оппозиционных ценностей по степени регулирования, согласно степени наказания. Однако было отмечено, что предложенная нами система ценностей имеет ряд замечаний и оговорок, благодаря которым она не может считаться универсальной, так как культура публичной политики ситуативна и вариативна. Данную систему ценностей можно принимать только как попытку метода определения ценностей этической культуры в отдельно взятом парламенте.

3. *Этический режим* – наряду с профессиональными ценностями, часть этической культуры парламента. Этический режим состоит из следующих обязательных частей: принципы парламентской деятельности; правила (нормы) парламентской деятельности; механизмы осуществления норм парламентской деятельности.

Было установлено, на основании сравнительного анализа опыта современных парламентов, что этические принципы формируются на основании ценностей; правила поддерживают действенность этических принципов; правила, в свою очередь, нуждаются в механизмах регулирования. В исследовании было показано, как взаимосвязаны эти части этической культуры, а именно – ценности, принципы, правила и механизмы регулирования. Принципы и ценности парламентской деятельности сформированы на основании принципов либерализма, и представлены во Всеобщей декларации прав человека; в конституциях, в основных государственных законах, а также в этических кодексах парламента. Правила парламентской деятельности описаны в этических кодексах. Правила регулируются при помощи этических комиссий разных видов (независимых или парламентских), при помощи Советника по этике, а также, их осуществлению может помогать система этического образования. Необходимо отметить, что этический режим часто критикуют за дисциплинарные меры воздействия, в то время как суть системы этической культуры заключается в *профилактике* этических нарушений. Вот почему Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией большое значение придает формированию в парламенте особой части этической культуры, которую можно назвать системой этического образования.

Этическое образование – Понятие «этического образования» в литературе по парламентской этической культуре четко не сформировано. Мы выделили это понятие, на основании анализа различных источников – (таких, как документы Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией, а также зарубежные исследования по проблемам профессиональных ценностей публичной политики), обозначив, как «этическое образование»

комплекс мер, которые, помимо «этического режима», направлены на профилактику нарушений, консультационную деятельность по этическим вопросам, различные образовательные программы этического характера. Этическое образование несет в себе такие функции, как профилактика этических нарушений, содержит в себе принципы открытости, корпоративной идентичности, взаимной поддержки и самообразования, а также помогает формировать основные профессиональные добродетели. Проанализировав дилемму обучения добродетели, можно сделать вывод, что этическое образование – это, в первую очередь, *самостоятельная выработка этически верного профессионального поведения, осуществляемая с помощью предложенных методов*. Эти методы могут складываться из следующих составляющих: а) нравственное обучение; б) анализ моральных дилемм; в) анализ конфликтных ситуаций; г) обеспечение необходимой информацией.

На практике составляющие метода этического образования могут принимать следующие формы:

- Организация программ нравственного обучения. Мониторинги с целью выявления базовых ценностей парламентской деятельности. Создание тренингов с целью нравственного обучения.

- Организация дискуссий и форумов по поводу моральных дилемм. Индивидуальное консультирование. Создание алгоритма разрешения моральных дилемм. Создание банка моделей моральных дилемм, основанных на реальной парламентской практике. Этико-правовая консультация.

- Выделение конфликтов в парламентской среде и приглашение участников к их открытому обсуждению, с позиций парламентской этики. Организация дискуссий и форумов по поводу конфликтных ситуаций. Создание неcodифицированного алгоритма разрешения конфликтных ситуаций

- Написание и организация программ по повышению уровня профессиональной этики. Консультативная деятельность по вопросам нормированных и неcodифицированных ситуаций. Организация информационно-этического обеспечения, издательская деятельность, информационное продвижение ценностей и принципов этической культуры.

Таким образом, профессиональные этические ценности формируют этический режим, выявляя основные цели, проблемы и варианты направления этического режима в отдельно взятом парламенте. Этический режим не может быть полностью эффективным без системы

этического образования, потому что, в противном случае, он ограничивается лишь мерами дисциплинарного воздействия, нарушая основной принцип этической культуры – профилактики правонарушений. Этическое образование не может быть эффективно без этического режима, потому что необходимы нормативные способы регулирования поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше диссертационное исследование имеет актуальное значение для анализа современной российской парламентской культуры, прежде всего, потому, что данный феномен рассматривается нами комплексно, в синтезе институциональных и неинституциональных аспектов: аксиологических моделей и антропологических практик.

В диссертационном исследовании подчеркнуто, что парламентская культура, синтезируя в себе ее различные элементы от понятийных и ценностных экзистенциальных характеристик до антропологических практик, проявляющихся в различных дискурсах, обусловленных коммуникативными речевыми и психологическими элементами, определяется *системой ценностей*, образующих *единое социальное и культурное поле*.

Особенность парламентской культуры в ее аксиологическом значении заключается в том, что она, проецируясь через *ценностные смыслы гуманистических либеральных идей*, в рамках *общекультурного социального проекта глобального демократического социума*, актуализируется в культурно-коммуникативных антропологических практиках, институциональных и неинституциональных сегментах парламентаризма как культурного явления.

Комплексный анализ парламентской культуры имеет значение еще и с той точки зрения, что она является выражением становления и развития гражданского общества, и в этом смысле парламентскую культуру можно охарактеризовать как *глобальный социальный и культурный проект* создания единого гражданского общества.

Современный парламентаризм представляет собой форму государственного управления, который трансформировался в культурное пространство человеческой истории, являясь неотъемлимой частью общественного прогресса. Развитие парламентской культуры как части общечеловеческой культуры связано с идеями и ценностями философии либерализма, с именами выдающихся философов Гоббса, Локка, Руссо, Канта, Гегеля. Можно сказать, что философские

либеральные теории Нового времени явились идеологическими и духовными скрепами парламентской культуры в целом и современного парламентаризма в частности, а *становление* концепта парламентской культуры связано с конструированием *новых смыслов*, которые транслируются в контент парламентской культуры. В этом плане в диссертационном исследовании показано, что исторически становление и развитие концепта парламентской культуры определяется его ценностным содержанием.

В частности, это *аксиологические основания **политики***, повлиявшие на *формирование парламентской культуры и остающиеся неизменными со времен Античности* – концепции справедливости и законности; представление о политических добродетелях; *аксиологические основания **либерализма*** («общественный договор» Дж. Локка; понимание мира Т. Гоббсом; идея «всеобщей воли Ж.Ж. Руссо; *философско-аксиологические **концепции политики*** И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, повлиявшие на развитие современных представлений о парламентаризме и культуру публичной политики; *аксиологические модели философии либерализма с позиций рационализма, как идеологии капитализма (Л. фон Мизес); понимание либерализма, как **современной светской философии***, которая обосновывает ценности парламентской культуры с позиций *рационализма, здравого смысла*.

В диссертационном исследовании подчеркивается, что проявление концепта парламентской культуры в *антропологических практиках*, как совокупности политических эмоций, мотиваций, ценностных приоритетов, обуславливающих общее направление политических действий, деятельности социальных групп и политических институтов (парламента) актуализируется через социальное неравенство, которое эмоционально-мотивированно направлено на несправедливость в отношении таких факторов как распределение, равенство, свободоизъявление. Антропологические практики, обусловленные подобной мотивацией, связанные с отсутствием сущностных ценностных факторов, являются *выражением политической стратификации*. Сосуществование либерализма как политической идеи, выраженной в теории, в документах и

направленных на преодоление социального неравенства и несправедливости, политической и социальной стратификации в контексте антропологических практик парламентской культуры, представляет собой *противоречие* между теорией и социальной практикой, имеющей *постоянную величину*, проецирующей смысловые контуры концепта парламентской культуры. Фактором институализации принципов либерализма, являются *права человека*. Однако, на практике, это порождает ряд аксиологических дилемм и коллизий, ставя вопросы, как о *границах толерантности*, так и о *границах законности*. В диссертационном исследовании представлены основные дилеммы парламентаризма в контексте истории формирования прав человека, влияния философии утилитаризма и либерализма на их становление и развитие. В связи с этим были проанализированы национальные декларации прав человека, основные причины возникновения дилемм парламентаризма, которые заключены в философских и культурных особенностях либерализма, с его утилитаристской политической моралью в которой высшей целью является всеобщее благо государства; оправданием большинству действий служит всеобщая польза; институциональная этика доминирует над индивидуальной, а политика приобретает собственную моральную нишу, существуя автономно и независимо от индивидуальной этики.

В диссертационном исследовании представлена сущность социальной стратификации как выражения экономического, политического и профессионального неравенства в социуме. Обозначен процесс конфликта основных либеральных принципов (свободы, равенства, справедливости и мира) с фактами политической стратификации, что рождает ряд дилемм политического равенства, политической справедливости, мира. Этот процесс обусловлен противоречием между *целями либерального политического устройства* и *реальной действительностью*. Нами сделан вывод, характеризующий уровень политической стратификации различных стран, который *прямо пропорционален уровню культуры, национальных, политических и религиозных особенностей этих стран*.

В диссертационной работе проанализированы исследования современных иностранных авторов (Д. Гоу, Дж. Готроп, Роллз), в которых рассматриваются аксиологические модели и антропологические практики парламентов развитых стран, таких как Англия, Канада, США, они представляют собой модель *неклассической философской аксиологии*, в которой ценности понимаются как факты, превалирует значение ситуационного анализа поведения парламентариев, разделяются базовые профессиональные и индивидуальные нравственные ценности, профессиональные ценности считаются независимыми от базовых. Все это создает определенную путаницу в градировании ценностных рядов, когда профессиональные ценности обретают значение правовых или ограниченно служебных компетенций, лишаясь собственно морального смысла.

Нами предложена аксиологическая модель парламентской культуры, которая основывается на *методологии взаимодействия* основных **неделимых** ценностей (благо, долг, любовь) с профессиональными (общественное благо, общественное служение, являющимися одновременно *идеалом и целью* этической культуры парламентаризма, содержательно представляя собой синтез долга, любви, человечности). В результате формируются *профессиональные группы ценностей*, имеющих *соподчиненный* характер по отношению основным неделимым ценностям. Профессиональные ценности своей по своей сути делимы и могут быть сгруппированы и градируются в соответствии с профессиональной спецификой, переходя в систему нормативности, а затем и в профессиональные компетенции, что, безусловно, фиксирует дальнейший процесс этической кодификации.

Одновременно позитивные ценности имеют неполный характер, если не определены группы *оппозиционных ценностей*. Вне понимания значения и сущности оппозиционных ценностей невозможно определить содержание позитивных. Оппозиционные ценности представляют собой *диспозицию*, противоположность позитивным профессиональным ценностям. Диспозиция ценностей дает возможность раскрыть их содержание, определить оценку ценностей, исходя из ценностного ответа, установить расположение ценностей по степени их регуляций и наказаний. В диссертации подчеркивается, что данная модель парламентской культуры не может быть универсальной, так как политические ситуации чреваты ситуативностью и мобильностью, однако, эта аксиологическая модель даст возможность упорядочить систему ценностей этической культуры, результатом которой может быть эффективная практическая (этическое образование и воспитание) часть работы парламента.

В диссертации выделены различные аксиологические модели и антропологические практики современного парламентаризма в различных странах, такие как этическое образование, этическая кодификация, практическое использование этических кодексов. Практика парламентской культуры имеет свои национальные, социокультурные, религиозные особенности. Нами рассмотрены институциональные и неинституциональные сегменты парламентской культуры, показана их взаимосвязь с антропологическими практиками, в результате чего сделан вывод: в институциональном сегменте парламентской культуры антропологические практики проявляются как *основные элементы конкретизации* нормативности (*этический режим*: правила, процедуры, кодификация – этические кодексы); *образование*, как *способ проецирования* нормативности в *практику* парламентской деятельности, что обозначено в диссертационном исследовании на примере парламентов таких стран как Австралия, Аргентина, Великобритания, Германия, Ирландия, ЮАР и др. в их национально-культурном и политическом своеобразии.

Автором была проделана большая работа, связанная с переводом иностранных источников и введения в терминологический оборот научного контента таких понятий как *этическая культура (Ethics Culture)* – особая парламентская система, включающую в себя *этический режим (Ethics and conduct regime)*, систему *этического образования*. *Этический режим* – это *совокупность принципов, норм парламентской деятельности, и механизмов их осуществления и регулирования*. *Этическое образование* – это *ряд программ, мониторингов, тренингов и мероприятий, направленных на повышение уровня профессиональной этики*. Определено понятие *этической культуры в контексте этического режима*, подчеркнуто культурно-национальное и политическое содержание этого понятия, установлено формирование *стадий (ступеней) становления этической культуры*.

Таким образом, в диссертационном исследовании парламентская культура определена как социокультурная и антропологическая *целостность*, в *единстве* институциональных и неинституциональных элементов, антропологических

практик и аксиологических моделей в различных сегментах. Феномен парламентской культуры неоднозначен, он проявляется в многообразии культурных практик, дилемм, институциональных особенностей и неинституциональных характеристик, что связано с тем, что современные смыслы этого феномена значительно расширились и изменились в связи с вызовами культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 127-128.
2. Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. / под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левицкого. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. – 495 с.; Т. 2. – 384 с.
3. Антология мировой философии: в 4 т. – М. : Мысль, 1969-1972. – Т. 2 : Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / ред. кол.: В. В. Соколов [и др.]. – М., 1970. – 776 с.
4. Антология мировой философии: в 4 т. – М. : Мысль, 1969-1972. – Т. 3 : Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. / ред. кол.: И. С. Нарский [и др.]. – М., 1971. – 760 с.
5. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания.– М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. – С. 179 - 189.
6. Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику // Ведомости. – Вып. 25. – Тюмень: НИИПЭ, 2004. – С. 160-181.
7. Апресян Р.Г. Особенности парламентской этики и возможные пути ее формирования. Парламентская этика в России. Сборник материалов Комиссии государственной Думы Федерального Собрания РФ по этике. – М.: Издание Государственной Думы, 2002. – С. 156-164.
8. Апресян Р.Г. Этика в Канаде этика в России: современная диспозиция // Ведомости. – Вып. 24: Политическая этика: социокультурный контекст / Под ред. В.И. Бакштановского и Н.Н.Карнаухова. – Тюмень: НИИПЭ, 2004. – С. 128–138.
9. Арендт Х. Истоки тоталитаризма: пер. с англ. / Х. Арендт. – М. : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
10. Аристотель. Большая Этика // Аристотель: Соч. в 4 Т. – Т 4. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.

- 11.Аристотель. Никомахова этика [1155-1169] // Аристотель: Соч. в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – С. 54 -77.
- 12.Аристотель. Политика // Аристотель: Соч. в 4 т. – Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376-644.
- 13.Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России. – Вып. 1. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. – С. 173-191.
- 14.Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 160 с.
- 15.Бакштановский В.И, Согомонов Ю.В. Политическая этика // Этика. Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – С. 359.
- 16.Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Опыт словаря прикладной этики для депутата // Парламентская этика в России. Сборник материалов Комиссии государственной Думы Федерального Собрания РФ по этике. – М.: Издание Государственной Думы, 2002. – С. 139 – 154.
- 17.Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Профессиональная этика // Ведомости. – Вып. 14. – Тюмень: НИИПЭ, 1999. – С.154.
- 18.Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. – Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1997. – 747 с.
- 19.Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой: очерки о культур.-ист. основаниях и пределах личного самосознания / Л. М. Баткин ; [Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед.]. – М. : Изд-во РГГУ, 2000. – 1004 с.
- 20.Белл Д. Культурные противоречия капитализма // Этическая мысль. 1990 : науч.-публицист. чтения / отв. ред. А. А. Гусейнов. – М., 1990. – С. 243-255.
- 21.Белл Д. Мятеж против современности // Социологические исследования. – 1989. – № 5. – С. 106-114.

- 22.Бентам И. Введение в принципы нравственности и законодательства. – М.: Росспэн, 1998. – 415 с.
- 23.Бергер П. Капиталистическая революция: 50 тез. о процветании, равенстве и свободе. – М.: Прогресс : Универс, 1994. – 320 с.
- 24.Бердяев Н. А. Смысл истории. – М. : Мысль, 1990. – 175 с.
- 25.Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: два филос. введ. в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
- 26.Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. – М. : Наука, 1986. – 256 с.
- 27.Богатырева Е.Д. Конституционные основы парламентаризма // Власть. – 2006. –№2. – С. 12-16.
- 28.Бородай Ю. М. Почему православным не годится протестантский капитализм // Наш современник. – 1990. – № 10. – С. 1-15.
- 29.Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск : Полиграмма, 1993. – 125 с.
- 30.Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: в 3 т. / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббея ; ред. Ю. Н. Астафьева. – М. : Прогресс, 1986-1992. – Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М., 1986. – 622 с. ; Т. 2 : Игры обмена. – М., 1988. – 632 с. ; Т. 3 : Время мира. – М., 1992. – 679 с.
- 31.Будянская Л.А., Кутоманов С.А., Римский В.П. Дискурс либерализма, толерантности и гражданского общества в английской философии XVII века. // Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: Коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 292 с.
- 32.Будянская, Л.А. Религиозно-мифологические основания классического английского либерализма / Л. А. Будянская, В. П. Римский // Научные ведомости БелГУ. – Сер. Философия. Социология. Право. – 2008. – № 12 (52). – Вып. 5. – С. 110-116.

- 33.Булаков О.Н. Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика: теория, мировой опыт, российская практика / Под общ. ред. Булакова О.Н. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. –320 с.
- 34.Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. / С. Н. Булгаков. – М. : Наука, 1993. – Т. 1: Философия хозяйства. Трагедия философии. – 604 с.
- 35.Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. : пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1977. – Т. 1. – С. 55-80.
- 36.Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. : пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1978. – Т. 2. – С. 483-518.
- 37.Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. : пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1978. – Т. 2. – С. 5-231.
- 38.Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т.: пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1977. – Т. 1. – С. 81-522.
- 39.Бэкон Ф. О мудрости древних // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. : пер. с англ. - 2-е изд., испр. и доп. - М., 1978. – Т. 2. – С. 231-300.
- 40.Бэкон Ф. Опыты и наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. : пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. - М., 1978. – Т. 2. – С. 349-482.
- 41.Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX начала XX вв. // Вопросы философии –1991. – № 8. – С. 25.
- 42.Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
- 43.Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990. – 805 с.
- 44.Виппер Р. Ю. История Нового времени. – М. : Республика, 1995. – 495 с.
- 45.Вольтер Ф. М. Философские письма // Вольтер Ф. М. Философские сочинения / отв. ред. В. Н. Кузнецов; пер. с фр. С. Я. Шейнман-Топштейн. – М., 1989. – С. 70-226.

- 46.Вольтер Ф. М. Философские сочинения; пер. с фр. С. Я. Шейман-Топштейн ; отв. ред. В. Н. Кузнецов. – М. : Наука, 1988. – 751 с.
- 47.Воробьев И.В. Становление института парламентаризма в современной России: взаимодействие депутатского корпуса и аппарата Государственной Думы: Автореф. дис. канд. социол. наук. – М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2004.
- 48.Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 699 с.
- 49.Гальцева Р. А. Западноевропейская культурфилософия между мифом и игрой // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США: сб. / отв. ред. и сост. Р. А. Гальцева ; пер. и примеч. С. С. Аверинцева [и др.]. – М., СПб., 2000. – С. 5-41.
- 50.Гаман-Голутвина О.В. Развитие категории «Политическая культура» в общественно-политической мысли // Политэкс: Политическая экспертиза. – Вып.2. – СПб.: Изд-во С-птб ун-та, 2005. – С. 28-50.
- 51.Гараджа В. И. Реформация // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / РАН, Ин-т философии, Нац. общ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Степин [и др.]. – М., 2010. – Т. 3. – С. 451-453.
- 52.Гартман Н. Этика / Пер. с нем. А. Б. Глаголева под ред. Ю. С. Медведева, Д. В. Складнева. – СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2002. – 708 с.
- 53.Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
- 54.Гегель Г. В. Ф. Сочинения: [в 14 т.] / Г. В. Ф. Гегель ; АН СССР, Ин-т философии. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1930-1958. – Т. 11 : Лекции по истории философии : кн. 3. – М. ; Л., 1935. – 527 с.
- 55.Гегель Г. В. Ф. Сочинения: [в 14 т.] / Г. В. Ф. Гегель ; АН СССР, Ин-т философии. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1930-1958. – Т. 4 : Феноменология духа. – М. ; Л., 1939. – 440 с.

56. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: [в 14 т.] / Г. В. Ф. Гегель ; АН СССР, Ин-т философии. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1930-1958. – Т. 8 : Философия истории. – М. ; Л., 1935. – 470 с.
57. Герасимов В.М., Деркач А.А, Косопкин В.С., Надеева Т.И. Психология парламента // Международная академия акмеологических наук. – М., Статус-кво, 1999. – 57 с.
58. Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. – М.: Тип. Яковлева, 1908. – 28 с.
59. Гильдебранд Д. фон. Этика. – СПб.: Алетейя, 2001. – 569 с.
60. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 400 с.
61. Гоббс Т. Бегемот, или долгий парламент // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. : [пер. с латин. и англ.] / АН СССР, Ин-т философии. – М., 1989-1991. – Т. 2. – М., 1991. – С. 591-623.
62. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. : [пер. с латин. и англ.] / АН СССР, Ин-т философии. – М., 1989-1991. – Т. 2. – М., 1991. – С. 3-590.
63. Гоббс Т. Основы философии. Часть 3. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. : [пер. с латин. и англ.] / АН СССР, Ин-т философии. – М., 1989-1991. – Т. 1. – М., 1989. – С. 270-506.
64. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций ; пер. с лат. А. Л. Саккетти. – М. : Госюриздат, 1956. – 867 с.
65. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. – АН СССР, Геогр. о-во СССР. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – 279 с.
66. Гуревич П. С. Социальная мифология. – М. : Мысль, 1983. – 175 с.
67. Гусейнов А.А. Этика // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 573–581.
68. Гусейнов А.А. Прикладная этика // Этика: энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 389.

- 69.Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. – М.: РОСПЭН,1996. – С. 208–209.
- 70.Денисов А. А. Депутатская этика. – М.: Издание Государственной Думы, 1994. – 51 с.
- 71.Дидро Д. Государи // Дидро Д. Собрание сочинений : в 10 т. – М.; Л., 1935-1947. – Т. 7 : Статьи из «Энциклопедии». – М.; Л., 1947.
- 72.Дидро Д. Законодатель // Дидро Д. Собрание сочинений : в 10 т. – М.; Л., 1935-1947. – Т. 7 : Статьи из «Энциклопедии». – М. ; Л., 1947.
- 73.Дидро Д. Исторический очерк о представительских учреждениях // Дидро Д. Собрание сочинений: в 10 т. – М. ; Л., 1935-1947. – Т. 10 : Rossica : произведения, относящиеся к России. – М. ; Л., 1947.
- 74.Дидро Д. О морали королей // Дидро Д. Собрание сочинений : в 10 т. – М. ; Л., 1935-1947. – Т. 10 : Rossica : произведения, относящиеся к России. – М. ; Л., 1947.
- 75.Динамика гражданского общества, этноконфессиональная толерантность и диалог культур: эпистемологические модели: Коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. –292 с.
- 76.Дробницкий О.Г. Моральная философия. Избранные труды. / Сост. Р.Г. Апресян.– М.: Гардарики, 2002. – 518 с.
- 77.Дубко Е.Л. Этическое содержание концепции прав человека // Этика прав человека. Материалы международной конференции. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1994. – С. 12-24.
- 78.Дугин А. Г. Трансформация политических институтов и структур в процессе модернизации традиционных обществ: дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. Г. Дугин. – Ростов н/Д, 2004. – 346 с.
- 79.Дугин А. Г. Философия политики. – М. : Арктогея, 2004. – 614 с.
- 80.Дука А. Политическая культура – поиск теоретических оснований // Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии. – В 2 т. – Т. 1: Политическая культура и политические процессы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. – С. 103-115.

- 81.Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. – М. : Канон, 1995. – 349 с.
- 82.Егоршева О. И. Культурно-исторические смыслы «современности», или Когда начинается «Новое время»? / О. И. Егоршева, В. П. Римский // Современная социокультурная динамика и духовная жизнь : сб. ст. молодых ученых, аспирантов и докторантов / Рос. фил. о-во, Белгор. от-ние. – Белгород, 2003. – С. 111-120.
- 83.Елисеев С.М. Легитимность власти: источники, структура и динамика развития в посткоммунистическом обществе: Автореф. дис.д-ра полит. наук. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1997. – 38 с.
- 84.Ерохин В. Н. Пуританское движение в Англии в XVI – начале XVII века в освещении современной англо-американской историографии. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 294 с.
- 85.Жамалдаев Ш.В., Тарасов И.Н. Роль парламента в демократизации политической системы // Власть. – 2006. – №3. – С. 51 – 56.
- 86.Зайцев А.К. Социальный конфликт. – М.: Academia, 2000. – 461 с.
- 87.Зиммель Г. Избранное: в 2 т. – М. : Юрист, 1996. – Т. 1 : Философия культуры. – 671 с.
- 88.Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духов. развития современ. экон. человека : [пер. с нем.] / В. Зомбарт ; РАН, Ин-т социологии. – М. : Наука, 1994. – 442 с.
- 89.Зотов А. Ф. Современная западная философия : учебник / А. Ф. Зотов. – М. : Высш. шк., 2001. – 783 с.
- 90.Исследование авторитарной личности /Под общ. ред. В. П. Култыгина. – М.: Серебряные нити, 2001. – 412 с.
- 91.Кант И. Метафизика нравов в двух частях [Ч.II] // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4 (2). – М.: Мысль, 1965. – 478 с.
- 92.Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. – СПб. : Тайм-аут, 1993. – 472 с.

- 93.Капустин Б.Г. Критика политического морализма // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 33–55.
- 94.Капустин Б.Г. Либерализм. // Новая философская энциклопедия: В 4 - х т. – Т. 2. –М.: Мысль, 2001. – С. 393–395.
- 95.Капустин Б.Г. Различия и связь между политической и частной моралью // Вопросы философии. –2001. – № 9. – С. 3–24.
- 96.Капустин Б.Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах // Полис. – 1994. – № 3. – С. 13 – 26.
- 97.Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. – М. : РОССПЭН, 1998 – 308 с.
- 98.Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 477 с.
- 99.Ковальчук О. В. Европейская философия и социально-гуманитарная наука между мифологией модерна и рациональным знанием / О. В. Ковальчук, В. П. Римский // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2007. – № 2 (33), вып. 1. – С. 10-23.
100. Ковбенко Л.Н. Парламентская культура в современном российском политическом процессе: условия и факторы развития: автореф. дис.... канд. полит. наук. – Сев.-Зап. акад. гос. службы. – СПб., 2009. – 26 с.
101. Козловски П. Современный постмодерн // Вопросы философии. – 1995. –№10. – С.92.
102. Койре А. В. Очерки истории философской мысли: о влиянии филос. концепций на развитие науч. теорий / А. В. Койре ; под ред. А. П. Юшкевича ; пер. с фр. Я. А. Ляткера. – М. : Прогресс, 1985. – 286 с.
103. Коновалова Л.В. Прикладная этика // Вып.1. – М., ИФРАН, 1998. – 215 с.
104. Коровина А. Ю. Образно-перцептивные характеристики лингвокультурного концепта «superiority» // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). — Пермь: Меркурий, 2012.

105. Кравченко М. И. Политическая мифология: вечность и современность // Вопросы философии. – 1999. – № 1. – С. 3-17.
106. Круглый стол на тему «Публичная политика: российский контекст и британский стандарт» // Парламентская этика в России. Сборник материалов Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по этике. – М.: Издание государственной Думы, 2002. – С. 71– 31.
107. Кушнаренок Я.В. Обоснование аксиологии в контексте неклассической рациональности: Автореферат диссертации на соискание степени кандидата наук. – Томск, 2004. – 32 с.
108. Локк Дж. Два трактата о правлении. // Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
109. Лысенко В.И. Десять лет современного российского парламентаризма // Доклад к заседанию круглого стола на тему: «Десять лет современного российского парламентаризма: итоги и перспективы». – М., Институт современной политики, 2000. – 28 с.
110. Любимов А.П. Политическое право и практика лоббизма: антикоррупционный проект. – М.: Издание Государственной Думы, 2001. – 240 с.
111. Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума = The Second Duma: (Воспоминания современников). – London: OPI, 1991. – 260 с.
112. Маклаков В.А. Из воспоминаний. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954. – 410 с.
113. Маклаков В.А. Наказ Государственной Думы: По работам Второй Государственной Думы. – СПб.: Право, 1907. – 113 с.
114. Мамардашвили М. К. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуаз. философии / М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев, В. С. Швырев // Философия в современном мире. Философия и наука : критич. очерки буржуаз. философии / АН СССР, Ин-т философии ; редкол.: Л. Н. Митрохин [и др.]. – М., 1972. – С. 28-94.

115. Мандевиль Б. Басня о пчелах. – М.: Мысль, 1974. – 375 с.
116. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала / К. Маркс // Маркс К. Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1954-1981. – Т. 23. – М., 1960. – 907 с.
117. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К. Сочинения : 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1954-1981. – Т. 42. – М., 1974. – С. 41-174.
118. Маркузе, Г. Одномерный человек: исслед. идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ. А. Юдина ; под ред. А. Жаровского. – М. : REFI-book, 1994. – 341 с.
119. Меньшиков М.О. Письма к русской нации. – М.: Москва, 1999. – (Пути русского имперского сознания) // Прил. к журн. «Москва». – С. 322.
120. Мизес Людвиг фон. Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. А.В. Куряева. – М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001. – 344 с.
121. Милль Дж. О свободе. Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10-15. № 12.
122. Милуков П.Н. Воспоминания: В 2-х томах. – М.: Современник, 1990. – 446 с.
123. Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография / Под ред. Н.А. Купиной и М.Б. Хомякова. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 542 с.
124. Монтескье, Ш. Л. О духе законов. – М. : Мысль, 1999. – 672 с
125. Назаров В.Н. Прикладная этика: Учебник. – М.: Гардарики, 2005. – 326 с.
126. Назарова Ю.В. Парламентская этика в России: история и современность. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2011. – 232 с.
127. Наумова Е.А. Культурная детерминация властных отношений: Автореф. дис. канд. полит, наук: – Саратов, 2003. – 28 с.

128. Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Ин-т философии РАН, 2011. – 238 с.
129. Неретина С. С. Концепт // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. обществ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Степин [и др.]. – М., 2010. – Т. 2. – С. 306-307.
130. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац.общ.науч.фонд. – М.: Мысль, 2001.
131. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – 638 с.
132. Носков В.А. Политико-культурная детерминанта развития общества: герменевтика российской реальности. – Белгород: Белгород, гос. ун-т, 2005. – 218 с.
133. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. – М.: РОССПЭН, 1997. – 640 с.
134. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М.: Политиздат, 1991. – 493 с.
135. Парламентская этика в России. Сборник материалов Комиссии государственной Думы Федерального Собрания РФ по этике. – М.: Издание Государственной Думы, 2002. – 192 с.
136. Парламентская этика: сравнительный анализ. – Национальный демократический институт международных отношений, 2000. – 52 с.
137. Парсонс, Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
138. Петров М.К. Историко-философские исследования. – М.: РОССПЭН, 1996. – 510 с.
139. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1992. – 272 с.
140. Петров М.К. Язык, знак, культура. Изд. 2-е. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
141. Петров М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М. : РОССПЭН, 2004. – 775 с.

142. Петрова С.В. Гражданская культура: теоретическая модель и практическая реализация в процессе демократических реформ в России: Автореф. дис. канд. полит.наук: – Ростов н/Д, 2004. – 27 с.
143. Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2001. – 280 с.
144. Петухов В.В. Демократия участия в современной России // Общественные науки и современность. – 2007. – № 1. – С. 73-90.
145. Платон. Государство // Платон. – Соч. в 3 т. – Т. 3 (1). – М.: Мысль, 1972. – С. 292-311.
146. Платон. Менон. / Перевод С. А. Ошерова. – По изданию: – Платон. Собр. соч. в 4-х томах. – Том 1. – М.: «Мысль», 1990-1994. – 860с.
147. Политическая и экономическая этика /Пер. с нем. С.Курбатовой, К. Костюка. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 368 с.
148. Политическая история России в партиях и лицах. М.: Терра, 1993. – 304 с.
149. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. / К. Р. Поппер ; пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. – М. : Междунар. фонд. «Культурная инициатива» : Феникс, 1992. – Т. 1 : Чары Платона. – 446 с. ; Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и др. оракулы. – 525 с.
150. Проблема человека в западной философии: сб. : пер. с англ., нем., фр. / сост. и послесл. П. С. Гуревича ; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988. – 544 с.
151. Прокофьев А.В. Депутатская этика и эффективность законодательной деятельности // Парламентская этика в России: Сборник материалов Комиссии государственной Думы Федерального Собрания РФ по этике. – М.: Издание Государственной Думы, 2002. – С. 164-174.
152. Римский, В. П. Демоны на перепутье: культурно-ист. образ тоталитаризма : моногр. / В. П. Римский. – Белгород : Изд-во БелГУ : Везелица, 1997. – 198 с.

153. Римский, В. П. Культура и тоталитаризм: учеб. пособие по спец. курсу / В. П. Римский. – Белгород : Изд-во БелГУ, 1999. – 92 с.
154. Римский, В. П. Мифология модерна и постмодерна в контексте христианского толкования истории / В. П. Римский, А. А. Трунов // *De die in diem* : памяти А.П. Пронштейна (1919-1998) : сб. ст. / Ростов. гос. ун-т ; отв. ред.: А. В. Лубский, В. В. Черноус. – Ростов н/Д, 2004. – С. 93-109.
155. Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // *Новая юность*. – 1999 –№ 5 (38).
156. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 535 с.
157. Романов Р.М. Парламентаризм: теория, история и современность: Учебное пособие. – М.: МИРОС, 2002. – 296 с.
158. Романов Р.М. Российский парламентаризм: генезис и организационное оформление // *Полис: Политические исследования*. – 1998. – №5.
159. Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре: трактаты : пер. с фр. / Ж. Ж. Руссо ; Центр фундам. социологии. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 1998. – 414 с.
160. Сазонникова Е. В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 2012. – 46 с.
161. Сморгунова В.Ю. Гносеологические проблемы политической философии: Гносеологический потенциал полититики: Ханна Арендт об истине и политике / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб.: Образование, 1997. – 161 с.
162. Соловьев А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития // *Власть*. –2006. –№3. – С. 20.
163. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 341 с.

164. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исслед. изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / П. А. Сорокин ; пер. с англ. В. В. Сапова ; РАН, Ин-т социологии, Междунар. ин-т Н. Кондратьева – П. Сорокина. – 1054 с.
165. Спиноза Б. Богословско-политический трактат: пер. с лат. и гол. / Б. Спиноза // Избранные произведения : в 2 т. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 2. – 727 с.
166. Степанов Ю.С. Концепт. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
167. Степин В.С., Толстых В.И. Демократия и судьбы цивилизации // Вопросы философии. –1996. – №10. – С.4.
168. Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. – М: Республика, 1997. – 527 с.
169. Сутор Б. Малая политическая этика // Политическая и экономическая этика: Учебное пособие. – М.: ФАИР -ПРЕСС, 2001. – 368 с.
170. Сысолятина Е.Л. Нормативно-ценностный потенциал парламентаризма// Новые смыслы культуры. – 2009 – №1(11). – С.73.
171. Титаренко А.С. Права человека – защита достоинства и самоценности личности // Этика прав человека. Материалы международной конференции. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1994. – С. 7-12.
172. Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. – М.: Айрис-пресс: Лагуна-Арт, 2004. – 686 с.
173. Тойнби А. Д. Постижение истории: сб.: пер. с англ. / А. Д. Тойнби ; сост. А. П. Огурцов. – М. : Прогресс, 1991. – 731 с.
174. Толерантность / Общ. ред. М. П. Мchedлова. – М.: Республика, 2004. – 416 с.
175. Торубарова, Т. В. Договорная теория государства в философии Т. Гоббса // Философско-антропологические исследования : сб. науч. тр. / Рус. филос. о-во, Курский гос. ун-т. – Курск, 2010. – Вып. 1-2. – С. 4-13.

176. Троцкий Л.Д. Слабость как источник силы (Пуришкевич) // Киевская мысль – 27 января 1909г. – № 27. – С. 2.
177. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
178. Уорнер Д. Этика прав человека – два взаимосвязанных недоразумения // Этика прав человека. Материалы международной конференции. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1994. – С. 24-28.
179. Федорова М. М. Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций. – М.: Изд-во ИФРАН, 2005. – 188 с.
180. Феномен человека: антология / сост., вступ. ст. П. С. Гуревича. – М.: Высш. шк., 1993. – 349 с.
181. Философия эпохи ранних буржуазных революций / Т. И. Ойзерман, Д. Е. Фурман., В. В. Лазарев [и др.] ; отв. ред.: Н. Н. Мотрошилова, Э. Ю. Соловьев. – М.: Наука, 1983. – 583 с.
182. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
183. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Т. 3: Вопросы 75-119. / Пер. с лат., ред. и прим. С.И.Еремеева. – Киев: Эльга; Ника-Центр, 2005. – 576 с.
184. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А. В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2010. – 448.
185. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, 2007. — 588 с.
186. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40-53.
187. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: избр. ст. позднего периода творчества : пер. / М. Хайдеггер ; под ред. А. Л. Доброхотова. – М. : Высш. шк., 1991. – 190 с.
188. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 648 с.

189. Шалин В. В. Толерантность (культура, норма и политическая необходимость). – Краснодар: Периодика Кубани, 2000. – 256 с.
190. Шалин В. В., Альбов А.П. Право и толерантность: либеральная традиция в эпоху глобализации. – 2-е изд., перераб. и доп. – Краснодар. Краснодарская академия МВД. – 266 с.
191. Шаповалов В.Ф. Либерализм и российская идея // Социологические исследования. – 1996. – №2. – С. 45-54.
192. Шаталин Е. А. Либерализм: ценностные основания и идеология: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 1997. – 22 с.
193. Швырев В.С. Конструкт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / РАН, Ин-т философии, Нац. общ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Степин [и др.]. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 291–292.
194. Швырев В.С. Концептуальные структуры // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / РАН, Ин-т философии, Нац. общ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Степин [и др.]. – М., 2010. – Т. 2. – С. 308.
195. Шелер М. Ресентимет в структуре моралей. – М.: Наука, 1999. – 231 с.
196. Шкуратов В. А. Историческая психология: учеб. пособие / В. А. Шкуратов ; Ин-т «Открытое общество». – 2-е изд., перераб. – М. : Смысл, 1997. – 505 с.
197. Шмитт К. Политическая теология: сб. полит. тр. / К. Шмитт ; пер. с нем.; Ю. Коринец, А. Филиппов ; Ин-т социологии РАН. – М. : КАНОН-Пресс-Ц : Кучково Поле, 2000. – 336 с.
198. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / О. Шпенглер ; пер. с нем. И. И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2003. – Т. 1 : Образ и действительность. – 523 с. – 611 с. ; Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. – 611 с.
199. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. А. С. Дмитриевой ; под ред. В. А. Ядова ; Ин-т «Открытое о-во». – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

200. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1955-1981. – Т. 21. – М., 1961. – С. 23-178.
 201. Этика ненасилия // Материалы международной конференции. – М.: Философское общество СССР, 1991. – 242 с.
 202. Этика прав человека // Материалы международной конференции. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1994. – 223 с.
 203. Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Институт права и публичной политики, 2005. – 190 с.
 204. Этика // Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – 670 с.
 205. Этциони А. Политические процессы и моральные побуждения // Вопросы философии. – М., 1995. – №10. – С.72-83.
 206. Юм Д. Трактат о человеческой природе. – М.: Канон, 1995. – 483 с.
- Литература на иностранных языках*
207. Almond G.A. Comparative Political Systems // Journal of Politics. – 1956. – № 3. – Pp. 398-399, 407.
 208. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton, 1963. – 392 p.
 209. Aucoin, Peter. « Beyond the 'New' in Public Management Reform in Canada : Catching the Next Wave? », Dunn C. (ed.). The Handbook of Canadian Public Administration . – Don Mills Ontario, Oxford University Press, 2002. – Pp. 25-39.
 210. Benn, Stanley I. A Theory of Freedom. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 356 p.
 211. Bluhm W.T. Theories of the Political System: Classics of Political Thought and Modern Political Analysis. – Englewood Cliffs, 1965. – 514 p.
 212. Buchanan, James M. and Gordon Tullock. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. – Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1965. – 384 p.

213. *Cooper, Terry L.* Big questions in administrative ethics: A need for focused, collaborative effort. – *Public Administration Review* 64 :4 , 2004. Pp. 395-407.
214. *Corey, G., Schneider-Corey, M., Callanan.* Issues and Ethics in the Helping Professions. – Belmont, CA: Thomson, 2007. –154 p.
215. *Denhardt, Kathryn G.* The Ethics of Public Service. Resolving Moral Dilemmas in Public Organizations. –New York: Greenwood Press, 1988. – 87 p.
216. *Dewey, John.* Liberalism and Social Action. – New York: Putnam's Sons, 1980. –267 p.
217. *Dwivedi O.P.et Gow J.I.* From Bureaucracy to Public Management. The Administrative Culture of the Government of Canada. – Peterborough: Broadview Press, 1999. – 124 p.
218. *Dworkin, Ronald.* Liberalism // Public and Private Morality, ed. Stuart Hampshire. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Pp. –115–43.
219. *Dworkin, Ronald.* Sovereign Virtue.: The Theory and Practice of Equality. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. – 528 p.
220. *Gilligan, Carole.* In a Different Voice. – Cambridge MA, Harvard University Press, 1982. – 35 p.
221. *Goodin, Robert E.* Political Theory and Public Policy. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – 296 p.
222. *Goodin, Robert E.* Utilitarianism as a Public Philosophy. –Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 392 p.
- Goodin, Robert E.* The Theory of Institutional Design. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – Pp. 1-53.
223. *Gutmann, Amy.* Communitarian critics of liberalism // *Philosophy & Public Affairs*. – 1985. – № 14. – Pp. 308–322.
224. *Hardin, Russell.* Economics of knowledge and utilitarian morality // Brad Hooker, ed., *Rationality, Rules and Utility*. – Boulder, CO: Westview, 1993 – Pp. 127-147.

225. *Hardin, Russell.* Morality within the Limits of Reason. – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – 254 p.
226. *Harmon, Michael.* Responsibility as Paradox. A Critique of Rational Discourse on Government. – Thousand Oaks CA, Sage, 1995– 115 p.
227. *Hodgkinson, Christopher.* Towards a Philosophy of Administration. – Oxford: Blackwell, 1978. – 117 p.
228. *Hood, Christopher.* A public management for all seasons? // Public Administration. – 1991. – 69 :1. – P. 3-19.
229. *Kernaghan, Kenneth.* Integrating values into public service: the values statement as centerpiece // Public Administration Review. – 2003. – 63:6. – P. 711-719.
230. *Kohlberg L.* The development of children's orientations toward a moral order. – Vita Humana, 1963. – № 6. – P. 11-35.
231. *Lipset S.M.* Political Man: The Social Bases of Politics. – Garden City, 1960. – 436 p.
232. *McSwite, O.C.* Legitimacy in Public Administration. – Thousand Oaks CA, Sage, 1997. – 93 p.
233. *Paquet, Gilles.* Governance Through Social Learning. – Ottawa: Presses de l'University d'Ottawa, 1999. – 56 p.
234. *Raz, Joseph.* The Morality of Freedom. – Oxford: Clarendon, 1986. – 435 p.
235. *Rohr, John A.* Constitutional and administrative ethics. A comparative study of Canada, France, the United Kingdom and the United States , in T.L. Cooper ed. – New York: Marcel Dekker, 1994. – 236 p.
236. *Rohr, John A.* Ethics for Bureaucrats // An Essay on Law and Values / 2d ed. – New York: Marcel Dekker, 1989. – 354 p.
237. *Rorty, Richard.* Philosophy and the Mirror of Nature. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979. – 401 p.
238. *Sandel, Michael.* Liberalism and the Limits of Justice. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – Pp. 159-174.

239. *Sidgwick, Henry*. The Methods of Ethics. – Chicago: University of Chicago Press, 1962. – 572 p.
 240. *Simon, Herbert*. Administrative Behaviour. – Glecoe: Free Press, 1957. – 259 p.
 241. *Sumner, L. W.* The Moral Foundations of Rights. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 240 p.
 242. *Tait, John*. A Strong Foundation: Report of the Task force on Public Service Values and Ethics. – Ottawa: Privy Council Office, 1994. – Pp. 1-10.
 243. *Truman D.B.* The Governmental Process: Political Interests and Public Opinion. – N.Y., 1951. – 544 p.
 244. *Van Wart, Montgomery*. Changing Public Sector Values. – New York, Garland Publishing, 1998. – 233 p.
 245. *Wall, Steven*. Liberalism, Perfectionism and Restraint. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 244 p.
 246. *Young, Robert*. Personal Autonomy: Beyond Negative and Positive Freedom. – London: Croom-Helm, 1986. – 236 p.
- Сетевые ресурсы*
247. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. 1992. № 4 (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/60.php.
 248. *Gawthroppe Louis C.* Foundation of Public Administration (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://faculty.cbpp.uaa.alaska.edu/afgjp/PADM601%20Fall%202009/FPA-Ethics-Article.pdf>.
 249. *Gow J.I.* A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science. – Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf>.
 250. Википедия. Свободная энциклопедия/ Саймон Гербер. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

251. Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.gopacnetwork.org>.
252. Всеобщая Декларация прав человека (Преамбула) (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
253. Всеобщая декларация прав человека и гражданина, 1789. (Электронный ресурс) Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/spezhran/spezdeclaracia1789.htm>.
254. Гаус Дж. Ф. Многообразие видов всеобъемлющего либерализма. М., 2010. Пер. В.Новикова (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/mgrig>
255. Ковбенко Л.А. Парламентская культура в современном российском политическом процессе: условия и факторы развития. Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. Спб, 2009 (Электронный ресурс) Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/parlamentskaya-kultura-v-sovremennom-rossiiskom-politicheskom-protssesse-usloviya-i-factory-r#ixzz2XVI9WweX>.
256. Когнитивная лингвистика. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://zinki.ru/book/kog>.
257. Константинова Л. А. Политическая культура общества. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://sites.google.com/site/konstantinovaanastasia01/politiceskaa-kultura-obsestva>.
258. Константинова Л.А.; Лаврикова А.А. Ценностные ориентации как фактор социальной стратификации современного российского общества. (Электронный ресурс) Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-kak-faktor-sotsialnoy-stratifikatsii-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva#ixzz2XUKA7vdt>.
259. Официальный сайт Государственной Думы (Электронный ресурс) Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru>.

260. Полуян Л.Я., Фасеев И.Ф. Организационная культура представительных собраний (парламентская культура — что это такое?) Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1996. №-7 (14) (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.niiss.ru/mag_index.ru.shtm.
261. Пятигорский А.С. Летучие мыши философии. Неприкосновенный запас. №6 (2/2011). (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru>.
262. Сайт Института философии РАН. Моральные дилеммы. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://iph.ras.ru/ethics_dilem.htm.
263. Сайт Института философии РАН. Ситуационный анализ. (Электронный ресурс) Режим доступа: http://iph.ras.ru/ethics_case.htm.
264. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Под ред. О.А. Жидкова. Перевод О.А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993. Декларация независимости США (Электронный ресурс), 4 июля 1776. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/indpndnc.htm>.
265. Сысолятина Е.Л. Парламентаризм как средоточие социокультурных факторов//Альманах Дискурс-Пи (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.madpi.ru?index/php?option=com.content&view-itemid_57.
266. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983. (Электронный ресурс). Режим доступа: [http:// dic academic contents. nst/ enc_ philosophy](http://dic.academic.contents.nst/enc_philosophy).
267. Шалин В.В. Толерантность. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/shalin_tolerantnost/06.aspx#_ftn12.
268. Шалин В.В., Альбов А.П. Право и толерантность: либеральная традиция в эпоху глобализации. — 2-е изд., перераб. и доп. — Краснодар. Краснодарская академия МВД России, 2005. (Электронный ресурс) Режим доступа: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1300>.

269. Щербинин А. И. Парламентская культура. Режим доступа:
<http://duma.toms.ru>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Ценности этической культуры публичной политики

Позитивные ценности этической культуры публичной политики	Негативные ценности этической культуры публичной политики
Основные ценности	Основные оппозиционные ценности
1. Всеобщее благо Всеобщее благо как главная этическая цель политики. Современное содержание всеобщего блага – заключается в триединстве целей – мир, свобода, справедливость (Всеобщая декларация прав человека - Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года²⁷¹); Б. Сутор, Малая политическая этика)²⁷².	1. Конфликт политических целей Конфликт целей, являющихся содержанием всеобщего блага, порождает конфликт ценностей (свобода без мира – анархия; мир без справедливости – тирания и т.д.) Таким образом, всеобщее благо понимается исключительно как единение всех трех целей.
2. Политическое благородство. А) <i>Этос политического благородства</i> Этос политического благородства связан с идеей общественного служения. В системе ценностей политической культуры этос политического благородства может проявлять себя как 1. как демократическая идея общественного служения, когда система направлена на взаимодействие с народом. 2. Как деятельность публичных политиков, направленная на поддержание демократической системы, которой они служат: «В конечном итоге, не только бесполезно, но и даже опасно поощрять публичных политиков следовать самым высоким моральным нормам, если те в итоге не приводят к финальному определению общественного интереса. Их главная роль заключается в управлении, адаптации и защите демократического государства, которому они служат»²⁷³. Б) <i>Благородный гнев, благородная ненависть, благородное презрение</i>: эти ценности благородства связаны с добродетелями ценностей (см. ниже), или, точнее, с добродетелью политического самообладания. Но ценность политического благородства, в данном случае, это не просто умение сдерживать свой гнев, ненависть, презрение. Это умение облагородить данные эмоции,	2. Политическая неискренность добра: А) <i>Этос политической неискренности</i>: подавление идеи общественного служения в ее связи с демократией; элитарность; непризнание достоинства другого; неравное отношение к собственной и чужой чести и достоинству; нетерпимость. Б) Неискреннее благодушие; неискренняя любовь; неискреннее уважение

²⁷¹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

²⁷² Сутор Б. Малая политическая этика // Политическая и экономическая этика. М., 2001. С. 89-93.

²⁷³ J.I. Gow. 2005. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario. <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf>.

подводя их под критерии справедливости. В этом смысле, благородство может выражаться в готовности к политическому сопротивлению, в защите политической справедливости, и может быть связано и с такими добродетелями ценностей, как политическое мужество и политическая справедливость. Благородство зла также имеет свои границы, и должно иметь четкие этические критерии, главный из которых – всеобщее благо. Таким образом, политическое <i>благо-родство</i> – это те мотивы поведения, которые <i>порождены стремлением к благу</i>. Поэтому ценность благородства стоит над добродетелями ценностей. <i>Политическое честолюбие</i> выражается в принципе лидерства (парламентарии должны продвигать и поддерживать этические принципы, чтобы лидировать и быть примером для других – Комитет по стандартам в публичной сфере – 7 принципов публичной политики Великобритании)²⁷⁴.	
3. Политическая целостность и полнота. В парламентской этике существует понятие – <i>полнота этического режима</i>, которое предполагает, что этический режим может быть эффективен только в соотношении и взаимодействии трех его оснований – принципов, норм и механизмов применения норм. При этом нравственные и правовые нормы также должны быть гармонично соотнесены друг с другом. Нравственные принципы не могут работать без правового подкрепления; в то же время, правовые нормы без нравственной основы превращают политическую культуру в бюрократический тип культуры. Наличие этического режима предполагает также и сохранение целостности и полноты парламента. С одной стороны, парламент полон конфликтами, с другой – партии объединены одной идеей в стремлении ко всеобщему благу, поэтому парламент должен действовать как целостный единый организм. Установление целостности парламента и наполненность парламентской культуры осуществляются через опыт разрешения политических конфликтов; опыт разрешения конфликтов интересов; опыт разрешения индивидуальных моральных конфликтов.	3. Конфликт нормативной этики и индивидуальной этики В случае такого конфликта, если нормативная этика преобладает над индивидуальной, культура публичной политики обретает бюрократический характер, что мешает реализации демократических ценностей и общественного интереса. В противоположном случае, когда индивидуальная этика преобладает над нормативной, правовые механизмы по реализации нравственных ценностей и принципов остаются неразвиты, что приводит к такому же результату.

²⁷⁴ Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Институт права и публичной политики, 2005.

4. Политическая чистота в отношении к общественному интересу и общественному долгу <i>Политический интерес, лояльность, уважение к закону, подотчетность избегание конфликта интересов.</i> Формы проявления политической чистоты: <i>честность</i> (чистота мотива и действий; чистота воли и слова: честное лоббирование; декларирование любых частных интересов, относящихся к общественному долгу, разрешение любых конфликтов, возникающих при защите общественных интересов). <i>Открытость</i> (открытость во всех предпринимаемых решениях и действиях, объяснение всех своих решений, ограничение информации только в случае явной необходимости. (Комитет по стандартам в публичной сфере. 7 принципов публичных политиков Великобритании).	4. Конфликт личных интересов и общественного интереса В данном случае, конфликт проявляется уже в мотиве, определяющем дальнейшую <i>нечестность</i> действий и <i>утаивание</i> информации: мотив лишен чистоты, человек сознательно идет на конфликт интересов; он лжет и осознает незаконность своих действий. Конфликт личных интересов и общественного интереса – центральная проблема политической культуры.
ЦЕННОСТИ (ПЕРВАЯ ГРУППА) Первая и вторая группы ценностей добродетелей могут быть отнесены к индивидуальным ценностям, которые выделил Дж. Гоу.: <i>уважение человеческого достоинства; справедливость и гражданственность; открытость и уважение различий</i>²⁷⁵. Ценности добродетелей относятся к сфере индивидуальной морали, поэтому могут проявляться в тех ситуациях, которые не могут быть разрешены при помощи кодифицированных этических норм (См. главу 1, параграф 3 данного исследования). Политические ценности добродетелей справедливости, мужества, мудрости и самообладания имеют следующие особенности: они являются нравственным минимумом для парламентария в его профессиональной деятельности; они ситуативны, т.е., применяются в отношении к определенной ситуации. <i>Политическая справедливость</i>. Традиционно, со времен Аристотеля, справедливость имеет три значения, из которых складывается современное понятие политической справедливости: 1. взаимность; 2. законность; 3. распределение и уравнивание. Политическая справедливость относится к сфере политических ценностей, и проявляется в следующих аспектах:	Оппозиционные ценности (ПЕРВАЯ ГРУППА) <i>Политическая несправедливость:</i> невзаимность; незаконность; несправедливое разделение и иерархия благ <i>Политическая опрометчивость</i> – неправильный выбор из возможных решений <i>Политическая трусость</i> – может проявляться как конформизм и предательство общественных интересов ради карьерных целей; преклонение перед политической силой без оценки ее справедливости или несправедливости. <i>Политическое неблагоразумие</i> – неумение управлять своими страстями и аффектами; незнание чувства меры в словах и поступках; несдержанность; поспешность принятия решений

²⁷⁵ J.I. Gow. 2005. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario. <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf>.

политический интерес, лояльность, уважение к закону, подотчетность (Дж. Гоу). Политическая справедливость может подразумевать и альтруизм, и готовность к дарению, и равное отношение к «своим» и «чужим»: «Справедливость есть синтез между отречением от себя для других и звериной природой, стремящейся все от других отбирать для себя. Не делать другим того, чего себе и своим не хотят; нужно, чтобы и государственный строй был построен на таком же начале, воспитывал в людях подобное к другим отношение; чтобы это было задачей и государства и отдельных людей»²⁷⁶. (В.А. Маклаков).

Политическая мудрость: связана с добродетелью рассудительности – качества практического ума (Аристотель). В политическом смысле, мудрость – это способность сделать правильный выбор из возможных решений. Если рассматривать ценности современного общественного служения как *поиск подходящего поведения в конкретных ситуациях* (Дж. Гоу), то базовой ценностью индивидуальных добродетелей может являться ценность политической мудрости. Но это не исчерпывающий подход к вопросу о политической мудрости. Как было установлено в данном параграфе, программа обучения гос. служащих в США, в основании которой лежал принцип *удовлетворенности* (особая методика принятия правильных решений), привела к нивелированию индивидуальной этики и превращению системы государственной службы в бюрократическую модель политической культуры. Здесь невольно напрашивается аналогия с софистами, учителями мудрости.

Политическое мужество. Современное понимание этой добродетели ценности связано с политическим поведением, с готовностью отстоять свое мнение и свою политическую позицию из мотива защиты общественного интереса и всеобщего блага.

Политическое самообладание. Если добродетель рассудительности связана с разумом, то добродетель самообладания связана с телесностью. В философской этике добродетель самообладания связана с

²⁷⁶ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк 1954. Гл. 15. http://www.hrono.info/libris/lib_m/maklak00.html.

умением управлять собой и контролировать собственные страсти – гнев, зависть, ненависть и т.д. Современная политическая этика придает этой ценностной добродетели дополнительный оттенок – здравомыслие, чувство меры, сдержанность.	
ЦЕННОСТИ (ВТОРАЯ ГРУППА) <i>любовь к ближнему, справедливость и милосердие, направленность на чужую личность и признание ее равного достоинства,</i> – ключевые ценности христианской этики. Этико-религиозные принципы лежали в основании политической культуры многих стран, например, как было указано в данном параграфе, в основании политической культуры США лежат ценности пуританской этики.	Оппозиционные ценности (ВТОРАЯ ГРУППА) <i>Политический рессентимент</i> Состояние рессентимента в политике наиболее ярко проявляется именно в парламентской среде. Оно характеризуется следующими особенностями: 1. Невозможность осуществления ценности ведет к образованию иной ценности, или антиценности, тогда как первоначальная положительная ценность принижается, критикуется или подвергается отрицанию. 2. Помощь со стороны, в достижении первоначальной ценности отвергается и вызывает раздражение. «Ресентиментную критику отличает как раз то, что на самом деле она вовсе не желает того, что выдает за желаемое, она критикует не для того, чтобы устранить зло, а лишь использует зло как предлог, чтобы высказаться. Кто не знает депутатов парламента, чья критика безоговорочна и безмерна именно потому, что они знают - министрами им никогда не стать. О многих политических партиях можно сказать, что нельзя раздосадовать их сильнее, чем, осуществив их программные требования или помешав им гордиться собственным принципиальным оппозиционерством, путем привлечения к позитивному сотрудничеству в практической и государственной работе» (М. Шелер)²⁷⁷.
<i>Политическая надежность и верность, влияние на политическую систему с позиций справедливости;</i>	<i>Предательство общественных, партийных или общепарламентских интересов:</i> подрыв общественного

²⁷⁷ Шелер М. Ресентимет в структуре моралей. М., 1999.

<i>поддержка общественного доверия; служба общественному интересу.</i>	доверия; вовлечение в ситуацию конфликта интересов. Невыполнение обещаний, данных избирателям. Такая анти-ценность, как <i>поддержка несправедливой политической системы в парламенте</i> (в парламентской деятельности, но не в государственной службе, потому что основная ценность последней – <i>защита</i> политической системы) может обернуться темной стороной, и стать анти-ценностью, одной из составляющих анти-ценностей политической неискренности добра.
<i>Политическая правдивость и искренность</i> Проявляется в этике публичной политики через принципы открытости, подотчетности и объективности (7 принципов публичной политики Великобритании)²⁷⁸.	<i>А) ценностный конфликт правдивости и так называемой «лжи во спасение»</i> «Ложь во спасение» - ради интересов фракции, избирателей и т.д. Критерием морального решения в этом случае становится общественный интерес. <i>Б) Утаивание финансовой информации, или сообщение заведомо ложной информации</i> <i>Нечестное лоббирование</i>
<i>Совесть и сознание вины</i> проявляется как готовность признания своей вины и ответа за свои поступки	<i>Стремление избежать справедливого наказания; сокрытие преступления:</i> выражается, как правило, в попытке избежать декларирования финансов или недвижимости, а также в сокрытии информации в личных целях.
ЦЕННОСТИ (ТРЕТЬЯ ГРУППА) – лежат в сфере современной профессиональной политической/парламентской этики. Необходимо отметить, что именно эта группа ценностей вызывает наибольшие споры при их определении. <i>Любовь к дальнему.</i> Забота об интересах дальнего – то есть, интересах будущих поколений. Это может проявляться как долгосрочное планирование этического поведения ради будущего общественного интереса (любовь к дальнему и альтруизм и	Оппозиционные ценности (третья группа) <i>Политическая демагогия на любви к дальнему</i> конфликт интересов: политическая спекуляция на общественном интересе будущих поколений, ради осуществления собственных интересов.

²⁷⁸ Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005.

солидарность; любовь к ближнему и любовь к дальнему; любовь к дальнему и справедливость; любовь к дальнему и нравственный идеал)	
<i>дарение и принятие дара, дар и благодарность; дар и благотворительность</i> Вопрос о дарении и принятии в парламентской этике лежит в сфере профессионального поведения. Ценность этой добродетели напрямую связана с принципом честности (честность: парламентарии должны декларировать любые частные интересы, относящиеся к их общественному долгу, и делать шаги к разрешению любых конфликтов, возникающих при защите общественных интересов (Комитет по стандартам в публичной сфере. 7 принципов публичной политики Великобритании).	<i>Злоупотребление дарами и благодарностью</i> Вопрос о принятии подарков подробно описывается во многих этических правилах. Следует отметить, что этот вопрос рассматривается с некоторыми оговорками – так, в некоторых странах, где существует давняя культура дарения подарков (например, в Индии) к этому вопросу подходят не так строго, и проблема обращается в иную плоскость – <i>непринятие</i> дара может оскорбить дарящего²⁷⁹. Поэтому, для таких стран, данный вопрос, о ценности дарения и принятия дара должен быть проанализирован с иных позиций, и, возможно, должен быть помещен в иную группу ценностей.
<i>Профессиональная ответственность и долг</i> лежат в основании принципа подчинения общественному интересу. Эти добродетели проявляют себя через профессиональные принципы: мастерство, квалификация, умение (effectiveness); результативность, производительность (efficiency); беспристрастность.	<i>Профессиональная безответственность</i> Может проявляться через отсутствие профессиональных ценностей и навыков; через неэффективность работы; незнание законов и принципов этической культуры парламента.
<i>Ценности внешнего обхождения (ценности парламентского поведения)</i> Несмотря на то, что в парламентской этике наиболее важную часть занимают ценности, касающиеся конфликта интересов, ценности внешнего обхождения играют не менее важную роль. Вопрос лежит в сфере соблюдения парламентского регламента, парламентского этикета, парламентской дисциплины, взаимоотношений с избирателями, средствами массовой информации, формирования имиджа депутата. Ценности внешнего обхождения играют большую роль, чем принято считать – так как они влияют на уровень авторитета парламента в обществе. Известно, что депутаты ультра-консервативных партий в Государственной	<i>Нарушение этикетных норм в парламенте и за его пределами.</i> Построение собственного политического имиджа за счет скандалов и громких конфликтов. Неуважительное отношение к СМИ и избирателям, а также к своим коллегам. Несоблюдение распорядка парламента и нарушение парламентской дисциплины. Недопустимое поведение и неприемлемый образ жизни вне стен парламента.

²⁷⁹ Парламентская этика: сравнительный анализ. М., 2000.

думе 1906 – 1917 годов, провоцировали скандалы и конфликты в парламенте, с целью подорвать авторитет Думы в обществе.	
---	--

Приложение 2

Модель этической культуры в парламентаризме

Ценности этической культуры публичной политики	Принципы парламентской деятельности	Нормы парламентской деятельности	Механизмы осуществления принципов и норм	Этическое образование
<i>Всеобщее благо</i>	Разделение и защита принципов свободы, мира и справедливости, представленных во Всеобщей Декларации прав человека; уважение и защита прав человека; Соблюдение конституционных ценностей; Понимание цели и предназначения института парламентаризма; Обеспечение уважения к институту парламентаризма	Данные принципы обязательны для всеобщего исполнения, и нормативно закреплены во Всеобщей декларации прав человека и конституциях государств, а также в преамбулах этических кодексов	Правовая система государства; институт парламентаризма; этический режим в целом.	Программы этико-правового образования в области конституционного права и прав человека
<i>Политическое благородство</i>	Соблюдение общественного долга; Верность и преданность государству; Обязанность перед избирателями ²⁸⁰ ; Соблюдение закона ²⁸¹ ; Служение обществу	Эти принципы нормативно закреплены в таких документах, как Конституция, Регламент Парламента; законы о статусе депутата.	Присяга на верность; торжественное обещание, клятва, или заявление о верности при вступлении в должность	Образовательные программы по принятию ключевых ценностей и пониманию правил, Всеобщая организация парламентариев по борьбе с коррупцией рекомендует

²⁸⁰ Восьмой доклад Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании, ноябрь, 2002

²⁸¹ Кодекс парламентской этики Государственной Думы РФ. Проект от 17 января 2003 года

				включить в процедуры официального введения в должность для всех парламентариев.
<i>Политическая целостность и полнота</i>	Поддержка идеи парламентаризма как объединенного народного представительства, защита и уважение национальных интересов, соблюдение престижа и достоинства парламента	Конституция, Регламент Парламента; законы о статусе депутата. Парламентские этические кодексы	Полнота этического режима – оптимальный баланс принципов, правил и процедур парламентской деятельности	Дискуссии и семинары с целью создания этического режима; обмен международным опытом этического регулирования; вступление в международные парламентские ассоциации и объединения; формирование этического кодекса и его постоянное изменение с учетом парламентских реалий.
<i>Политическая чистота в отношении к общественному интересу и общественному долгу</i>	Честность, Открытость Прямота Беспристрастность	Конституция; Законы, направленные на борьбу с коррупцией; Общие законы об этике публичных политиков или государственных служащих; Этические кодексы; Регламенты палат; Реестры интересов	Депутатская неприкосновенность. Предупреждение конфликта интересов. Ограничение на совмещение должностей и последующее трудоустройство	Консультативная деятельность Советника по этике или комиссии по этике
ЦЕННОСТИ (ПЕРВАЯ ГРУППА) <i>Политичес-</i>	уважение человеческого достоинства; справедливость и	Правила парламентской этики при работе с избирателями; с	Данные добродетели являются индивидуальны	Программы взаимодействия с избирателями;

кая справедли- вость; Политичес- кая мудрость; Политичес- кое мужество; Политичес- кое самооблада- ние	гражданственност ь; гражданская ответственность; открытость и уважение различий	государственным и органами и должностными лицами; со СМИ; при пребывании в иностранных государствах и встречах с иностранцами гражданами	ми и ситуативными политическими добродетелями, поэтому сложно найти правовые механизмы их осуществления. Они могут быть лишь задекларирован ы в кодексе. Это значит, что формирование и поддержка таких добродетелей лежит в сфере этического образования.	Семинары, конференции и дискуссии по вопросам гражданственн ости и терпимости Программы, направленные на обучение алгоритму принятия оптимальных политических решений
ЦЕННОСТИ (ВТОРАЯ ГРУППА) любовь к ближнему, справедли- вость и милосердие, направлен- ность на чужую личность и признание ее равного достоинст- ва	Альтруизм; Милосердие, Сострадание, Терпимость	Всеобщая декларация прав человека; Конституция; Общие законы об этике публичных политиков или государственных служащих; Этические кодексы.	Данные добродетели являются индивидуальны ми и имеют в своей основе этико- религиозные принципы, поэтому сложно найти правовые механизмы их осуществления. Они могут быть лишь задекларирован ы в кодексе. Это значит, что формирование и поддержка таких добродетелей лежит в сфере этического образования.	Семинары, конференции и дискуссии по вопросам гражданственн ости и терпимости; Программы этико- правового образования в области конституционн ого права и прав человека
Политичес- кая надежность и верность, влияние на политичес- кую систему с позиций справедли-	Верность принципам политической справедливости; Надежность и верность избирателям Верность интересам своей	Конституция, Регламент Парламента; законы о статусе депутата. Парламентские этические кодексы Правила парламентской	Присяга на верность; торжественное обещание, клятва, или заявление о верности при вступлении в должность;	Консультативн ая деятельность Советника по этике или комиссии по этике Программы взаимодействи

<i>востии; поддержка обществен- ного доверия; служба обществен- ному интересу</i>	политической партии	этики при работе с избирателями; с государственным и органами и должностными лицами, преамбулы этических кодексов; Программные документы политических партий.	Депутатские запросы Наказы избирателей Предупреждение конфликта интересов. Ограничение на совмещение должностей и последующее трудоустройство Доступ общественности к декларации.	я с избирателями Семинары, конференции и дискуссии по вопросам гражданственн ости и терпимости Образовательн ые программы по принятию ключевых ценностей и пониманию правил, предлагающие ся для изучения в начале депутатского срока.
<i>Политичес- кая правдивость и искренность</i>	открытость, подотчетность и объективность	Нормативные акты и документы, касающиеся вопросов декларирования финансовой информации (например, Реестр интересов в Великобритании) Законы, направленные на борьбу с коррупцией Правила взаимоотношени й со СМИ	Депутатская неприкосновенн ость. Декларирование недвижимости, финансов, подарков, в том числе, принадлежащих ближайшим родственникам. Доступ общественности к декларации. Процедура заявления о личном интересе (честное лоббирование)	Консультативн ая деятельность Советника по этике или комиссии по этике
<i>Совесть и сознание вины</i>	открытость, подотчетность, честность, прямота, беспристрастность	Правила досрочного сложения полномочий; Правила «честного лоббирования»	Добровольное сложение полномочий. Процедура заявления о личном интересе (честное лоббирование)	Консультативн ая деятельность Советника по этике или комиссии по этике
ЦЕННОСТИ (ТРЕТЬЯ	Ответственность перед будущими	Общие положения	Присяга на верность;	Программы этико-

ГРУППА) <i>Любовь к дальнему</i>	поколениями	кодексов парламентской этики Программные документы политических партий.	торжественное обещание, клятва, или заявление о верности при вступлении в должность или при вступлении в политическую партию. Наказы избирателей.	правового образования в области конституционн ого права и прав человека; Образовательн ые программы по принятию ключевых ценностей и пониманию правил
<i>дарение и принятие дара, дар и благодар- ность; дар и благоотво- ритель- ность</i>	Честность, открытость, прямота	Конституция; Законы, направленные на борьбу с коррупцией; Общие законы об этике публичных политиков или государственных служащих; Этические кодексы; Регламенты палат; Реестры интересов	Декларирование подарков, выходящих за границы определенной стоимости.	Консультативн ая деятельность Советника по этике или комиссии по этике
<i>Профессио- нальная ответст- венность и долг</i>	Беспристрастност ь; Профессиональ- ное мастерство, лидерство; Эффек- тивность	Общие положения кодексов парламентской этики	Механизмы осуществления данных принципов лежат в сфере этического образования	Программы этико- правового образования в области конституционн ого права и прав человека; Образовательн ые программы по принятию ключевых ценностей и пониманию правил Программы, направленные на обучение алгоритму принятия оптимальных политических решений

				Консультативная деятельность Советника по этике или комиссии по этике; Мониторинги, направленные на определение профессиональных ценностей; программы повышения квалификации; Лекции по истории парламентаризма и парламентской этике
<i>Ценности внешнего обхождения (ценности парламентаризма поведения)</i>	Уважение к многообразию мнений; Свобода слова; Охрана репутации; Поддержание авторитета депутата и авторитета парламента; соблюдение собственного и чужого достоинства ²⁸² . 2. Лидерство в установлении высоких этических стандартов (депутаты должны собственным примером продвигать принципы этического поведения: «Люди ожидают, что парламент подаст	Правила поведения на заседаниях палаты, в комитетах и комиссиях. Правила поведения во время парламентских слушаний. Правила внутреннего распорядка парламента. Парламентский регламент.	Лишение слова или права голосования на одно или на несколько заседаний; моральное осуждение	Консультативная деятельность Советника по этике или комиссии по этике Дискуссии, обсуждения, семинары по вопросам, связанным с нарушением принципов и правил депутатского этикета; ситуационный анализ и разбор конфликтных ситуаций

²⁸² Кодекс парламентской этики Государственной Думы РФ. Проект от 17 января 2003 года

	пример в виде собственной системы регулирования» ²⁸³ .			
--	---	--	--	--

Приложение 3

Модель этического образования в парламентаризме

Содержание этического образования	Способы реализации этического образования	Функции комиссия по этике или Советника по этике в системе этического образования
1. Нравственное обучение парламентариев	Формирование программы нравственного обучения по методу Л. Кольберга. Как отмечают некоторые исследователи, именно метод Кольберга помогает разрешить спор между этикой предпочтений и этикой ограничений: «Спор между ценностями и дисциплинарной этикой отсылает к изысканиям Л. Кольберга и тех, кто разделял его теорию, доказывающим, что обращение к этическим проблемам само по себе поднимает уровень моральной мотивации» ²⁸⁴ .	Организация программ нравственного обучения. Мониторинги с целью выявления базовых ценностей парламентской деятельности. Создание тренингов с целью нравственного обучения.
2. Анализ моральных дилемм А) Выделение моральных дилемм как моделей для этического анализа. Б) Анализ реальных моральных дилемм	Ситуационный анализ дилеммы в условиях семинара или дискуссии. Выделение ценностей. Определение нравственных критериев выбора.	Организация дискуссий и форумов по поводу моральных дилемм. Индивидуальное консультирование. Создание алгоритма разрешения моральных дилемм. Создание банка моделей моральных дилемм, основанных на реальной парламентской практике. Этико-правовая консультация.
3. Анализ конфликтных ситуаций	Ситуационный анализ конфликта в условиях семинара или дискуссии. Определение причин и ситуации и истинных мотивов конфликтующих сторон. Формулирование моральной дилеммы,	Выделение конфликтов в парламентской среде и приглашение участников к их открытому обсуждению, с позиций парламентской этики. Организация дискуссий и форумов по поводу конфликтных ситуаций. Создание

²⁸³ Восьмой доклад Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании, ноябрь, 2002.

²⁸⁴ J.I.Gow. 2005. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science Association Western University, London Ontario. <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf>.

	являющейся сердцевиной конфликта. Поиск оптимального решения. Поиск альтернативного решения. Ценностный выбор из возможных решений.	некодифицированного алгоритма разрешения конфликтных ситуаций.
4. <i>Обеспечение необходимой информацией</i>	Программы по повышению уровня профессиональной этики парламентариев. Международное сотрудничество по вопросам парламентской этики. Наличие «handbook» - путеводителей по основным этическим принципам и нормам. Источники информации по парламентской этике (сайты, литература, лекции, конференции и т.п). Особую роль играют Председатель парламента и лидеры политический партий. По утверждению Всемирной организации парламентариев против коррупции, именно лидеры задают тон в отношении к этической культуре в парламенте, и если они проявят свою заинтересованность в этом вопросе, то система этической культуры, и, в частности, этического образования будет формироваться намного быстрее²⁸⁵.	Написание и организация программ по повышению уровня профессиональной этики. Консультативная деятельность по вопросам нормированных и некодифицированных ситуаций. Организация информационно-этического обеспечения, издательская деятельность, информационное продвижение ценностей и принципов этической культуры.

²⁸⁵ <http://www.gopacnetwork.org>.